

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПОСОЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬШИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УНИВЕРСИТЕТ ЯНА КОХАНОВСКОГО В КЕЛЬЦЕ

**СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы X Международной научно-практической конференции,
посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель

(Омск, 23 - 26 апреля 2014 г.)

Часть II

Омск

Издательство Омского государственного аграрного университета

им. П.А. Столыпина

2014

УДК 94(57)+338.1(09)(57)

ББК 63.3(253)-21

С 34

Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23-26 апреля 2014 г.) / Под ред. Т.Н. Золотовой, В.В. Слабодцкого, Н.А. Томилова, Н.К. Чернявской: в 3 частях. – Омск: Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. - Ч. II. - 390 с.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. редактор)
канд. ист. наук Н.К. Чернявская (гл. редактор)
канд. ист. наук Т.Н. Золотова (отв. редактор)
канд. ист. наук В.В. Слабодцкий (отв. редактор)
канд. экон. наук О.А. Блинов
канд. с.-х. наук М.Н. Веселова
канд. с.-х. наук С.П. Кузьмина
канд. фил. наук М.Л. Марус (англ. перевод)
канд. ист. наук С.А. Мулина
канд. ист. наук И.А. Селезнёва

*Издание подготовлено при финансовом участии
Консульства Республики Польша в Иркутске*

В издании представлены материалы X Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель, состоявшейся в Омске 23-26 апреля 2014 г. В статьях и тезисах докладов анализируются различные аспекты исторического, экономического и социокультурного развития Сибири. Сборник материалов будет интересен ученым различных специальностей (историкам, этнологам, музееведам, культурологам, демографам, экономистам, экологам, землеустроителям), а также специалистам-практикам, работающим в аграрной сфере экономики, в учреждениях культуры, образования и органах управления.

ISBN 978-5-8042-0351-2

© Омский государственный аграрный университет, 2014

© Сибирский филиал Российского института культурологии, 2014

MINISTRY OF AGRICULTURE AND FOOD OF OMSK OBLAST
OMSK STATE AGRARIAN UNIVERSITY
NAMED AFTER P.A. STOLYPIN
INSTITUTE OF HISTORY OF SIBERIAN DIVISION OF THE RAS
SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN INSTITUTE FOR CULTURAL RESEARCH
OMSK F.M. DOSTOEVSKY STATE UNIVERSITY
OMSK BRANCH OF INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SIBERIAN
DIVISION OF THE RAS
POLISH ACADEMY OF SCIENCES
EMBASSY OF REPUBLIC OF POLAND TO RUSSIAN FEDERATION
JAN KOCHANOWSKI UNIVERSITY IN KIELCE

**SIBERIAN VILLAGE:
HISTORY, PRESENT STATE
AND FURTHER DEVELOPMENT**

**Collection of articles of the 10th research-to-practice conference, dedicated to the
60th anniversary of virgin and fallow lands reclamation**
(Omsk, April, 23 – 26, 2014)

Part II

Omsk

Omsk State Agrarian University

n.a. P.A. Stolypin Press

2014

UDC 94(57)+338.1(09)(57)

BBC 63.3(253)-21

C 34

Siberian village: history, present state and further development: Collection of articles of the 10th research-to-practice conference, dedicated to the 60th anniversary of virgin and fallow lands reclamation (*Omsk, April, 23 – 26, 2014*) / Editors T.N. Zolotova, N.A. Tomilov, N.K. Chernyavskaya, V.V. Slabodtsky: 3 parts. – Omsk: Omsk State Agrarian University n.a. P.A. Stolypin Press, 2014. - P. II. -390 p.

Editorial board:

N.A. Tomilov - Doctor of Historical Sciences (Chief Editor)

N.K. Chernyavskaya - Candidate of Historical Sciences (Chief Editor)

T.N. Zolotova - Candidate of Historical Sciences (Executive Editor)

V.V. Slabodtsky - Candidate of Historical Sciences (Executive Editor)

O.A. Blinov - Candidate of Economical Sciences

M.N. Veselova - Candidate of Agricultural Sciences

S.P. Kuzmina - Candidate of Agricultural Sciences

M.L. Marus - Candidate of Philological Sciences (English Translation)

S.A. Mulina - Candidate of Historical Sciences

I.A. Selezneva - Candidate of Historical Sciences

*This issue was published with financial support from Consulate
of the Republic of Poland in Irkutsk*

The present issue is a collection of articles of the 10th research-to-practice conference «Siberian village: history, present state and further development», dedicated to the 60th anniversary of virgin and fallow lands reclamation, which was held in Omsk on April, 23-26, 2014. The articles and theses analyze various aspects of historical, economical and socio-cultural development of Siberia. The collection of articles may be of interest for researchers in various fields (historians, ethnologists, museologists, culturologists, demographers, economists, ecologists, land use planners) as well as practical specialists working in agrarian economy, in cultural and educational establishments and governmental bodies.

ISBN 978-5-8042-0351-2

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 9 (571.1)

Л.В. Азарова

Омск, государственный педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

L.V. Azarova

Omsk state pedagogical University

CHANGE THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Аннотация. Цель исследования – выявить уровень качества жизни населения в субъектах Западной Сибири, его дифференциацию и изменение во времени как развитие человеческого капитала аграрной экономики.

Ключевые слова. Западная Сибирь, качество жизни населения, система показателей качества жизни.

Annotation. To reveal the level of quality of life of the population in the regions of Western Siberia, its differentiation and change over time as a human capital development in the agrarian economy.

Keywords. Western Siberia, the quality of life of the population, system of indicators of quality of life.

В 2004 г. Президент России впервые определил *качество жизни* (КЖ) как целевой критерий социально-экономического развития России¹. С этого времени проблема измерения и оценки качества жизни населения России

перешла в плоскость решения практических задач. По мнению специалистов, *качество жизни населения* — это степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей человека. Некоторые исследователи при определении понятия «качество жизни» большое внимание ориентируют на экономическую сторону, материальную обеспеченность жизни населения. Имеет место и противоположная точка зрения, в соответствии с которой качество жизни является максимально интегрированным социальным показателем. Исходя из разных подходов к содержанию «качества жизни населения», правительство определило систему совокупности отдельных показателей, характеризующих это качество, - доходы населения, демографические показатели, стоимость жизни, потребление населения, интегральные показатели жизни населения, обеспечение населения объектами инфраструктуры и техническими средствами отраслей социальной жизни, демографические параметры и др. совокупность системы показателей. Каждая система показателей является так же совокупностью множества показателей. Отсюда и интегрированный подход к определению «качества жизни» населения и различные подходы авторов к определению показателей.

Исследования в этом направлении проводятся разными специалистами. Сегодня известны результаты исследований, проведенных в МГУ, в Институте политологии и в НИСО (Независимом институте социальной политики). Так, доктор политических наук, доцент института политологии МГУ *А.С. Ахременко* считает, что «изучение ... качества жизни, по своей сути, ориентировано в первую очередь на те показатели социального развития, которые в той или иной степени оказывают влияние на жизнь конкретного человека»². Говоря о качестве жизни населения, в том числе и субъектов Западной Сибири, нельзя не учитывать размеры нашего государства и различие в уровне социально-экономического развития регионов разного иерархического порядка, а отсюда различие в совокупности показателей, определяющих качество жизни. Проведенные исследования определили качество жизни в 2005-2009 гг., но полученный интегральный

индекс больше не рассчитывался, измерения качества жизни больше не возобновлялись.

Используя полученные расчеты, дифференциация качества жизни в субъектах Западной Сибири выглядит следующим образом (см. табл.1). Для сравнения автор привел данные по субъектам, которые по рейтингу этого показателя являются ведущими. Однако из данных виден разрыв между показателями «качества жизни населения» не только в пределах Западной Сибири, но и субъектах России.

Таблица 1

Уровень качества жизни населения некоторых субъектов России³

Субъект РФ	Год	Рейтинг	Индекс качества жизни населения (100)
Москва	2008	1	79,35
	2003	1	74,0
Санкт-Петербург	2008	2	75,33
Московская область	2008	3	71,07
Белгородская область	2009	4	70,51
	2008	...	70,14
Ханты-Мансийский АО	2009	5	70,49
	2008	...	68,09
Краснодарский край	2009	6	69,41
Тюменская область	2009	7	68,78
	2008	9	67,25
Татарстан	2009	8	68,73
Ямало-Ненецкий АО	2009	9	68,55

	2008	8	67,27
Липецкая область	2009	10	67,14
Республика Северная Осетия-Алания	2008	10	67,03
Алтайский край	2009	65	...
Кемеровская область	2009	52	...
Новосибирская область	2009	45	...
Омская область	2009	33	64.0
	2003	...	58.0
Томская область	2009	46	...

Исходя из величины индекса качества жизни населения определен уровень качества жизни во всех субъектах по диапазону относительных значений показателя и определено качество жизни в баллах, а также его качественная интерпретация. Судя по результатам исследований, первые три места взяли Москва, Санкт-Петербург и Московская область. После столичных регионов в 10 лучших вошли Белгородская область (индекс качества жизни - 70,61), Ханты-Мансийский автономный округ (70,49), Краснодарский край (69,41) и Тюменская область (68,78), Татарстан (68,73), Ямало-Ненецкий АО (68,55) и Липецкая область (67,14). Омская область стоит на 33-м месте в рейтинге качества жизни населения. Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Алтайский край расположились соответственно на 45, 46, 52, 65 местах. В 2003 году качество жизни в Омской области достигало показателя 58 (из возможных 100). В Москве в том же году этот показатель держался на отметке 74. К 2009 году уровень жизни в Омской области вырос до 64. Но сегодня, по многим позициям качество жизни снизилось в Омском регионе и значит, рейтинг области стал ниже. Если Москва и Санкт-Петербург имеют хорошее «качество жизни населения», а в большинстве субъектов Западной Сибири удовлетворительное и приемлемое «качество жизни населения», то Омская

область по диапазону относится к группе с нежелательным «качеством жизни населения».

Анализируя различные показатели КЖ, видно, что в настоящее время уровень отдельных показателей изменился. Так по данным ООН, Омская область находится на 7-м месте (2010-2012 гг.) по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) среди всех субъектов федерации⁴.

Итак, в пределах Западной Сибири наблюдается дифференциация между различным уровнем показателей, характеризующих «качество жизни населения». Существует множество подходов к их определению. Основными причинами различий в субъектах являются происходящие изменения социально-экономических условий России и мирового хозяйства.

¹ Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/09/93296.shtml>.

² Ахременко А.С. Стабильность политического и социального развития российских регионов: взгляд через призму проблемы качества жизни. Доктор политических наук, доцент, зав. лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ahremenko@yandex.ru // МГУ. Факультет политологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2010/04/02/1218244173/dakhremenko%20R-10.pdf> (дата обращения: 04.02.2013).

³ Ahremenko@yandex.ru // МГУ. Факультет политологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2010/04/02/1218244173/dakhremenko%20R-10.pdf> (дата обращения: 04.12.2013).

⁴ Социальный атлас России. Интегральные индексы. Индекс развития человеческого потенциала. Карта 2006 г. // Независимый институт социальной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://atlas.socpol.ru/maps/4_1_1abmap.gif

⁵ Дубовский М. Бизнес-климат и качество жизни // Особое внимание. 2012. № 37 (104). С. 16-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.google.com/file/d/0B4nBf3Rg-taPbFJSNGJKS0R0TWm/edit?pli=1>

Ю.В. Аргудяева

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА
СЕМЕЙ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

Yu. V. Argudyaeva

*Vladivostok, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of
the Far East Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*

**THE INFLUENCE OF MIGRATIONS ON THE CHANGE OF
STRUCTURE OF FAMILIES OF PEASANTS-SETTLERS IN THE FAR
EAST AT THE END OF THE XIX CENTURY**

Аннотация. Рассматривается влияние миграционных процессов на изменение структуры семьи крестьян-переселенцев Дальневосточного региона. Выявляются основные причины изменений и возникновения определенной демографической ситуации. Особое внимание уделяется демократическим тенденциям в поведении крестьянок на российском Дальнем Востоке.

Ключевые слова. Миграции, структура семьи, Дальний Восток, изменения.

Annotation. There is considered the influence of migration processes on the change of the family structure of peasants-settlers of the Far Eastern region. There are revealed the basic reasons that influenced on reducing the number and the change of the structure of the Far Eastern peasant family and formation a specific demographic situation in the Russian Far East. There is given attention on the development democratic transformations in the behavior of women-peasants in the Russian Far East.

Key words. Migration, family structure, the Far East, changes.

Состав, структура и численность семейных коллективов оказывали и оказывают существенное влияние на экономический, демографический, культурный, воспитательный потенциал и реализацию ряда функций семьи. В свою очередь на численный и структурно-поколенный состав семейного коллектива существенно влияли миграционные процессы.

Списки переселенческих партий, куда вносился каждый член семьи мигранта, не всегда дают достоверную картину о численности и структурно-поколенном составе семейства крестьянина-переселенца. Как выяснилось при анализе ряда документов, некоторые семейные коллективы восточнославянского населения отправлялись на Дальний Восток не в полном составе. Причины такой ситуации были разные. Нередко, в связи с переездом, происходил раздел больших неразделенных семей и на восток страны следовал авангард — выделившаяся молодая семья, а родительская часть семьи оставалась дома. Иногда один из членов семьи не мог, по каким-либо причинам, или не хотел следовать со всей семьей в далекий край; строились препятствия и со стороны местного начальства и др. Все это не позволяло составить реальное представление о составе и структуре семейных коллективов, бытовавших в определенный период в регионах выхода переселенцев и регионах вселения, проследить реальные демократические изменения в семейном строе и выявить хозяйственную мощь семьи в процессе адаптации к новым условиям жизни в восточных регионах России.

По-разному к таким ситуациям подходила и дальневосточная администрация. На первых этапах освоения Дальнего Востока, в 50-70-е годы XIX в., не разрешалось переселение одиноких (без жены), престарелых членов семейного коллектива и семей с одним работником или семей с большим количеством малолетних детей, что, по мнению чиновников, ослабляло трудовой потенциал семейного коллектива крестьян-мигрантов.

В 80-90-е годы XIX в., когда правительство приняло ряд мер для экономической помощи семьям переселенцев и несколько сот семей

перевезло за свой счет, местная администрация иногда находила возможность воссоединить разрозненные семьи. В частности, согласно архивным данным за 1892 г., проситель давал подписку о том, что по прибытии на Дальний Восток выписываемую им семью или её часть он обязуется содержать в своем хозяйстве, за свой счет и обещал, что прибывшие его родственники не будут обращаться в Переселенческое управление с просьбой о ссуде из казны.

Некоторые из переселенцев вносили деньги на переезд своих родственников или указывали в прошении, что от продажи своего имущества на родине эти члены семейного коллектива выручат нужную на проезд сумму. Таким просителям Переселенческое управление Южно-Уссурийского края выдавало удостоверение о том, что с их родственников на родине не следует требовать залога. Это удостоверение вместе со своим прошением о переселении родственник отправлял на имя местного губернатора, который, однако, не всегда шел навстречу просьбам просителя. Но Министерство внутренних дел, которое ведало в тот период переселениями крестьян, местное дальневосточное начальство и Переселенческое управление обычно шли навстречу просьбам о воссоединении семьи или разрешении на переезд семьям взрослых сыновей, братьев и даже зятёв со своими семьями без внесения залога на обустройство. Особенно это касалось той оставшейся части семьи, которая сама платила за переезд, или ей разрешался переезд за счет кредита, ассигнованного на переселение, т.е. в долг, с последующей уплатой этой суммы в течение трех лет с небольшими процентами. Особенно благосклонно относились к просьбам тех переселенцев, которые уже прочно обосновались на Дальнем Востоке или были мастерами. Обычно оставшиеся на родине родственники становились членами семьи просителя. Были и другие ситуации, особенно среди казеннокоштных крестьян. Им Южно-Уссурийское переселенческое управление чаще шло навстречу, особенно тем, кто мог внести требуемый залог в 600 руб. или не просил оплатить переезд оставшейся части семьи, а также в случае, если взрослый

сын на момент переезда семьи служил в армии. Последнее обстоятельство учитывалось практически всегда. В иных случаях местное начальство давало разрешение на переезд в родительскую семью на казенный счет окончившего службу мужчины, но отказывалось перевозить за счет казны его собственную семью. Правда в результате долгой переписки дело всё же удавалось уладить в пользу переселенцев.

За счет переселенческого кредита разрешался и переезд семей сыновей или жены с детьми в случае их болезни на момент отъезда родителей или мужа, или жене с детьми переселенца-ходока, отправившимся в Южно-Уссурийский край с одним сыном, получившим в крае ссуду и хорошо обустроившемся на месте, и в некоторых других случаях.

Своеобразная ситуация сложилась с переездом в дальневосточный регион членов семьи женского пола, оставшихся, по разным причинам, на родине. Между тем Дальний Восток в рассматриваемый нами период испытывал дефицит женщин, которых, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., даже в наиболее заселенной Южно-Уссурийской округе среди крестьянского населения было всего 34,5 %. Такая диспропорция в половом составе населения отрицательно сказывалась на развитии крестьянского хозяйства, которое традиционно базировалось на поло-возрастном разделении труда. В конце XIX в. правительство приняло решение о переселении части женщин за счет казны. Согласно этому постановлению в конце XIX - начале XX в. в Южно-Уссурийский край за казенный счет, морским путем, было перевезено несколько сот женщин. К примеру, уроженец Черниговской губернии Яков Музыкин, переселившийся в дер. Речицу Южно-Уссурийского края за казенный счет в 1885 г. в составе семьи своего дяди, в 1889 г. просил местное начальство распорядиться о переселении к нему его жены, так же за счет казны. Яков мотивировал свою просьбу тем, что он истратил все имеющиеся у него средства на обустройство хозяйства, и привезти жену ему не на что. Выяснилось, что Яков и его брат Дмитрий действительно переселились в

1885 г., но в составе семьи своего дяди, из которой в 1889 г. Яков выделился в отдельную семью. Жена же его отказалась следовать за ним в 1885 г., так как боялась, что Якову и Дмитрию как «приписным» не выдадут пособия на обустройство и возвратят на родину¹. Учитывая тот факт, что без женских рук крестьянское хозяйство вести невозможно, Якову разрешили перевезти жену за казенный счет.

Любопытно, что в иных случаях, женщины отказывались следовать за мужьями по причине грубого обращения супруга, что свидетельствовало о развитии процессов демократизации в крестьянских семьях, в том числе об уходе от традиционных воззрений на беспрекословное подчинение воле мужа и желании освободиться от его деспотической власти. Так, жена крестьянина с. Ширяевка Южно-Уссурийского округа Тихона Сокуренько Ульяна, оставшаяся с дочерью на Херсонщине, по сообщению Херсонского губернатора, «... отказалась добровольно переселиться в Уссурийский край для своего совместного жительства с мужем ее..., мотивируя свой отказ грубым обращением с нею названного крестьянина»². Отметим, что это был не единичный случай, когда крестьянки не соглашались на переезд к мужу на Дальний Восток, мотивируя свой отказ плохими взаимоотношениями с супругом.

Нередко семья дробилась в местах выхода переселенцев по вине местного уездного начальства, которое, по каким-то соображениям считало, что большие семьи следует отправлять в два приема. Так случилось с семьей Андрея Ксенченка из Суражского уезда Черниговской губернии, поселившегося за казенный счет в 1885 г. вместе с братом в с. Ляличи Южно-Уссурийского округа. На переселение просилась вся их семья, в которой кроме этих братьев были родители и еще четверо детей. Местное начальство, отправив двух братьев, пообещало вторую часть семейства переселить на следующий год. Но в 1886 г. переселение за казенный счет было прекращено и оставшейся части семьи Ксенченка в переезде было отказано, своих же средств на переселение у них не было.

Таким образом, миграционные процессы оказывали существенное влияние на численно-поколенный состав и структуру семейных коллективов крестьян-переселенцев Дальнего Востока. Состав и структура семей дальневосточных крестьян отличались от аналогичных показателей регионов выхода мигрантов. Основные причины этого могли носить объективный характер (болезнь близкого родственника, его служба в армии, отказ от переезда и др.), но чаще были связаны с недостаточной экономической мощностью переселяющихся своекоштных крестьян и с определенной недоработкой местной и дальневосточной администрации в организации массовых крестьянских переселений на восток России.

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 508, Л. 66-67.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 540. Л. 126.

В.А. Бабиков

Улан-Удэ, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им.

В.Р. Филиппова

**ЭКОТУР «В ГОСТЯХ У СЕМЕЙСКИХ» КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТУРИСТСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
БРЕНДА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

V.A. Babikov

Ulan-Ude, Buryat State Agricultural Academy V.R. Filippova

**ECO-TOUR «VISITING Semeyskie» AS ONE OF THE CONDITIONS OF
GEOGRAPHICAL POSITION OF TOURISM BRAND REPUBLIC
BURYATIYA**

Аннотация. В статье рассматривается проблема географического позиционирования Тарбагатайского района как туристического бренда Республики Бурятия. Район имеет значительный потенциал для развития туристско-рекреационной деятельности. Особое место в культуре региона занимает культура «семейских», группы русского населения, сохраняющей образ жизни и традиции допетровской России.

Ключевые слова. Республика Бурятия, «семейские», туристско-географический бренд, экотур.

Annotation. The article deals with the actual problem and geographical positioning of tourist brand of Buryatia Republic of the territory of the republic Tarbagatay region. The study area has significant potential for the development of resources and here tourism and recreation activities. Special place in the culture of the region is positioning Believers - Semeiskie preserved lifestyle and traditions of pre-Petrine Russia.

Keywords. Republic Buryatia, "Semeiskie", tourist-geografichesky brand, ecotour.

Тарбагатайский район расположен в пределах гранитного массива склонов северо-западных отрогов хребта Цаган-Дабана, прорезанных рядом небольших речных долин. Свое название район получил от названия небольшого зверька тарбагана (монгольского сурка), который во множестве водился в долине Селенги¹.

На территории Тарбагатайского района расположены уникальные природные достопримечательности. Это, прежде всего уникальный геологический объект гора Омудевая или Спящий лев. С вершины Омудевки открывается один из красивейших видов на долину Селенги.

Еще одним интересным объектом с точки зрения развития туризма на данной территории является местность Жарчиха. Живописная местность в 44 км от города Улан-Удэ. К ней ведет лесная дорога, отходящая резко влево в гору. Здесь в высокой долине, обрамленной скальными останцами, расположена база геологов. Местность пользуется популярностью у спортсменов альпинистов.

И все же наибольший интерес у туристов вызывает культура, быт и традиции «семейских» - старообрядцев Забайкалья. В этническом многообразии Забайкалья среди русского населения выделяется этнокультурная группа, которую принято называть староверами или «семейскими». «Семейские» проживают в основном в юго-западной части Забайкалья. Это потомки старообрядцев (староверов), поселенных здесь в XVIII в. Старообрядцы были насильственно выселены из бывших владений Польши. Сюда они бежали из различных районов России, протестуя против введения новой православной обрядности. В Забайкалье старообрядцев ссылали семьями, и, скорее всего, поэтому они получили название «семейские»².

Выходцы из районов России с древними земледельческими традициями «семейские» принесли в Забайкалье богатый крестьянский опыт. Им суждено было сыграть решающую роль в развитии хлебопашества в крае. «Семейским» были знакомы многие традиционные русские промыслы и

ремесла - охота, рыболовство, прядение, ткачество, гончарство. Натуральное хозяйство, лежащее в основе их жизненного уклада, обуславливало развитие ремесел. Интересны орудия кедрового промысла, с которым «семейские» познакомились в Забайкалье³.

Основными видами традиционного природопользования были и остаются до настоящего времени: земледелие, огородничество и разведение пчёл, лесной промысел. Животноводство имело подсобное значение. Вокруг больших сёл не было достаточных площадей для выпасов и сенокосов, скот выращивали для внутреннего потребления и отчасти для продажи мяса на рынках. Господствовало почти натуральное хозяйство. Большая часть потребностей удовлетворялась продуктами домашнего производства. Иногда их меняли на предметы, изготовленные местными мастерами⁴.

В селах района Саратовке, Десятниково, Тарбагатае, Большом Куналее, Куйтуне и других сохранились старинные дома, которые отличаются колоритным и нарядным внешним видом, яркой росписью стен и ворот. Эта традиция сохранилась с дедовских времен и передается современным поколениям.

В течение ряда лет в пределах Тарбагатайского района действует экотур «В гостях у семейских», который пользуется популярностью как среди жителей Бурятии, так и среди гостей нашей республики. В структуру тура входят три сельских населенных пункта: села Тарбагатай, Десятниково и Большой Куналей. Общество с ограниченной ответственностью «Семейские» с логотипом фирмы «В гостях у семейских» создано в 2002 году и предоставляет определенный комплекс услуг: туристические, экскурсионные, кафе, гостиница, лавка сувениров, русская баня, участие в обряде «надевания кички» и шуточном свадебном обряде. У фирмы имеется собственное кафе с банкетным залом на 100 мест и пекарный цех, в котором производится 18 наименований хлебобулочных изделий по старинным рецептам «семейских» Забайкалья. У фирмы также имеются договора с фольклорными коллективами сел Большой Куналей, Десятниково и

Тарбагатай для проведения встреч туристических групп⁵. Основным пунктом экотура «В гостях у семейских» является село Тарбагатай, расположенное на расстоянии 52 км от города Улан-Удэ. В поселке работает центр культуры старообрядцев, в котором расположен краеведческий музей и фольклорный ансамбль «Судьбинушка». Недалеко от центра культуры расположена старообрядческая церковь, где можно познакомиться с предметами культа древнеправославной церкви. Центр организует встречи, экскурсии с демонстрацией жилищ, кухни и старинных обрядов. Перед поселком на перевале находится автозаправочная станция и пост ГИБДД.

Старинное и красивейшее село Большой Куналей Тарбагатайского района было образовано в 1765 году. «Семейские» выбрали для поселения земли, что расположились в местечке, где горные отроги переходили в пади. Так и родилось название села Куналей – «кунилла», что в переводе с бурятского означает «сборка» (или «складка»). Поселенцам досталась территория, покрытая тайгой, буреломы, реки, выходявшие из берегов, которые в зимнее время образовывали наледи. Современное село Большой Куналей расположено в 25 километрах от районного центра и в 75 километрах от столицы республики Бурятии, города Улан-Удэ. «Семейские» сохранили и донесли до наших дней не только уникальный распев, но и огромное количество текстов русских протяжных, шуточных, плясовых, хороводных, бытовых песен, а также песен тюрьмы и каторги. Именно в Большом Куналее был создан первый фольклорный коллектив – Большекуналейский семейский хор под руководством Федора Ферাপонтовича Рыжакова. Его именем назван музей, в настоящее время действующий в селе.

В ходе осуществления экотура «В гостях у семейских» туристы имеют возможность приобрести местные сувениры и поучаствовать в шуточном обряде «семейской» свадьбы. Староверы – «семейские» всегда славились умением изготавливать предметы из подручного природного материала – это береста, глина, ивовый прут. Делают украшения из бисера (обереги, бусы,

пояса, браслеты). Туристы могут попробовать и приобрести блюда «семейской» кухни, особым спросом пользуются халва из кедровых орехов и мед⁶.

Таким образом, рассмотренные нами объекты могут быть использованы в формировании комплексного туристско-географического бренда Республики Бурятия. Перспективы у данного проекта обширные, возможности с точки зрения ресурсного потенциала неограниченные, а спрос со стороны потребителей постоянно возрастающий.

¹ Бабиков В.А., Цырендоржиева Т.Б. Виды традиционного природопользования семейских Забайкалья – прошлое и настоящее. /Материалы Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи – Улан-Удэ, 2001- С. 234-238.

² Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в 18-20-м веках. //Ф.Ф. Болонев. – М.: ИПЦ «ДИК», 2007 – 352 с.

³ Бабиков В.А., Маладаева О.К. Формирование ценностного отношения к окружающему миру детей младшего школьного возраста на традициях старообрядцев Забайкалья в условиях глобализации. /Материалы III Байкальской международной научно-практической конференции «Образование и глобализация». // В.А. Бабиков, О.К. Маладаева.– Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009 – С. 122-124.

⁴ Шмелева В.И., Бабиков В.А., Харисова Н.К. Роль программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских» в обучении естествознанию детей младшего школьного возраста» Международная конференция «Старообрядчество: история и современность, местные традиции русские и зарубежные связи» // В.И. Шмелева, В.А. Бабиков, Н.К. Харисова.- Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007 – С. 468-471.

⁵ Урбанова Ч.Б., Бабиков В.А., Холбоева С.А. Этнохозяйственные системы локальных общин Республики Бурятия. Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Чернышевского. Серия Естественные науки. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2011 - С. 130-136.

⁶ ООО «Центр старообрядчества» e-mail: starovery@yandex.ru

М.Л. Бережнова

Омск, государственный университет,

Сибирский филиал Российского института культурологии

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ:

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

M.L. Berezhnova

Omsk, state University,

Siberian branch of the Russian Institute of Culturology

POPULATION DYNAMICS IN MODERN SIBERIA:

CULTURAL ASPECTS

Аннотация. В докладе представлена информация о миграции в Сибири по данным переписи 2010 года и анализа устойчивости культуры Сибири.

Ключевые слова. Население, динамика, миграции, Западная Сибирь.

Annotation. The report presents information about migration in Siberia according to the census of 2010 and the analysis of the stability of the Siberian culture.

Keywords. Population, dynamics, migrations, Western Siberia.

Сибирь – важная составляющая часть Российской Федерации, обладающая огромными природными запасами, неравномерно распределенными по огромной территории. Площадь Западной Сибири, под которой в географическом смысле понимают территории, входящие в состав Курганской, Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей, а также Алтайский край и Республику Алтай, составляет 2451,1 тыс. кв. км, т.е. 15% территории России¹. Однако здесь проживает только 10,8% населения России, и численность постоянных жителей уменьшается от переписи к переписи с конца XX века (табл. 1)².

Таблица 1

Численность населения Западной Сибири в XXI веке

Годы	Вся Сибирь, тыс. чел	В % к общей численности населения России	Западная Сибирь, тыс. чел.	В % к общей численности населения России
2002	31034,5	21,4	15661,9	10,8
2010	29852,3	20,9	15384,1	10,8

Анализ демографической ситуации, по официальным данным Всероссийской переписи населения 2010 года, показывает серьезные диспропорции в развитии региона (табл. 2).

Таблица 2

**Численность городского и сельского населения Западной Сибири
в сравнении с данными по Российской Федерации в целом**

Субъекты Российской Федерации	Численность постоянного населения в 2010 году, тыс. человек	2010 г. в процентах к 2002 г. (все население)	В общей численности постоянного населения, процентов			
			2010 г.		2002 г.	
			городское население	сельское население	городское население	сельское население
Российская Федерация	142905,2	98,4	73,7	26,3	73,3	26,7
Сибирский федеральный округ (весь)	19254,3	96,0	72,0	28,0	71,1	28,9

Только субъекты, территориально расположенные в Западной Сибири

Республика Алтай	206,2	101,6	27,6	72,4	26,4	73,6
Алтайский край	2419,4	92,8	54,7	45,3	53,2	46,8
Кемеровская область	2763,4	95,3	85,4	14,6	86,7	13,3
Новосибирская область	2665,9	99,0	77,3	22,7	75,1	24,9
Омская область	1977,5	95,1	71,5	28,5	68,7	31,3
Томская область	1045,5	100,0	70,2	29,8	67,7	32,3
Уральский федеральный округ (весь)	12082,7	97,6	79,9	20,1	80,7	19,3

Курганская область	910,9	89,3	60,3	39,7	56,3	43,7
Тюменская область	3395,2	104,0	78,1	21,9	77,4	22,6
<i>в том числе:</i>						
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	1532,0	106,9	91,5	8,5	90,9	9,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	522,8	103,1	84,7	15,3	83,4	16,6

Выделяются области с превалированием городского населения, которое занято в основном в тяжелой и добывающей промышленности, газо- и нефтедобыче и переработке. Это такие области, как Кемеровская (85,4% городского населения) и Тюменская (79,9% городского населения). Немного отстает от них по степени урбанизации Новосибирская область (77,3%). При этом в основном городским население является в автономных округах на севере Западной Сибири – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком.

Ряд областей имеют явно выраженный аграрный характер, при этом показатель сельского населения здесь выше, чем в Российской Федерации в целом (26,3%) и в Сибирском федеральном округе (28,0%). Это такие области, как Курганская, Томская, Алтайский край и Республика Алтай. Особенностью Западной Сибири является то, что при общероссийской тенденции увеличения доли городского населения в указанных областях она, напротив, уменьшается. Например, в Алтайском крае сельское население увеличилось на 1,5% и составило, по переписи 2010 года, 46,8% сельского населения, в Томской области эти показатели соответственно следующие: 2,5% и 32,3%. Такие же тенденции проявляются в Новосибирской и Омской областях, Республике Алтай, а также в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Все это показывает нестабильность экономического и социального положения местного населения, что, вне сомнения, создает настроения тревоги и неоправданных ожиданий в обществе.

При этом сложное положение складывается в русской части сибирского общества (табл. 3).

**Численность русского населения Западной Сибири в сравнении с
данными по Российской Федерации в целом**

Субъекты Российской Федерации	Численность постоянного русского населения, тыс. человек		2010 г. в процентах к 2002 г. (русское население)
	2010 год	2002 год	
Российская Федерация	111016,7	115889,1	95,8
Западная Сибирь	12998,0	13638,3	95,3
Сибирский федеральный округ, только субъекты, территориально расположенные в Западной Сибири	9822,3	10369,2	94,7
Республика Алтай	114,8	116,5	98,5
Алтайский край	2234,3	2398,1	93,1
Кемеровская область	2536,6	2664,8	95,2
Новосибирская область	2365,8	2504,1	94,5
Омская область	1648,1	1735,5	95,0
Томская область	922,7	950,2	97,1
Уральский федеральный округ, только субъекты, территориально расположенные в Западной Сибири	3175,7	3269,1	97,1
Курганская область	823,7	932,6	88,3
Тюменская область	2352,0	2336,5	100,7
<i>в том числе:</i>			
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	974,0	946,6	102,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	312,0	298,4	104,6

В настоящее время в Западной Сибири население на 84,5% состоит из представителей русского народа. Это также является выражением сложных этнических и социокультурных процессов, протекавших в последние десятилетия в Сибири, так как доля русского населения по переписи 1988 года в целом по Сибири не превышала 80%. Однако, по данным переписи 2002 года по Западной Сибири, доля русских составляла 87,1%, что означает ее уменьшение на 2,8% за 8 лет.

Русское население в Западной Сибири увеличивается только в северных округах – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком (102,9 и 104,6%

соответственно). При этом больше всего русских в процентном отношении потеряла Курганская область – медленно развивающаяся область с высокой долей сельского населения.

Еще одним показателем состояния общества может служить процент граждан, постоянно проживающих в местах рождения. По Сибирскому федеральному округу в целом он равен 85,4 %, по Уральскому федеральному округу – 74,6% (наименьший показатель по федеральным округам России – 74,4%, наивысший – 88,3%). Однако при рассмотрении ситуации в конкретных местах картина меняется. Так, родились и проживают в Алтайском крае 84,6% граждан, в Курганской области – 79,5%, Томской области – 78,1%, в Омской области – 75%. В динамично развивающихся регионах этот показатель иной: в Новосибирской области он составляет 69,5%, в целом по Тюменской области – 50,6%, в Ямало-Ненецком автономном округе – 30,3%, в Ханты-Мансийском автономном округе – 29,4%³.

Таким образом, динамика населения свидетельствует об оттоке постоянного сибирского населения в сельскую местность, повышение динамики населения в быстро развивающихся регионах и оттоке населения без заметного его пополнения за счет миграций в медленно развивающихся областях.

Указанные факторы ставят под угрозу стабильность культурного развития Западной Сибири и обеспечения полноценного воспроизводства местных традиций.

¹ География. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А.П. Горкина. – М.: Росмэн, 2006.

² Итоги переписи // Всероссийская перепись населения 2002 года : [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения 15.01.2014); // Всероссийская перепись населения 2010 : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 15.01.2014).

³ Составлено по: Население по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации // Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 8 [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 15.01.2014).

С. И. Бондаренко

Барнаул, Алтайский государственный аграрный университет

**СЕЛЬСКИЕ СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ НА ЦЕЛИНЕ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

S. I. Bondarenko

Barnaul, Altai state agrarian university

**RURAL SOVIET HOLIDAYS ON THE VIRGIN SOIL
(REGIONAL ASPECT)**

Аннотация. Годы освоения целинных и залежных земель стали временем реального культурного подъема. Формируется социалистическая обрядность, утверждаются массовые советские праздники в районах. Целинный эпос послужил мощным импульсом для социокультурной трансформации деревни.

Ключевые слова. Советские праздники, Алтай, освоение целины.

Annotation. Years of development virgin and steel laylands for Altai for years of the real cultural lifting. These years in Altai the socialist ceremonialism in the village started being formed and extend. Mass Soviet holidays in rural areas were approved. The virgin epic served as a powerful impulse for sociocultural transformation of the village.

Keywords. Soviet holidays, Altai, development of virgin lands.

В истории нашей страны освоение целины явилось крупнейшим аграрным мероприятием. Достаточно много работ посвящено целинной проблематике, и еще многое предстоит переосмыслить, изучить позитивный и негативный опыт землепользования на целине. Вместе с тем, целина для Алтая это не только социально-экономические преобразования, но и духовно-культурные. Годы освоения целинных и залежных земель стали для Алтая годами настоящего культурного подъема.

Работник культуры Я.Е. Кривонос, организовывавший досуг целинников и впоследствии трудившийся в управлении культуры краевого исполнительного комитета, вспоминал: «Целина невиданно подвинула наш край в создании материальной базы культуры. Можно без преувеличения утверждать, что ни до, ни после не строилось столько объектов культуры как в 50-е – 60-е гг.»¹.

На целину были направлены лучшие культурные силы страны. В эти годы на Алтай приезжали писатели М. Светлов, Е. Евтушенко, А. Яшин, М. Бубеннов. Побывал на Алтае с гастролями М. Ростропович. Неоднократно приезжал Московский театр имени Ермоловой, который являлся шефом целинного совхоза «Комсомольский», и много других профессиональных артистов побывало на целинных землях. Официальная статистика также говорит об активизации культурно-просветительной работы в этот период. К примеру, за 1954 – 1960 гг. было построено 820 сельских клубов, а в 1962 г. их было уже 1640. К началу 1970-х гг. уже в каждом селе был свой очаг культуры, будь то Дом Культуры, клуб, красный уголок, передвижная или стационарная библиотека. В начале 1960-х гг. Алтайский край занимал первое место в РСФСР по количеству стационарных и передвижных киноустановок. А в начале 1970-х гг. завершилась «сплошная кинофикация» края. Сельских библиотек в 1962 г. насчитывалось 1520. За 1954 – 1960 гг. количество радиоточек и приемников в сельской местности возросло в 3,5 раза². Значительно увеличилось количество участников художественной самодеятельности. Возникли новые формы народного творчества.

Именно в этот период, по сути, на Алтае начала формироваться и распространяться социалистическая обрядность на селе. Началось утверждение массовых советских праздников в сельской местности. В свое время этот процесс был прерван Великой Отечественной войной и восстановительным периодом.

Целинный труд был не просто трудовым свершением советского народа, в представлении людей это было строительство нового светлого

будущего. Господство оптимистического мироощущения требовало новых форм досуга и новых праздников. Для организации культурного отдыха целинников на краевом и районных уровнях создавались специальные комиссии. Саму встречу с первоцелинниками старались организовать по возможности торжественно, празднично. Так, 11 марта в Кулундинский район прибыла первая группа первоцелинников, 19 и 20 марта прибыли еще две группы. Уже 20 марта в РДК (районный дом культуры) был организован «Вечер встречи с молодыми патриотами», где состоялась встреча прибывших с молодежью райцентра. А 7 апреля был проведен «Вечер содружества молодежи»³.

Одним из первых сельских массовых советских праздников на целине стал Праздник песни. Краевое управление культуры уже в мае 1954 г. запланировало кроме выпуска статей, лекций, плакатов о целине проведение, после окончания весеннего сева, во всех районах Праздника песни.

Поскольку Праздник песни включал в себя не только исполнение песен, но и спортивные соревнования, мероприятие явно выходило за рамки своего названия. В 1955 г. краевой комитет КПСС принял постановление о проведении более масштабного мероприятия - Фестиваля молодежи. Праздник предназначался для трудящихся новоселов, интеллигенции, рабочих МТС (машинно-тракторных станций). В 1955 г. на Алтае с 25 июня по 5 июля был проведен первый краевой фестиваль молодежи, ему предшествовали сельские и районные фестивали. Безусловно, в этот период приоритетными были номера, отражающие работу на целине.

В 1957 г. молодежный праздник стал более масштабным. В этот год в Москве с 28 июля по 11 августа проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. А с 29 по 30 июня был проведен краевой фестиваль молодежи в г. Барнауле. Уже по традиции ему предшествовали сельские и районные фестивали.

В 1958 г. появился официальный праздник – День советской молодежи. Среди молодежных праздников на Алтае в первые годы освоения целины

можно отметить «Вечера девушек». Так в совхозе «Сорочинский» Сорочинского района в 1957 г. на таком вечере организовали выставку работ кройки и шитья, комнату кулинарии, где консультации давал профессиональный повар. Вечер открывался лекцией о культурном поведении молодежи. Проводился конкурс на лучшее ситцевое платье, показывали номера художественной самодеятельности.

Большое значение для целинных земель имели праздники, приуроченные к началу и окончанию полевых работ. К таким праздникам можно отнести «Праздник красной борозды», «Праздник Урожая», праздник животноводов, полеводов, праздник труда, вечер встречи передовиков сельского хозяйства и т. д. Неотъемлемой частью таких праздников было чествование героев целины.

Праздник «Красная борозда» проводился после окончания весенних полевых работ и имел вполне традиционную схему советского праздника: подведение итогов работы, награждение лучших работников, концерт художественной самодеятельности, спортивные соревнования, организованное праздничное гуляние. На Алтае в 1950-е гг. праздник имел свои «целинные особенности». На Алтай приезжала в основном молодежь, власти старались им привить семейные ценности. Так, в совхозе «Ануйский» в день «Красной борозды» в красном уголке совхоза был организован «Вечер молодоженов». Молодым людям читали лекции о семейном счастье, познакомили с выставкой лучших мастериц села, показали, как правильно сервировать стол. Завершалось мероприятие концертом для новоселов⁴.

С началом освоения целинных и залежных земель на Алтае стали проходить районные и краевые слеты новоселов, вечера встречи передовиков сельского хозяйства. На слетах обсуждали текущие задачи, награждали целинников, обсуждали проблемы. Так, в Локтевском районе в 1956 г. на первом районном слете новоселов были затронуты проблемы, связанные с отъездом целинников: недостаточно хорошие бытовые условия, отсутствие в сельпо необходимых товаров, нерегулярное культурное обслуживание.

Особым праздником для целинников становилась годовщина основания совхоза. Начинали отмечать его обычно по инициативе сверху, затем это становилось традицией. В праздник клуб украшали портретами новоселов, стенгазетами и боевыми листками, выпущенными в первые недели целинной жизни, слушали выступления основателей совхоза, награждали лучших. Заканчивалось все концертом и танцами молодежи.

В излюбленный новогодний праздник целинная жизнь также привнесла свои особенности. Так, например, кулундинским целинникам записали на пленку новогоднее поздравление земляки из города Нижний Тагил. 50 комсомольских организаций города прислали подарки новоселам⁵. Своеобразными были и новогодние костюмы. В селе Сарасы, Алтайского района лучшим новогодним костюмом был признан «Стопудовый урожай»⁶.

В 1958 г. комсомольцы селе Воздвиженка, Кулундинского района решили возродить у себя на селе праздник «Русской зимы». В воскресенье организовали катание на тройках лошадей. На каждой тройке должны были петь свою песню. Затем в клубе состоялся концерт.

А в краевой столице праздник «Проводы русской зимы» впервые отмечался в 1959 г. Были организованы катание на тройках, перетягивание каната, гуляние ряженных. Затейники и баянисты организовывали игры, пляски, хороводы, угощение блинами. Самым торжественным моментом праздника стал прилет на вертолете Весны и театрализованное сжигание чучела Зимы на центральной площади города⁷.

Массовые мероприятия, безусловно, готовились тщательно. Что касается повседневной работы культпросветучреждений, то эта работа только налаживалась и отставала от запросов сельчан. Во многом работа клуба зависела от эффективности работы заведующего. На страницах местной прессы сельчане часто жаловались на неудовлетворительную работу местных клубов, просили наладить работу. В целом же целинная эпопея послужила мощным импульсом для социокультурного преобразования села и формирования социалистической обрядности на селе.

-
- ¹ ЦХАФАК Ф. 1741. Оп. 1. Д. 9. Л. 10, 11.
- ² М.В. Алейников. Автореф. дис. уч. степ. канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 22.
- ³ «Колхозное знамя». 1954. 14, 21 марта, 11 апреля.
- ⁴ ЦХАФАК Ф. 1041. Оп. 1. Д. 259. Л. 54.
- ⁵ «Колхозное знамя». 1955. 9 января
- ⁶ «Колхозник Алтая». 1956. 5 января
- ⁷ «Алтайская правда». 1959. 10 марта

Л.И. Винокурова

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

**ЯКУТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1970-Е ГОДЫ:
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ГЕНДЕР**

L.I. Vinokurova

*Yakutsk, Institute of Humanities and the Indigenous peoples of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences*

VILLAGE OF YAKUTIA IN 1970s: DAILY LIFE AND GENDER

Аннотация. В статье освещается повседневная жизнь сельской Якутии 1970-х гг. На основе полевых материалов автор реконструирует ежедневные коммуникации и социальное поведение мужчин и женщин. Автор оценивает рассматриваемый период сельской истории Якутии как время переплетения общесоветских и этнических явлений.

Ключевые слова. Якутия, село, повседневная жизнь, гендерные отношения.

Annotation. The article highlights the daily life in rural Yakutia in 1970s. On the basis of field materials the author reconstructs an usual daily communications and social behavior of men and women. The author estimates the examined period of rural history of Yakutia as a time of co-existing of soviet and ethnic patterns of gender.

Keywords. Yakutia, village, daily life, gender relations.

Период 1970-х годов для сельской Якутии - время перемен. В результате завершения реорганизации колхозов республики в совхозы аграрный сектор становится полностью государственным; менялось многое в укладе и образе жизни сельского населения, преимущественно состоящего из

представителей коренных народов Севера – якутов, русских старожилов, малочисленных народов Севера. По данным Всероссийской переписи 1970 г. в сельской местности Якутии проживало 289,6 тыс.чел., т.е. 43,6% всего населения республики. К 1979 г. сельское население немного увеличилось, составив 324,6 тыс. чел. Но его доля в общей численности населения уменьшилась до 38,7%, т.к. в целом население возросло до 838,8 тыс. чел. против 664,1 тыс. чел. в 1970 г.¹ В региональной историографии не без основания считают, что благоприятному росту сельского населения в 1970-е годы способствовали прежде всего меры по повышению уровня жизни в якутской деревне².

Характерная черта регионов с горнодобывающим профилем экономики – преобладание в общей численности населения мужчин. Но в сельской местности Якутии в промежуток 1970 – 1979 гг. численность женщин была большей, чем мужчин. В начале 1970-х гг. в якутском селе в составе наиболее трудоспособной возрастной группы до 30 лет женщин было больше половины – 53%. Со второй половины 1970-х гг. наметился постепенный прирост удельного веса молодых мужчин на селе. По переписи 1979 г. молодые мужчины в возрасте до 30 лет составляли 51% сельской молодежи, данный показатель не снижался и в последующие годы. Позже это соотношение надолго изменится за счет усиленной миграции из сел девушек и молодых женщин³.

В национальном разрезе в 1970-е гг. подавляющую часть сельского населения составляли якуты. Это позволяет при интерпретации многих социальных явлений, в т.ч. и гендерных, опираться на историко-этнографический материал якутских этнических норм и традиций при анализе гендерных отношений. Из многообразия сюжетов повседневной жизни якутских сел 1970-х годов выбраны только некоторые, характеризующие мужские и женские презентации в сельской повседневности Якутии. Эмпирической базой для этого послужили полевые материалы автора по проектам РГНФ и РФФИ⁴.

В значительной степени гендерные характеристики проявляются в сфере общения, поэтому обосновано обращение к сюжетам сельского общения. Анализ воспоминаний наших информантов показывает, что вербальная коммуникация оставалась важнейшей формой общения, для якутских сельских общин была заметна гендерная дифференциация, в первую очередь, и по тематике разговоров. Собранные материалы устной истории якутских сел свидетельствуют⁵, что мужчины первыми публично обсуждали наиболее важные социально-экономические проблемы. Так, для начала 1970-х гг. в малых деревнях Якутии, признанных неперспективными, актуализировался вопрос самого их существования. Поэтому одной из самых болезненных в деревенском общении была тема ликвидации сел, переезда жителей в другое место.

Историческая память якутских деревень хранит факты вынужденных переселений, в т.ч. во время голода в годы Великой Отечественной войны. Поэтому мужские оценки ситуации 1970-х гг. выглядят достаточно эмоциональными, отражающими личную обеспокоенность. Так, информанты отмечали тревогу сельских старейшин, авторитетных пожилых мужчин по поводу потери собственных хозяйственных угодий, нажитого имущества, всего обжитого социального пространства. Предполагаемый статус переселенца представлялся угрозой потери статуса мужчины – хозяина.

Следующей постоянной темой деревенского общения 1970-х гг. были вопросы внешней и внутренней политики. В якутских сельских общинах всегда был высоким интерес к подобной тематике⁶, и именно среди мужчин, как вспоминают информанты, были популярными разговоры о международных новостях, о событиях в далеких чужих странах. Мужчины дискутировали о возможности военных конфликтов, гипотетической «войны с американцами» или с китайцами (в период напряженных отношений после событий на Даманском острове – Л.В.).

В подобных деревенских «публичных слушаниях» женщины практически не участвовали. Проявлялся традиционный гендерный этикет:

обсуждение оружия, боевых действий – прерогатива мужчин. Исключение в рассматриваемый период составляли только дамы пожилого возраста, которые имели право вставлять свои реплики в ход общих разговоров. Остальные, включая молодых девушек, хранили молчание. Считалось, что тематика женских разговоров – это быт, фольклор, новости культуры, вопросы воспитания детей. Но молчание женщины внимательно слушали, запоминали и оценивали. Типичны высказывания в воспоминаниях информантов женского пола: «Мы тогда были уверены в своей защищенности, в наших вооруженных силах. ... Мы знали, что на любую войну они (мужчины – Л.В.) пойдут добровольцами...». Возможно, именно на такую уважительную реакцию женщин и рассчитывали участники «мужских» разговоров.

В мужской среде осуждались как «немужские» черты чрезмерное внимание к своей внешности, одежде, физическая и психологическая изнеженность, трусость. Считались достойными «настоящего мужчины» выносливость, упорство в достижении целей, умение держать свое слово, личная ответственность. Для деревенских якутов делом чести было отслужить в Советской армии, те, кто не прошел военную службу, должны были «реабилитироваться» - доказывать свою мужественную полноценность. В связи с тем, что аналогичный «комплекс неполноценности» наблюдался нами у пожилых мужчин, чьи сверстники участвовали в боевых действиях 1939-1945 гг., можно предположить об остаточной сохранности этнического гендерного стереотипа – «настоящий мужчина – воин» в рассматриваемый период.

В якутских деревнях 1970-х гг. гендерные нормы диктовали свою моду и поведение: как вспоминают информанты, мужчины старались выглядеть и вести себя «именно как мужчины: простые, без всяких вычурностей». Сельские мужчины демонстрировали подчеркнутую традиционную мужественность – равнодушие к слабостям и боли, к собственному внешнему виду, грубоватость в манерах. Отметим, что оплачиваемые в созданных

совхозах больничные листы определенное время не были востребованы мужчинами в маленьких отдаленных поселениях в силу этих гендерных понятий. В повседневной речи бытовали некорректные эпитеты в адрес мужчин, не соответствующих сельским гендерным требованиям: «женского поведения мужик», «похож на бабу» и т.п.

На фоне подчеркнутой маскулинности якутских мужчин деревенский этикет 1970-х гг. ограничивал проявления естественной женственности. В частности, демонстрация девушками и молодыми женщинами своей сексуальной привлекательности, телесных форм осуждалась. Декоративная косметика была привилегией деревенской женской элиты – сотрудниц управленческого аппарата, торговых точек и членов семей местного руководства. Но даже для них считались неприемлемыми яркий макияж, экстравагантные, в т.ч. облегающие, короткие или полупрозрачные наряды. Чем меньше и отдаленнее была деревня, тем были строже требования к внешнему виду и поведению женщин, но размеры свободы гардероба зависели от социального статуса. Показательно, что рядовая доярка не могла себе позволить многие вещи не только из-за финансовых соображений, существовали неписанные правила социума типа «кто ты такая, чтобы так наряжаться» и т.д. В целом, анализ гендерных составляющих повседневной жизни якутской деревни 1970-х гг. предоставляет возможность видеть своеобразное переплетение общесоветских, региональных и этнических явлений. При этом требует комплексного и, разумеется, критического исследования всех источников социальной памяти процесс институционализации, который в республике происходит по аналогичным другим регионам направлениям⁷.

¹ Численность и размещение населения Республики Саха(Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002г: Стат.сб./Комстат. РС(Я). Якутск, 2004. С.3,5.

² Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). – Новосибирск: Наука, 1985. С. 220-228.

³ Винокурова Л.И. Кадры сельского хозяйства Якутии. 1961- 1985гг. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. С.21.

⁴ Проекты РГНФ №01-03-00293а «Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности», №03-03--547а «Мужчины и женщины Севера: социальная адаптация в

полиэтническом обществе», №08-03-79301а/Т «Мужчина в новом гендерном пространстве Якутии: одиночество и отцовство», №07-01-79102а/Т «Северное село: меняющийся культурный ландшафт в Якутии», проект РФФИ «Антропология сельского культурного ландшафта: эволюция взаимоотношений человека и природы Севера» и др.

⁵ В тексте использованы полевые материалы автора по проектам РГНФ и РФФИ 2001-2012 гг., собранные в сельских улусах Якутии.

⁶ Явление встречается во многих сельских аборигенных сообществах Севера, в частности, в индейских общинах северо-западной Канады – Л.В.

⁷ Пономарев А. Социальная память сельского поселения (на материалах Удмуртской Республики)//Пути России: историзация социального опыта/Том XVIII. – Новое литературное обозрение, 2013. – С.485-490.

О.А. Гайлит

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОВЕТСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ДЕРЕВЕНСКИЕ СЛУХИ 1920-1930-Х ГОДОВ**

O. A. Gaylit

Omsk, State University n.a. F.M. Dostoevskiy

**PEASANT INTERPRETATION OF SOVIET REALITY: VILLAGE
RUMORS 1920-1930 YEARS**

Аннотация. В статье обсуждается проблема слухов в советской деревне. Автор исследует религиозные образы в слухах.

Ключевые слова. Крестьяне, советская действительность, слухи, религиозные образы.

Annotation. The article discusses the problem of rumor in soviet village. The author investigates religious subjects in the rumours.

Keywords. Peasants, the Soviet reality, rumors, religious imagery.

Слухи являются одной из наиболее устойчивых форм межличностной коммуникации в обществе. Эта устойчивость обусловлена значимостью слуха как способа передачи-записи-получения требуемой информации. Потребность в информации существует в любое время, однако она увеличивается в условиях перехода общества из одного состояния в другое. Поэтому циркуляция слухов зачастую фиксируется современниками и исследователями именно в такие периоды нестабильности и социального напряжения.

Именно такой «слухогенной» средой выступает советское общество в первые десятилетия своего существования. Распространившиеся в этот период среди крестьянства слухи выполняли две основные функции. Во-первых, они содержали интересующую людей информацию и тем самым удовлетворяли

потребность в достоверных сведениях при их отсутствии, нехватке или в случаях недоверия к официальным данным. Во-вторых, слухи, представляя не собственную реплику рассказчика, а обобщенное высказывание третьих лиц, позволяли выразить собственное, в том числе оппозиционное, мнение не акцентируя внимание на личности говорившего. В этом отношении слух, говоря словами Л. Виолы, был частью крестьянской «культуры сопротивления»¹, средством противостояния государственной политике в деревне.

Существующие на сегодняшний день определения «слуха» фиксируют две основные его черты. Во-первых, по сути своей слух – это информация о некоем произошедшем или предстоящем событии, преломленная в массовом сознании общества или отдельной социальной группы. В этом смысле слух историчен, поскольку предлагает интерпретацию значимого события на основе сложившихся в конкретный исторический период коллективных представлений и существующей картины мира. Рассматриваемые нами слухи воспроизводят устойчивые религиозные сюжеты – апокалипсические идеи (близости конца света, скорой гибели), пророческие мотивы (предзнаменования, толкование событий), обращение к библейским текстам как источнику интерпретации непонятных ситуаций.

Во-вторых, слух – это особая коммуникативная система, организующая процесс возникновения и циркуляции информации в обществе. Отличительными чертами этого коммуникативного процесса являются неформальность и устность. В большей степени слухи были характерны для деревни, где сильнее ощущался информационный голод, в силу неразвитости средств массовой коммуникации, где устные формы передачи информации сохраняли свою значимость гораздо дольше, чем в городе.

Среди тем деревенских слухов указанного периода можно выделить две, получившие наибольшее распространение: это ожидание войны и надвигающегося «конца времен».

Наиболее важной темой деревенских слухов была война. По данным этнографии слухи о войне распространяются в России еще с конца XIX в. С

конца 1920-х годов рядовые советские граждане уже говорят о войне как о чем-то неминуемом². Страх войны был спровоцирован как нестабильным внешнеполитическим положением страны, так и внутренними причинами развития государства. Одна из причин военных тревог – политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала XX в. Войны и революции, заставившие включиться в политическую жизнь страны тех, кто раньше ею не интересовался, постоянно формировали в массовом сознании «образы врагов»³.

Напряжение в отношениях между крестьянством и властью в 1920-е гг. формировало атмосферу недоверия в обществе и провоцировало ожидание скорой войны и сопутствующих ей проблем мобилизации, голода (подогреваемого хлебными кризисами), введения карточек⁴. По мере углубления конфликта между крестьянством и властью формировался образ жестокой, невиданной по размаху и количеству жертв войне. Так например, в 1930 г. в нескольких сельсоветах Калачинского района Омского округа распространилось известие о «самой сильной войне», которая «аэропланами, газами, орудьями и ружьями» уничтожит «весь народ Советского Союза»⁵.

Вместе с тем важным компонентом «военного» нарратива был «очистительный» характер войны – упование на счастливый конец, другую, хорошую жизнь, ожидающую крестьян после перенесенных страданий⁶. Представление о «хорошей жизни» воплощало крестьянский протест против власти, поскольку связывало надежды на улучшение с ее падением, уничтожением большевиков, прекращением колхозного строительства и насилия в отношении крестьянства⁷. Например, в Карасукском районе Новосибирского округа среди крестьян, недовольных колхозным строительством, в 1929-1931 гг. распространились слухи о скором приходе китайских и английских войск, которые «вырежут» коммунистов и колхозников и избавят крестьян от колхозов⁸.

Тема войны выступала и как составная часть российского эсхатологического мифа, фигурируя в качестве наиболее вероятной формы

грядущей катастрофы, знаменующей «конец времен». Ключевым сюжетом всех таких известий, как и слухов о войне, были мотивы Страшного Суда и наказания. Захлестнувшее страну насилие в период революции, Гражданской войны и период сталинской индустриализации формировало в массовом сознании не только ощущение опасности и страха за свою жизнь, но и ожидание неперменного наказания за несправедный образ жизни.

В 1920-х гг., по данным докладов уполномоченных губкомов и райкомов Сибирского края, весьма распространенным явлением были разговоры о гневном Господе и скором страшном наказании голодом и болезнями⁹. По мере усиления темпов советского строительства слухи все больше распространялись. Как отмечает Ш. Фицпатрик, в терминах Апокалипсиса российские крестьяне выражали свой страх и негодование по поводу коллективизации¹⁰. Колхозное строительство сопровождалось слухами о явлении антихриста в лице колхозных активистов, о страшных наказаниях, ожидающих членов колхозов (в одном случае, например, говорилось об огненном столбе, сжигающем колхозников¹¹).

Известия о конце света не стихают и к концу 1930-х гг., напротив, усиливаясь на рубеже 1930-1940-х гг. – накануне и в начале Великой Отечественной войны. По данным, поступившим в Новосибирский областной совет Союза воинствующих безбожников, по всей области распространялись слухи-пугала о кончине мира, которые зачастую влекли за собой достаточно серьезные последствия. Так например, в 1939 г. жители Пышкино-Троицкого района Новосибирской области, напуганные близостью Страшного суда и наказания, заставляли детей бросать школу и уходить из пионерских отрядов. В 1941 г. жители села Тека отказались от лечения своих больных трахомой детей под влиянием слухов о том, что это наказание за земные грехи родителей и лечить такие болезни нельзя¹².

Эсхатологические слухи, как правило, приобретали форму разного рода пророчеств и чудес. Среди них можно отметить истории о чудо-младенцах, которые начинали говорить сразу после рождения и предсказывали скорую

войну, серебряном или золотом дожде, который в одном случае свидетельствовал о «благодати Всевышнего», а в другом предвещал конец света, о «кровоточащей половице», как плаче Господа о людских грехах (забвение Его заветов и непосещение храмов)¹³. Такие слухи-рассказы восходят к формам народной прозы – быличкам и легендам, в которых реально произошедшие события переплетаются с религиозными и мифологическими образами.

Как мы видим, содержание слухов 1920-1930-х гг. достаточно ярко отражает реакцию сельчан на бурные перемены начального этапа социалистического строительства. Важность, но неопределенность событий востребовала именно слух в качестве основного канала коммуникации. Посредством слуха крестьянство объединялось для создания разумной интерпретации ситуации. Рассмотренные нами слухи придавали определенное значение ситуации: понимание происходящего как надвигающийся ужасной, но «понятной» катастрофы позволяло подготовиться к ней, выработать стратегию поведения и свой «сценарий будущего».

¹ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. / Пер. с англ. А.В. Бардина. М., 2010.

² См. напр.: Письма во власть. 1928 – 1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 33, 49, 80.

³ Голубев А.В. Война и мир как фактор городской повседневности 1920-х годов. // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. и научно-популярных статей. Вып.4. Город как феномен культуры. Ч. 2. Челябинск, 2006. С.302-303.

⁴ ВЧК ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921-1927 годы. (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ) / Составитель Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995. С.54, 89-91.

⁵ ГИАОО. Ф.425. Оп.1. Д.287. Л.19.

⁶ ГИАОО. Ф.940. Оп.4. Д.13. Л.5.

⁷ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С.17, 54.

⁸ ГАНО. Ф.52. Оп.1. Д.26. Л.3, 90.

⁹ ГАНО. Ф.1. Оп.2. Д.372. Л.43.; Д.388. Л.7.

¹⁰ Фицпатрик Ш. Сталинисты крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 58-59.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.709. Оп.1. Д.8. Л.71.

¹² ГАНО. Ф.4. Оп.5. Д.321. Л.51, 145.

¹³ ГИАОО. Ф.425. Оп.1. Д.287. Л.19; ГАНО. Ф.4. Оп.5. Д.321. Л.60, 137, 115-116.

П.В. Глушкова

Кемерово, экомузей-заповедник «Тюльберский городок»

**РЕВАЛОРИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КАЛЕНДАРНОЙ
ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКОМУЗЕЯ «ТЮЛЬБЕРСКИЙ ГОРОДОК»**

P. V. Glushkova

Kemerovo, Ecomuseum Tulberskiy Gorodok

**REVALUATION OF THE RUSSIAN TRADITIONAL CALENDAR
RITUALISM: BASED ON THE ECOMUSEUM «TULBERSKIY
GORODOK» ACTIVITY**

Аннотация. Статья посвящена проблеме переоценки и реституции общественной значимости такого объекта нематериального культурного наследия как календарная обрядность русских сибиряков. Одним из наиболее эффективных средств актуализации календарной обрядности является музейная реконструкция. В статье анализируется деятельность экомuzeя «Тюльберский городок».

Ключевые слова. Календарная обрядность, русские сибиряки, Тюльберский городок, музейная реконструкция.

Annotation. The article deals with the problem of revaluation and restitution of the social significance of such object of non-material cultural heritage as Russian Siberian people calendar ritualism. One of the most efficient means of calendar ritualism actualisation on a museum base is the science based reconstruction. The article shows peculiarities of the museum reconstruction and analyses the ecomusem Tulberskiy Gorodok activity on the Russian Siberian people calendar ritualism actualisation.

Keywords. Calendar rites, Russian Siberians, Tyulberskiy town, museum reconstruction.

Под воздействием процессов глобализации и индустриализации русская народная традиционная культура оказывается на грани исчезновения. Если в 1980 – 90-е гг. в сибирской деревне еще отмечались праздники народного календаря, совершались обрядовые действия, пусть в несколько усеченном виде, то после перестройки проявление народной традиционной культуры сошло на нет. Сегодня уже мало кто помнит как, а, главное – зачем, принято было справлять тот или иной праздник. В последнее время появляется новая тенденция: в обществе просыпается интерес к народной культуре. Однако на фоне модного увлечения можно отметить утрату, трансформацию, подмену традиционных смыслов. Акцент делается на форме, а не на содержании. На наш взгляд, именно смысловое наполнение элементов традиционной культуры делает их ценными и значимыми. Трансформация смыслов ведет не только к искажению, но и к отказу от такой традиции-пустышки. Существование традиции обеспечивалось именно посредством осознания ее важности и ценности. Традиция в народном сознании воспринималась как нечто непреложное – закон¹.

Единственным способом реанимировать практически утраченный пласт культурного наследия – актуализировать его в музейной деятельности. Но важно не только сохранить традицию, но и обеспечить ее функционирование, включить механизмы трансляции. Важно не механически навязывать традицию, а дать возможность погрузиться в нее, познать глубинные смыслы, восстановив таким образом первоначальную общественную значимость. Необходима ревалоризация традиции – возвращение ей ценности, утраченной под воздействием времени и других разрушающих факторов². Наиболее продуктивным способом ревалоризации календарной обрядности русских в музее является реконструкция. Под музейной реконструкцией понимается научно обоснованное восстановление утраченного или руинированного культурного или природного объекта либо его частей, моделирование нематериальных и материальных объектов с целью получения информации об их функционировании³. Причем такая

реконструкция обязательно должна отвечать принципам интерактивности и аттрактивности. Она должна произвести впечатление на посетителя, а будучи вовлеченным в действие, он ощущает себя сопричастным ей. Можно выделить такие способы реконструкции обряда, как реконструкция с участием приглашенных артистов (творческих коллективов, фольклорных объединений, профессиональных актеров), реконструкция с участием сотрудников музея, реконструкция, в которой основными действующими лицами являются посетители музея. Именно последний способ в связи с высокой степенью интерактивности способствует наилучшему восприятию обряда: раскрываются его глубинные смыслы, сторонний наблюдатель становится сопричастным действию. Кроме того, данный способ является финансово экономичным. Данный способ используется в рамках реконструкций в экомузее «Гюльберский городок», так как штат музея ограничен, а материальная база не позволяет сотрудничать с профессиональными артистами. Гости облачаются в реконструированные народные костюмы или их элементы и под руководством ведущего, сотрудника музея, принимают участие в традиционных обрядовых действиях.

Наиболее значимыми театрализованными мероприятиями в экомузее «Гюльберский городок» являются Святки, Масленица, Иван Купала. Это основные праздники русского народного календаря. Они справлялись повсеместно, так как имели очень важное значение: Святки и Иван Купала приходились на зимний и летний солнцевороты, Масленица открывала весенний цикл, символизировала обновление и победу над смертью.

Святочные вечера имели особое значение для русского человека. После прихода христианства языческие традиции приобрели новое звучание, и Святки стали считаться временем разгула нечистой силы. Отметим, что раньше начало Святков приходилось как раз на зимний солнцеворот, чем и обусловлено их мистическое значение. Ряженье на Святки напрямую связано с представлением о нечистой силе. Костюмы ряженых олицетворяют бесов:

одежду выворачивали на изнанку, использовали волосы из кудели, мазались сажей, рядились в покойников и русалок. Святочное колядование и ритуальное сеяние зерна направлено на продуцирование плодородия, связано с сельскохозяйственным культом. Гадания на Рождество также имеют отношение к суеверным представлениям о нечистой силе. Еще одним элементом Святков являются вечерки: молодежь присматривала себе пару, чтобы в зимний мясоед сыграть свадьбу⁴. Гостям мероприятия в экомузее «Тюльберский городок» предлагают облачиться в костюмы ряженных-шеликунов, под руководством ведущего они ходят по объектам музея, распевая колядки, после чего участвуют в ритуальном посеве зерна. Также каждый желающий имеет возможность погадать на судьбу традиционными способами, после чего отправиться на вечерку, играть в народные игры.

Масленица открывает весенний цикл. В народном сознании – это очень важная веха календаря: зима связывалась со смертью, а весна с воскрешением и обновлением. Сжигание чучела Масленицы отражает представления о необходимости смерти для воскрешения. Вместе с чучелом сжигали все старое, готовясь встретить новое. Символом обновления является и почитание на Масленицу молодоженов. Также масленичные обряды имеют тесную связь с культом солнца: в этот период рождается новое солнце, несущее тепло и плодородие. Традиции карнавализации находят отражение во всеобщем веселье: на Масленицу гуляли все от мала до велика, устраивали состязания, пели, плясали, катались по деревне на конях. В экомузее «Тюльберский городок» реконструируется катание на традиционных санях с чучелом Масленицы. Прокатиться в этой повозке может любой желающий. Гости мероприятия угощаются блинами, символизирующими обновленное солнце, водят хороводы «по солнышку». Также в музее устраиваются традиционные катания с гор: чем дальше съедешь, тем богаче будет урожай. Кульминацией праздника становятся народные состязания: штурм снежной крепости, бой подушками, перетягивание каната и другие народные развлечения. В завершение

праздника чучело Масленицы сжигается, гости бросают в костер ненужные старые вещи, после чего все просят друг у друга прощения по христианской традиции.

Основной смысл праздника Ивана Купалы – очищение. Вода и травы наделяются в этот день целебными свойствами. В народе считали, что в этот день Солнце справляет свадьбу с Зарей и купает лучи в воде, отчего она приобретает особенные свойства⁵. Так как Купала приходится на день летнего солнцестояния, то в обрядовой структуре находят отражение действия, восходящие своими корнями к культу солнца: разжигание костров, хороводы по солнышку, сжигание чучела. Солнцевороты в народном сознании связывались с нечистой силой: считалось, что накануне Ивана Купалы сонмы бесов разгуливают по земле. Именно поэтому ночь накануне Ивана Купалы считалась лучшим временем для гаданий. В экомузее «Тюльберский городок» реконструируются обряды умывания росой: гости мероприятия под руководством ведущего собирают полотенцами воду, выжимают ее в чашу, потом умываются этой водой. По поверьям, после данных действий девушки на год вперед обеспечат себе красивый цвет лица. Затем гости отправляются собирать целебные травы, которые наделяются в этот день способностью исцелять от любых недугов. Далее участников мероприятия ждет плетение венков и гадание по ним на свою судьбу. Обрядовый комплекс, связанный с культом солнца, включает разжигание костров, прыжки через них. В народе считалось: кто выше всех прыгнет через костер, тот будет удачлив весь год, а та пара, которая прыгнет через костер, не разжимая рук, останется вместе на всю жизнь. Среди гостей мероприятия устраиваются своеобразные соревнования. Обязательными элементами праздника становятся хороводы «по солнышку» вокруг костров. После чего все отправляются в гости к водяному, который в этот день, по народным поверьям, особенно активен и может унести в свое царство. Водяному приносят жертву, пуская по реке горящее чучело. В завершение праздника гостям предлагается искупаться в воде, испытав на себе ее

целебные свойства. Самые отважные могут отправиться ночью на поиски цветущего папоротника: кто его найдет, тот станет понимать язык зверей, находить клады, будет удачлив в любви.

Таким образом, реконструкция календарных обрядов русских сибиряков на базе экомuzeя «Тюльберский городок» способствует не только консервации нематериального культурного наследия, но его ревалоризации. Погружаясь в мир традиционной культуры, посетитель постигает суть традиции, принимает ее и становится ее опосредованным носителем. Так научно обоснованная реконструкция на базе музея противостоит утрате традиционного обрядового комплекса русской сибирской деревни.

¹ Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. – Новосибирск: АГРО, 2002. – 286 с.

² Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – М., 2009. – № 5. – С. 47–68.

³ Там же.

⁴ Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – 167 с.

⁵ Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск: Русич, 1995. – 672 с.

В.И. Гутыра

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**САКРАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ ОКУНЕВО МУРОМЦЕВСКОГО РАЙОНА
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ***

V.I. Gutyra

*Omsk, Branch of the Institute of Archaeology and Ethnographybr Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences*

**THE SACRAL VILLAGE OKUNEVO IN MUROMTSEVSKIY REGION
OF OMSKAYA OBLAST AS THE DEFINITION FACTOR OF RELIGIUOS
IDENTITY OF URBAN YOUTH***

Аннотация. Деревня Окунево стала местом экспериментов новых религиозных философий для современной городской молодежи. Здесь мы можем найти различные сообщества, которые проповедуют свое собственное учение о мировом порядке.

Ключевые слова. Религиозная идентичность, городская молодежь, Окунево.

Annotation. The village Okunevo has become the place of experiments of new religious philosophies for modern urban youth. Here we can find different communities who preach their own doctrine about world structure. We can talk about difinition of religious identity of the next generation based on such heterotopy as Okunevo.

Keywords. Religious identity, urban youth, Okunevo.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 12-31-01043 «Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940-е – 2000-е годы) и № 14-01-00431 «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами».

В Омской области не так давно появился сакральный феномен, крайне популярный в молодежной среде. Деревня Окунево Муромцевского района Омской области в последние несколько лет стала своего рода маяком для ищущей себя городской молодежи. Различные религиозные течения, процветающие в этой деревне, привлекают именно представителей этой возрастной категории¹.

В деревне Окунево можно выделить следующие религиозные группы: бабаджисты, славяне, а также просто «интересующиеся», но не определившиеся в своих пристрастиях людей. Каждая из этих групп имеет собственные отличия, и та молодежь, которая состоит в них, также обладает характерными чертами.

Возраст молодежи от 17 лет, абсолютное большинство проживающих в деревне приезжают из городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Омск и другие). Каждый имеет собственную историю «прихода» в Окунево: наркотики, музыка, друзья и т.д. Их объединяет то, что там они чувствуют себя комфортно. Стоит более подробно остановиться на каждой из выделенных групп.

Самой ранней из религиозных групп, появившихся в Омской области, стали так называемые бабаджисты, последователи индийского культа Бабаджи. Появившись здесь в конце XX в., община, созданная в те далекие годы, продолжает жить. Не последнюю роль в этом играет и постоянно приезжающая из города молодежь. По словам приверженцев этого культа, здесь они находят ту гармонию, спокойствие и умиротворение, которого раньше они не знали: «Сюда меня привлекла моя преподавательница. Раньше ненадолго приезжала, сейчас остаюсь на весь теплый период» (Яна, 22 года). Тяжелые условия быта, постоянная работа по устройству общины не пугают молодых людей. Скорее напротив, они видят в этом потаенный смысл: «Груд помогает нам быть ближе к истине» (Настя, 20 лет). Многие из них учатся в университетах, имеют постоянную работу в городе, но стараются как можно чаще вырываться в деревню Окунево для подпитки внутренних сил. Особое

место занимает в их жизни религиозный праздник Наваратри, когда со всех регионов России стекаются последователи этого культа, дабы отметить свой праздник. Приезжают люди различных социальных статусов, возрастов, среди которых большой процент молодежи. Здесь на протяжении недели они радуются своему божеству, приносят ему подаяния, танцуют в его честь. Это безумство красок, улыбок все больше привлекает городскую молодежь в Окунево, дабы сбросить с себя все проблемы и объединиться в танце под звуки индийских песнопений.

Другой общиной, поселившейся на территории Муромцевского района Омской области, стали славяне-язычники. Среди них процент молодого населения немного выше, чем у бабаджистов. Большинство этой общины приезжают в Окунево лишь на теплый период, но есть и те, которые бросили свою городскую жизнь и переехали в деревню. Каждый имеет собственную историю того, как он приехал в Окунево, но чаще всего это поиск ответов, обретение счастья именно здесь.

По своим религиозным верованиям они относят себя к язычникам. Они отмечают основные языческие праздники: день Перуна, Солнцестояния и другие. Для распространения своих идей, да и просто для приятного времяпрепровождения ими было построено уютное кафе, где своих гостей они угощают изделиями собственного приготовления. Их жизнь мало чем отличается от жизни любого другого жителя деревни, лишь не совсем традиционная религия отличает их. Что привело их сюда: «Наркотики и музыка» (Настя, 23 года) или «поиск истины» (Игорь, 27 лет) – ясно лишь одно, здесь они почувствовали комфорт и гармонию, здесь они нашли тех людей, с которыми они смогли создать большую дружную семью.

Другую группу молодых людей, которые обитают в Окунево, мы условно назовем «интересующиеся». Они приезжают в деревню в летние месяцы, услышав о «странностях» этой местности от знакомых. Здесь мы видим городских фриков, которые с удовольствием наслаждаются свободой этой деревни, для употребления тех веществ, которые в городе находятся под

запретом. Или обычные туристы, приехавшие в деревню Окунево после увиденных передач на центральных каналах телевидения. Вне зависимости от того, что ищут эти люди в Окунево: потаенное озеро или кристалл, который может спасти человечество, все они объединены этим местом, жаждой чуда, свободы и веры.

Тезис об отсутствии религиозности в современной молодежи, опираясь на материалы исследований, проведенных в д. Окунево, не является состоятельным. Многие молодые люди ищут ответы на вопросы, которые появляются в их жизни, через различные религиозные практики. Они ищут гармонию и понимание, они ищут комфорт. В деревне Окунево создалась удивительная атмосфера, которая привлекает туда все большее количество молодежи. Здесь проявляется осознание ими собственной религиозной идентичности, и она лежит за пределами традиционных верований.

Приведенные выше материалы показывают, что жизнь современной городской молодежи очень многообразна, непоследовательна и т.д. Она выходит за городские рамки. Изучение феномена молодежной культуры в сочетании с феноменом деревни Окунево дает возможность для понимания современных тенденций общества.

¹ X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва, 2 - 5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. - М.: ИЭ РАН, 2013. - 302 с.

Н.В. Елизарова

Омск, Управление информационно-коммуникационных технологий

**ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА К КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТУШЕК)**

N.V. Elizarova

Omsk, Department of Information and Communication Technologies

**PEASANT'S ATTITUDE TO THE COLLECTIVIZATION OF VILLAGE
(BY THE EXAMPLE OF POLITICAL DITTIES)**

Аннотация. В статье анализируется отношение крестьянства к аграрной реформе СССР в деревне в 1928-1933 годы. В качестве исторического источника рассмотрены произведения фольклора.

Ключевые слова. Крестьянство, СССР, политические частушки, коллективизация.

Annotation. This article attempts to analyze the relation of the peasantry to the USSR agrarian reform in the village in the 1928–1933 years. As a historical source examined works of folklore.

Keywords. Peasantry, the Soviet Union, political limericks, collectivization.

Частушка – особая форма устного народного творчества. Любые события повседневной жизни (свадьба, быт, болезни, труд, досуг и т. д.) могут стать её содержанием. Очень чутко реагирует этот малый фольклорный жанр и на все более или менее значительные исторические события нашей страны: войны, политические катаклизмы, социально-экономические преобразования. По частушке можно судить об отношении народа к тому или иному историческому явлению. В этом контексте особого внимания заслуживают политические частушки: они дают возможность в

лёгкой незатейливой форме высказаться о наболевших социальных проблемах, показать несогласие с мнением власти, выразить своеобразный протест сильным мира сего. Нередко частушки, приправленные ненормативной лексикой, носят экспрессивную и гротесково-фарсовую тональность, но даже в такой форме они демонстрируют определённую гражданскую позицию. Частушечный жанр может стать незаменимым историческим источником при изучении отношения крестьянства к коллективизации деревни в конце 20-х – начале 30-х годов XX века. Это наиболее трагические страницы жизни российской деревни, когда ломались вековые устои крестьянского быта, отчуждалась индивидуальная собственность, внедрялись принципы коллективного труда, чуждые деревенскому труженику. Протест крестьянства против насильственного насаждения социалистических отношений в деревне мог быть активным и открытым, что приводило к массовым выступлениям, а мог иметь завуалированную форму, которая проявлялась, в частности, в исполнении политических частушек. При этом нельзя сказать, что последнее действие имело более безобидные последствия: певец шутивого четверостишья мог на длительное время оказаться за решёткой, поскольку подобного рода деятельность трактовалась как антисоветская агитация и пропаганда. Во многом именно поэтому установить авторство частушек не представляется возможным. Так, по свидетельству известного собирателя частушек А.Д. Волкова, записавшего начиная с 1942 года 3601 политическую частушку, «не могло быть и речи об указании источника с упоминанием фамилии автора или исполнителя. Если бы у меня нашли такие частушки, то уж пострадал бы не я один, а приписали бы групповой антисоветский заговор»¹.

В политических частушках легко считывается природа русского крестьянина: это собственник. В индивидуальном труде, который позволяет прокормить семью и заработать средства для улучшения и расширения собственного хозяйства – важный стимул, когда он теряется – утрачивается

производственная мотивация и интерес к труду в целом: Когда земля своя – / Она, как мать, мила, / А колхозу сдал – / И опостылела².

Частушки демонстрируют резкое снижение доверия крестьянства к органам власти и их представителям, пессимизм и неверие в их обещания и рисуемые ими перспективы: На помещика дед с бабкой / Смолоду батрачили, / Комиссары землю дали... / Потом раскулачили /³. На примере проводимого в деревне колхозного строительства советская власть сравнивалась с царским режимом, причём, не в пользу первой: Любой помещик так / Не обижал слугу, / Как в колхозе мужиков / Сталин гнёт в дугу!.. /⁴.

Отношение к организованным властью кампаниям по раскулачиванию у деревенского обывателя двоякое. С одной стороны, он не прочь поживиться за счёт чужого добра: Кулака мы бьём по шее, / Из деревни гоним прочь, / А на ихние пожитки / Будем пить и день, и ночь /⁵. С другой – испытывает внутреннее несогласие с этой политикой, деформирующей его традиционные представления о зажиточном мужике как о хорошем, крепком, независимом хозяйственнике, умевшем много трудиться, успешно и результативно развивать хозяйство в непростых природно-климатических условиях, опираясь исключительно на собственные силы: С кулаками беднота / Насмерть сражалась! / Оказалось, что на них / Земля держалась /⁶. Подлинно драматической нотой в крестьянском фольклоре становятся частушки спецпереселенцев: Без колхоза жить нельзя – / Понятно объяснили: / Мне рязанский чернозём / На тундру заменили /⁷.

Частушки отражают и печальную практику введения трудодней в колхозах. Такая мера оценки и форма учёта количества и качества труда вызывала у крестьян негативно-язвительную реакцию: Много «палочек» / Мне понаписано! / Мне нужны они, / Как бабе лысина /⁸. На трудодни дают / Нормы куцые: / Буду суп варить / Из Конституции /⁹. Как отмечает И.Г. Серебрякова «было понимание бессмысленности трудовых усилий ради получения прибыли, так как прибыль в любом случае оставалась в колхозе, а

крестьянину приходилось довольствоваться тем, что ему выделялось согласно коллективному решению. Логика соотношения затраченного труда и полученного результата оказывалась нарушенной»¹⁰. Такие же негативные настроения вызывала и политика налогообложения, поставившая значительную часть крестьянства на грань выживания: Жили-были дед и баба / У них курка была Ряба. / Взяли курку на налог – / Дед от голода подох /¹¹. Фольклорный образ курочки Рябы, несшей золотые яички, и являвшейся единственной кормилицей в семье, в частушке свидетельствует о безысходной доле стариков, у которых забирают «на налог» курицу – единственную возможность прокормить себя, и обрекают их на голодное существование.

Обилие частушек связано с массовым голодом в СССР в 1932–1933 годах. Примечательно, что ответственность за голодные годы в фольклорных произведениях возлагается на «комиссаров», «государство», «Сталина», «ЧеКа», которые «отобрали хлеб» и «отвезли в столицу», «в город»; тема неурожая не упоминается: Урожай отвозим летом / Соцдрузьям да городу. / Сами тощи, как скелеты. / Дети пухнут с голоду /¹².

В частушках мы можем увидеть, как трансформировалась крестьянская психология в рассматриваемый исторический период. Попытки адаптироваться к новым порядкам, возникшим в деревне после проведения сплошной коллективизации, приводили к тому, что значительная часть крестьянства утрачивала присущие ей черты политической нейтральности, приверженности к традициям христианской морали; вместо них появлялись и становились доминирующими новые качества: равнодушие, соглашательство, безынициативность, безответственность, иждивенчество, приспособленчество: Хвалю коммуны я – / Как мне хвалить? – / Там не работая / Отлично можно жить! /¹³ По милёночку меня / Зовите коммунарочкой: / Я – бездельница, он – лодырь, / Будем дружной парочкой /¹⁴. И.Г. Серебрякова, проанализировав особенности психологии крестьянства в период сплошной коллективизации, отмечает «безысходность,

страх, панику, нараставшие в крестьянской среде», а также «усиление пьянства, повышение роста преступности», и в целом указывает на «деморализацию части населения деревни»¹⁵. Эти слова находят подтверждение и в частушечном жанре: Мы коммуною / Стали жить теперь: / Один пёт, другой ворует, / Третий злой, как зверь /¹⁶.

Немаловажно, что фольклорные произведения исследуемого периода позволяют увидеть возникшее в деревне социальное расслоение. К представителям элитарного слоя в частушках относятся колхозные чиновники (председатели, бригадиры, парторги) и члены их семей, которые, злоупотребляя должностью, пользуются общественными благами, за что и получают сопутствующие не лестные эпитеты – «дармоеды» и «паразиты»: Посмотри, залётка Шура / Что в колхозе строится: / Председателю, парторгу / Дом железом кроется /¹⁷. Г.А. Ташпеков отмечает гендерное неравенство при распределении руководящих постов в колхозах: Бабы сеют и боронят, /

Огороды городят. / Мужики сидят в правленье, / Папиросами чадят /¹⁸.

Несмотря на то, что среди крестьян, недовольных проводимой аграрной реформой, имели место открытые выступления против власти, в частушках призывы к бунту и неповиновению отсутствуют; их лейтмотивом является обречённость и покорная подчинённость судьбе.

¹Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: в 2 т. – Т.2. Политические частушки / Сост. А.В. Кулагина. – М.: Ладомир, 1999. – С. 5.

²Указ. соч. – С. 159.

³Указ. соч. – С. 33.

⁴Указ. соч. – С. 160.

⁵Указ. соч. – С. 35.

⁶Указ. соч. – С. 161.

⁷Указ. соч. – С. 34.

⁸Указ. соч. – С. 165.

⁹Указ. соч. – С. 165.

¹⁰Серебрякова И.Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 17.

¹¹Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: в 2 т. – Т.2. Политические частушки / Сост. А.В. Кулагина. – М.: Ладомир, 1999. – С. 36.

¹²Указ. соч. – С. 41.

¹³Указ. соч. – С. 159.

¹⁴Указ. соч. – С. 34.

¹⁵Серебрякова И.Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 18.

¹⁶Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: в 2 т. – Т.2. Политические частушки / Сост. А.В. Кулагина. – М.: Ладомир, 1999. – С. 162.

¹⁷Указ. соч. – С. 52.

¹⁸Ташпеков Г.А. Жизнь крестьянина 30-х годов в свете деревенских частушек // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 113.

Е.А. Ерохина

Новосибирск, Институт философии и права СО РАН

АРХАИКА И НЕОТРАДИЦИЯ КАК ДВА ВЕКТОРА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

E.A. Erokhina

Novosibirsk, Institute of Philosophy and Law

Siberian branch of Russian academy of sciences

**ARCHAIZATION AND NEOTRADITION AS TWO VECTORS OF
GLOBALIZATION**

Аннотация. Основная цель статьи заключается в том, чтобы показать смену социально-культурной среды, в которой происходит глобализация. Первый тип – архаизация: упрощение сложных форм общественной жизни вплоть до простых. Второй тип – неотрадиция, используется как синоним антизападничества. Можно согласиться с понятием неотрадиционализма как явления альтернативного вестернизации. Рассмотрим модернизацию как сочетание факторов вестернизации и антивестернизации. В этой связи неотрадиционализм можно рассматривать как один из векторов развития модернизации. Это не синдром изоляции, а элемент модернизации, который сосуществует с вестернизацией.

Ключевые слова. Архаика, неотрадиция, глобализация.

Annotation. The main message of the report is to show the changing of socio-cultural environment in which the globalization develops. The first type is appropriate to described as archaization. Archaization is a simplification of complex forms of social life down to simple ones. The second type is appropriate to characterize as neotradition. Most frequently 'neotraditionalism' is used as a synonym for anti-Westernism. In general, it is possible to agree with the notion of neotraditionalism as a phenomenon what is alternative to Westernization. However, they should not be equated. Let's consider modernization as a combination of

westernization and anti-westernization factors. In this methodology the neotraditionalism can be legitimately regarded as one of the vectors of modernization development. Thereby, it is not syndrome of insulation, but the element of modernization which coexisting with Westernization and is equivalent to it.

Keywords. Archaic, neotradition, globalization.

Архаика и традиция привычно связываются в науке с формами социальности, которые существовали до начала модерна. Между тем в эпоху глобализации они претендуют на роль значимых общественных феноменов. Парадокс одновременности типологически разнородных и хронологически одновременных явлений в структуре незападных обществ не ослабляется, а напротив, усиливается по мере того, как одна волна модернизации накрывает другую. Так например, петровские реформы породили контраст между модернизированными столичными анклавами и консервативной российской провинцией, усилили социальную дистанцию и различия в образе жизни между привилегированным дворянским сословием и остальными категориями россиян. По мере усиления европоцентристских тенденций в сфере государственного строительства социальная дистанция между русскими и нерусскими народами увеличивалась, на что указывает смена лексики. Как справедливо указывала А.А. Люцидарская, «иноземцы», как именовались в официальных документах аборигенные народы Сибири, превратились за два (XVII-XVIII вв.) века в «инородцев»¹.

Советская модернизация привела к огромной социальной дистанции между городом и селом. Не нашел объяснения и парадокс разнонаправленности социальных изменений государства и общества: чем более «насильственным» меры государственной модернизации, тем более «архаичным» оказывается общественный ответ на них. В результате такого противоречивого развития более поздние уклады жизни сосуществуют в российском обществе с более ранними укладами. То же самое можно было сказать и в отношении других незападных обществ.

Уже в середине XX в. стало очевидно, что универсалистская модель нуждается в корректировке. Российско-американский социолог П.А. Сорокин предложил понятие социокультурной динамики вместо понятия прогресс, связав ее с вертикальной мобильностью. Динамика понималась им как волнообразный процесс внутренних изменений социокультурной системы общества в единстве ее упрощения и усложнения, дифференциации и интеграции ее подсистем. Другим первооткрывателем социокультурной динамики можно считать французского исследователя культуры А.Моля, который связал ее с усилением культурной мозаичности, уравнивающей в восприятии индивидов и групп феномены, различающиеся по своей ценности². Кризис универсализма как методологии в 1960-х гг. совпал с кризисом универсализма как социальной идеологии, высшей ценностью которой в течение 200 лет оставался социальный прогресс.

Глобализация лишь усилила разрыв между так называемыми «продвинутыми» и депрессивными регионами, социальными слоями, группами. Противоречивые эффекты глобализации можно условно разделить на два типа. Первый тип уместно обозначить как архаизацию. Архаизация представляет собой упрощение сложных форм социальной жизни. Например, в экономике она проявляется в возвращении к натуральным формам обмена вещами, сырьем, продукцией, более присущим традиционному обществу. Архаизация социального капитала может проявляться, в частности, в трансформации отраслевой структуры занятости. Например, если в советский период были востребованы специалисты в сфере производства, то в постсоветский период – специалисты в сфере оказания услуг. Наиболее видимые артефакты архаизации – руины промышленных предприятий и колхозных построек, заброшенные поля, оросительные системы, пришедшая в негодность техника из-за отсутствия инфраструктуры, способной ее обслуживать. Примером социокультурной архаизации является обычай носить традиционную одежду как повседневную, а не как праздничную.

Второй тип уместно охарактеризовать как неотрадицию. Термин «политический неотрадиционализм» активно используется в политологии такими авторами, как Эмиль Паин, Лев Гудков, Борис Дубин, Валерий Ачкасов³. Чаще всего данный термин употребляется ими как синоним антизападничества. В целом, можно согласиться с представлением о традиционализме как о явлении, альтернативном вестернизации. Однако между антимодернизацией и неотрадицией не стоит ставить знак равенства. Скорее, можно говорить о модернизации как совокупности разнонаправленных векторов: вестернизации и контрвестернизации. В этом методологическом контексте неотрадиционализм правомерно рассматривать как контрвестернизационный вектор модернизационного развития. Таким образом, неотрадиция оказывается сосуществующим и равнозначным вестернизации элементом модернизации.

Как утверждает исследователь Светлана Мадюкова, неотрадиция отличается от традиции не только механизмами передачи знания (из высокой письменной культуры в повседневную среду устной коммуникации, от младших к старшим), но также и функциями, главная из которых - идентификация. Если традиция, согласно М. Веберу, представляет собой дорефлективный тип социального действия, то неотрадиция – это синтез рефлексии и традиции. При этом традиция (ритуал, обряд, обычай), как считает Мадюкова, представляет собой формальную сторону, тогда как рефлексия, предшествующая идентификации, – содержательную сторону⁴. Эта точка зрения разделяется и другими социологами, занимающимися современностью (Лариса Анжиганова, Юрий Попков, Чимиза Ламажаа)⁵. Концепт неотрадиционализма активно используется российскими этнографами (Татьяна Золотова, Александр Селезнев, Елена Фурсова) как методологический инструмент исследования современных этнокультурных трансформаций⁶.

В качестве примера неотрадиции можно привести русский городской ислам. Русским он назван по языку богослужебной практики мусульман

России. Традиционным языком ислама являлся арабский и до начала XX века для большинства российских мусульман сакральный язык их религии оставался малопонятным, примерно так, как для европейца малопонятной оставалась средневековая латынь. Модернизация социальных отношений в Европе сформировала протестантскую этику. Современный ислам потребовал перевода богослужебных книг на понятный всем российским мусульманам русский язык. Как городское явление русский ислам отражает умонастроение горожан, социальной среды, наиболее подверженной распространению инноваций. Как религиозный феномен он содержит известную долю традиционности, основанной на культурной отличительности от доминирующего большинства россиян⁷.

Таким образом, традиция в современной России остается ресурсом модернизации, а модернизация – источником неотрадиции. Это сближает российский «модернизм» с другими аналогичными явлениями в незападном мире.

¹Люцидарская А.А. От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. Междунар. науч. конф. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1995. Т. 2. С. 165-169.

²Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992; Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.

³см., например: Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. ст. Вып. 1. Спб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173-191; Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. Сб.ст. М.: Три квадрата, 2010.

⁴Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. Спб.: Алейтейя, 2011.

⁵Анжиганова Л.В. Этнокультурный неотрадиционализм как ресурс развития региона // Новые исследования Тувы. 2011. № 2-3. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3780-tezisy.html; Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88-93.

⁶см., например, Материалы IX и X Конгрессов этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 2011; Москва, 2013.

⁷Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам (2003). Электронный ресурс: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/cultural-bound

М.А. Жигунова

*Омск, филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ**

M.A. Zhigunova

*Omsk, Branch of the Institute of Archeology and ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**ETHNOCULTURAL PROCESSES
IN THE MODERN SIBERIAN VILLAGE**

Аннотация. В статье рассматриваются современные этнокультурные процессы, протекающие в среде сельских жителей Сибири, проанализированы основные факторы, влияющие на эти процессы, выявлены основные зоны сохранения этнических особенностей. Делается вывод об усилении процесса региональной этнокультурной консолидации и появлении новой национальности сибиряк.

Ключевые слова. Этнокультурные процессы, этнические особенности, факторы влияния, региональная идентичность, консолидация, сибиряк.

Annotation. In article the modern ethnocultural processes proceeding among country people of Siberia are considered. The major factors influencing their variety and development are specified, and also – the main zones of preservation of ethnic specifics come to light. The conclusion about strengthening of process of regional ethnocultural consolidation (including a new nationality – the Siberian) and developments of the all-Siberian forms of mentality and traditional and household culture (in line with national Russian traditions) is drawn.

Keywords. Ethnocultural processes, ethnic characteristics, influences, regional identity, consolidation, Siberian.

Ежегодно, бывая в экспедициях в различных регионах Сибири, нельзя не отметить, что сибирская деревня переживает не лучшие времена. Современное российское общество остро нуждается в конкретной информации об этнокультурных изменениях в отдельных регионах и у отдельных народов для анализа обоснованных научных данных об общих тенденциях современных этнических процессов¹. Население современной сибирской деревни отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, различными природно-географическими и этническими условиями проживания. В формировании современного населения этого региона приняли участие выходцы практически из всех губерний Европейской России, а также – Урала, бывших советских республик, различные по своей конфессиональной, этнической и социальной принадлежности. В связи с этим существует множество локальных региональных и специфичных особенностей у различных групп населения Сибири. В данной работе мы остановимся на общих тенденциях, характерных для подавляющего большинства жителей Западной Сибири, 80% которого приходится на русских. Монографические исследования истории и современного состояния культуры сельского населения этого региона пока довольно немногочисленны².

Представленная работа является продолжением многолетних исследований автора. Она базируется на полевых историко-этнографических, этносоциологических и музееведческих материалах, собранных экспедициями Омского государственного университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского культурного центра, а также – лично автором на территории Западной Сибири и Северного Казахстана.

Сибирь является неотъемлемой частью России, и поэтому происходящие в ней современные этнокультурные и этносоциальные процессы являются отражением тех перемен, что протекают в российском обществе в целом. Отсутствие стабильности, неуверенность в завтрашнем дне, резкая дифференциация общества, усиление социальной стратификации, непонимание отдельной частью русского населения тех реформ, что происходят в современный период, вызывают активизацию усилий в поиске защитных механизмов человеческого существования. Поэтому в 1990-е гг., после распада Советского Союза, наблюдается определенный рост этнической консолидации, всплеск этнического самосознания у различных народов, усиление интереса к истории и культуре своего народа.

Территория Сибири относится к зонам активных этнических взаимодействий. Наряду с русскими здесь проживают представители более 100 различных народов. Самыми многочисленными из них являются немцы, украинцы, казахи, татары, белорусы, чувашаи. Для русских в целом характерны положительные установки на межнациональное общение и активные этнокультурные контакты с другими народами (примерно в 70% семей встречаются родственники других национальностей). По мнению опрошенных, людей разных национальностей больше всего сближают общие язык, религия, совместное проживание и работа, общие трудности, дружба и любовь. Развитие современной семьи идет по пути дальнейшего увеличения доли малых семей. Территориальная разобщенность, отдельное проживание детей и родителей приводят не только к ослаблению родственных связей, но и к нарушению основного, традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Активизирует этот процесс прогрессирующая урбанизация, отток молодого поколения в городскую местность.

Наибольшее влияние процессов урбанизация и стандартизация быта прослеживается в сфере материальной культуры. Так, более половины опрошенного нами русского населения проживают в домах, не имеющих

традиционных черт. Одежда продолжает утрачивать свой ярко выраженный ранее знаковый характер и практически уже утратила функцию этноразделителя, чему способствует повсеместное распространение одежды и обуви промышленного производства. Этническая специфика прослеживается преимущественно в зимней одежде и обуви. Традиционный народный костюм в обобщенной стилизованной форме используется в качестве сценической одежды фольклорно-этнографическими коллективами и работниками культуры. Наиболее этнически маркированной из материальной культуры является традиционная пища.

Утрачивается знание обрядового фольклора, былинных эпических сказаний и легенд. Самым устойчивым из всех фольклорных жанров оказалась внеобрядовая лирическая песня. Активно бытуют малые жанры фольклора: частушки, анекдоты, пословицы и поговорки. Изменения традиционных форм трансляции культуры, увеличение роли технически опосредованных контактов приводят к усилению позиций профессиональной культуры, которая принимает на себя в настоящий период многие функции фольклорной.

Несмотря на то, что фактор социально-профессиональной принадлежности существенно детерминирует сферу человеческого мышления, его влияние на этнокультурные установки оказалось несущественным. В целом, во всех социально-профессиональных группах наблюдается примерно одинаковый процент лиц, ориентированных на потребление традиционных форм культуры. Всех опрошенных можно условно разделить на две большие группы, различающиеся активным и пассивным потреблением этих форм. Влияние социально-профессионального фактора в наибольшей степени проявляется в одежде отдельных групп (специальной и форменной), а также - в наличии специфического фольклора (армейского/солдатского, студенческого, тюремного и др.).

В настоящий период времени этническая специфика наиболее стойко сохраняется в области духовной культуры. Основными ее носителями

являются сельские жители, а из поло-возрастных групп - женщины и старшее поколение в целом. Социальная стратификация и поляризация российского общества по уровню доходов и ориентацией на различные традиции – западные или восточные, религиозные или светские, традиционные народные, советские, массовые и т.д. породили многообразие форм современной культуры. Чрезвычайное многообразие современных культурных традиций жителей сибирского региона обусловлено следующими основными факторами: 1) историей заселения (сюда переселялись выходцы практически из всех губерний Европейской России и Урала, ссыльные и каторжане, репрессированные, мигранты из различных областей и бывших республик Советского Союза, различные по своей конфессиональной, этнической и социальной принадлежности); 2) проживанием в разнообразных природно-географических условиях (от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге); 3) многообразием форм хозяйственной деятельности (земледелие и животноводство, охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла); 4) пестрым этническим и религиозным составом; 5) активными межэтническими контактами. Несмотря на многообразие этнокультурных процессов, наличие многослойных напластований и синкретизм различных традиций, основным является процесс этнокультурной консолидации и выработки общесибирских черт менталитета и традиционно-бытовой культуры. Подтверждением этому служит и зафиксированная на официальном уровне Всероссийской переписью населения 2010 г. новая национальность – сибиряк. Рост региональной идентичности является одним из реальных факторов современного устойчивого развития Сибири³.

¹ Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010; Традиции и современная ситуация в области образования и культуры народов России и стран Ближнего Зарубежья. Тюмень, 2009.

² Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья. Омск, 2004; Овчарова М.А. Мордва Алтая: История и этнокультурные

процессы (XIX – начало XXI века). Новосибирск, 2010; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Барнаул, 2008.

³ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири // ЭКО. 2013. № 1 (463). С. 58-76; Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11-15.

Т.Н. Золотова

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

**НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СИБИРСКОМ
ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

T.N. Zolotova

Omsk, Siberian branch of the Russian institute for cultural research

NATIONAL ART CULTURE IN SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Аннотация. В статье рассматривается состояние и анализируются проблемы народной художественной культуры в Сибирском федеральном округе на основе паспортов культурной жизни регионов, статистических данных, материалов средств массовой информации и результатов личных наблюдений автора.

Ключевые слова. Народная художественная культура, традиции, фольклоризм, творчество, фестивали, праздники, национально-культурные центры.

Annotation. The article examines and discusses the state of folk art culture in the Siberian Federal District on the basis of cultural life passports regions, statistics, media material and the results of personal observations of the author.

Keywords. National art culture, tradition, folklorism, creativity, festivals, holidays, national-cultural centers.

Народная художественная культура - сложная саморазвивающаяся система, включающая взаимосвязанные между собой элементы: архаичный фольклор, художественную самодеятельность и народное творчество, фольклоризм, фольклор субкультур, а также – инфраструктуру, обеспечивающую их функционирование. Рассмотрим такие важные составляющие народной художественной культуры, как художественная

самодеятельность и фольклоризм. Фольклоризм понимается нами как процесс освоения и использования народного наследия в различных сферах современного общества. Он развивается в двух основных модификациях – в аутентичных формах, опирающихся на традиционный архаичный фольклор, и видоизмененных, когда отдельные элементы фольклора подвергаются обработке или стилизации (вторичные формы фольклора).

Художественная самодеятельность является наиболее массовым элементом народной художественной культуры. В плане организации она проявляется в функционировании самодеятельных художественных коллективов вокального, музыкального, хореографического, театрального направлений. Среди возрастных категорий наиболее вовлеченными в самодеятельность оказываются подростки и люди старшего (пенсионного) поколения.

Формирования самодеятельного народного творчества (в которые помимо художественной самодеятельности входят коллективы народных промыслов) функционируют на базе клубов и занимают в них, как правило, большую часть. Так, в клубных формированиях Омской области 64% занимают формирования самодеятельного народного творчества. Всего в области на 1 января 2013 г. насчитывалось 6633 формирования народного творчества, в которых было занято 83349 человек (для сравнения – в Новосибирской области - 6330 клубных формирований самодеятельного народного творчества, объединяющих 69407 человек, в Томской - 2 509 клубов, объединяющих 34072 человека, в Бурятии - 3236 клубных формирований, объединяющих 44674 человека, в Забайкальском крае – 120 клубных формирований, объединяющих 1205 человек)¹. Статистические данные развития жанров народного творчества свидетельствуют о том, что наиболее популярными среди жителей Омского региона остаются хореографические и театральные коллективы, а затем уже следуют хоровые, фольклорные и народных промыслов. В последние годы появились новые творческие формирования, целенаправленно изучающие традиции воинской

культуры, инструментальный фольклор, формы площадного народного театра, народный костюм. Клуб «Вечерка» Сибирского культурного центра активно развивает вечерку как форму современного молодежного досуга. На базе «Центра славянских традиций действует фольклорно-этнографический ансамбль – лаборатория «Берегиня», осуществляющий сбор, фиксацию, анализ этнографического материала, реконструкцию аутентичной манеры пения, танца, костюма, игры на инструментах.

Фольклоризм полнее всего реализуется в деятельности этнокультурных организаций. В Омской области работает около 50 национально-культурных объединений, имеющих государственную регистрацию, в том числе 3 региональных и 17 местных национально-культурных автономий. В местах компактного проживания этнических групп созданы объединения и центры национальной культуры на базе муниципальных учреждений культуры. В Омском регионе в настоящий момент действуют 135 центров традиционной народной культуры, из которых более 50 центров немецкой культуры, 32 центра русской (славянской) традиционной культуры (во всех муниципальных районах области), 4 украинских, 8 казахских, несколько латышских, татарских, армянских и других. Большинство этих объединений существуют на базе и при методической поддержке бюджетного учреждения культуры Омской области «Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом дружбы).

Наиболее ярким проявлением вторичных форм культуры являются фестивали народной культуры. В 2012 г. в Омской области было проведено 8 фестивалей, в которых приняли участие 23900 человек. С 1998 г. проводится областной фестиваль национальных культур «Единение», представляющий собой комплексную систему межнациональных проектов, фестивалей, конкурсов национального творчества, государственных, народных и календарных праздников, семинаров-практикумов, творческих лабораторий, выставок декоративно-прикладного творчества, национальной кухни. Наиболее крупным фестивалем Омской области является областной фестиваль русской культуры

«Душа России», который ведет свою историю с 1992 г. В 2011-2013 гг. прошел уже десятый фестиваль, включавший в себя следующие мероприятия: 1) всероссийские фестивали и конкурсы: народных хоров и ансамблей «Поет село родное»; любительских театров Урала и Сибири; 2) цикл межрегиональных фестивалей «Омский календарь народных праздников»: межрегиональный фестиваль русской традиционной культуры «Егорий Хоробрый»; межрегиональный праздник «Троицкие гуляния»; межрегиональный праздник традиционных ремесел «Покровская ярмарка»; 3) областные фестивали, конкурсы и праздники: - народных любительских театров «Театральные встречи»; инструментальной музыки; хоров и ансамблей русской песни «Светлые родники»; исполнителей народной и эстрадной песни «Голоса Прииртышья»; балетмейстеров-постановщиков «Формула танца»; вокально-инструментальных исполнителей и творчества композиторов-любителей «Vivat, Талант»; чтецов-любителей и самодеятельных поэтов «Земли Российской патриоты»; гармонистов и частушечников, фотолюбителей «В России моя судьба»; ежегодный областной праздник народов Прииртышья «Певческое поле», посвященный Дню России². О роли фестиваля «Егорий Хоробрый» (с 2001 г.) и праздника ремесел «Покровская ярмарка» (с 2005 г.) мы писали ранее³. В 2013 г. в регионе прошли областные фестивали духовной культуры «Православный лик Прииртышья» и V детский православный фестиваль «Преображение», а также праздники колокольного искусства «Пасхальные звоны» и «Звоны Покрова».

В Новосибирской области народная художественная культура развивается на базе государственного Дома народного творчества, Дома национальных культур им. Г. Заволокина, Русского дома народных традиций «КрАсота», Центра русского фольклора и этнографии, Российско-немецкого дома, Татарского культурного центра, Украинского культурного центра, Центра белорусской культуры. Динамика изменений количества формирований по жанрам самодеятельного народного творчества Новосибирской области за последние 3 года свидетельствует об уменьшении

практически всех (хоровых, хореографических, театральных, оркестров народных и духовых инструментов, фольклорных, изобразительного искусства, кинофотолюбителей) клубных формирований. Определенное увеличение произошло только среди коллективов народных промыслов, что показывает тенденцию повышения интереса к занятиям ручной работой, прежде всего вышивкой и ручным вязанием. Конкурсно-фестивальное движение в области развивается достаточно активно. В 2013 г. прошел V Межрегиональный смотр деятельности этнокультурных центров коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, хоровые встречи «От сердца к сердцу», фестиваль фольклорного творчества российских немцев «Es weihnachtet!», «Россия молодая», «В гостях у Лявонихи», «Мельниковский фестиваль», «Заволокинская гармонь», «Сибирская глубинка». В рамках ежегодного Международного фестиваля национальных культур прошли праздники «Сабантуй», «Сорочинская ярмарка», «Масленица», «Навруз-байрам», «Шанырак» и другие.

В Красноярском крае успешно реализуется этнокультурное направление народной художественной культуры. Стало традиционным проведение дней национальных культур (украинской, азербайджанской, хакасской, бурятской и др.) и национальных праздников: праздник урожая «Оп-майда» (Кыргызская национально-культурная автономия), народный татаро-башкирский праздник «Сабантуй» (татарская национально-культурная автономия «Яр»), встреча Нового года «Навруз» (национально-культурные центры республик Средней Азии), «Сагаалган» — бурятский Новый год (Бурятская национально-культурная автономия «Алтан Гэрел», «Чылпаазы» — хакасский Новый год (Хакасская национально-культурная автономия «Алтын Сыын»), национальный еврейский праздник «Пурим» (Еврейская национально-культурная автономия «Гаскала»), праздник финской культуры «Калевала» (Сибирское финское общество «Ингрия»), «Михайлов День» (прибалтийские народы) и других. Особое внимание уделяется проведению молодёжных межнациональных мероприятий, в которых принимают участие практически

все молодёжные объединения национально-культурных автономий края. Декоративно-прикладное творчество мастеров Красноярского края было оцифровано в «Электронном каталоге работ ведущих мастеров декоративно-прикладного искусства и самобытных художников-любителей Красноярского края».

В Алтайском крае активно развиваются все виды народного художественного творчества. В Алтайском государственном центре народного творчества проводятся экспедиционные фольклорно-этнографические исследования и поддерживаются коллективы хореографической, вокальной, театральной направленности, декоративно-прикладного искусства (изделия из керамики, текстиля, бересты, роспись и резьба по дереву, плетение, художественный металл), ансамбли народной музыки и народных музыкальных инструментов. В числе активных национально-культурных центров края Центры казачьей, украинской, мордовской, кумандинской, старообрядческой культур. В крае большую популярность получили фестивали народного творчества «Калина красная», посвященный памяти В.М. Шукшина, «Вместе мы – Россия», «День России на Бирюзовой Катуни» (2013 г.). В рамках последнего фестиваля в туристическом комплексе прошли народные гуляния «Улица широкая» (блюда национальной кухни, презентации традиционных костюмов, игры, песни и танцы, семейно-бытовые обряды), встреча национальных коллективов, исполнителей и общественных этнокультурных объединений региона «Я горжусь тобой, Алтай», хороводное шествие фольклорных коллективов, гала-концерт.

В Республике Алтай масштабным мероприятием 2013 г. стал республиканский фестиваль лучших профессиональных и самодеятельных коллективов Республики Алтай «Радуга талантов», а в Кемеровской области - областной детский фестиваль национальных культур «Родники Кузбасса» и областной фестиваль национальных культур «Мы живем семьей единой» (более 3000 участников). В Кузбассе проводятся традиционные национальные праздники: татарский «Сабантуй», шорский «Пайрам», телеутский «День

Святого Николы» и «Пардакай», славянский «Троица», еврейский «Песах» и «Рош-а-Шана», азербайджанский и таджикский «Ураза Байрам» и «Курбан Байрам», губернаторская елка «Хоровод дружбы», районные Дни шорской и телеутской культуры.

Особенностью культурного потенциала Бурятии является развитие народного творчества, основанное на национальных традициях народов, проживающих в республике. В рамках мероприятий, посвященных 90-летию Республики, прошел республиканский конкурс творческих коллективов муниципальных образований «Я люблю тебя, моя Бурятия!» (участников – более 2000 человек, зрителей – более 8000 человек), Межрегиональный фестиваль-конкурс фольклора старообрядческих художественных коллективов «Раздайся, Корогод!», Международный фестиваль искусства горлового пения «Дыхание земли», Международный конкурс этномоды «Торгон зам», Второй республиканский фестиваль юных улигершинов «Угайм эрдэни» («Драгоценность моих предков»), традиционный фестиваль «Играй гармонь, звени частушка!».

В Забайкальском крае наибольшее развитие получили художественная обработка дерева (резьба по дереву, работа с берестой, плетение из лозы), вязание, вышивка, бисероплетение. За последние два года популярными становятся такие виды рукоделия как: валяние, оригами, изонить, декупаж, квиллинг, фриволите и др. Общее количество мастеров, занимающихся декоративно-прикладным творчеством, составляет 1792 человека. В районах компактного проживания эвенков и бурят развиваются национальные ремесла, связанные с обработкой кожи и меха, пошивом одежды и обуви (437 мастеров-ремесленников).

Анализ имеющихся материалов по Сибирскому федеральному округу свидетельствует о высоком уровне развития народной художественной культуры. Во всех субъектах РФ, находящихся на территории округа, большое внимание уделяется бытованию народной хореографии, музыкального вокального и инструментального исполнительства, народного театра,

моделированию народной одежды, развитию изобразительного декоративно-прикладного творчества, промыслов и ремесел (в том числе, гончарному ремеслу, изготовлению текстильной и деревянной игрушки, камнерезному и косторезному промыслу, бондарному ремеслу, художественной ковке металла, резьбе по дереву, бисероплетению, вышивке, ткачеству, ручному вязанию и т.д.).

Наиболее популярными среди жителей округа остаются хореографические, хоровые и театральные коллективы, меньшее количество занято фольклором и народными промыслами. Но в последние годы наблюдается тенденция усиления интереса к народным ремеслам и фольклору, что объясняется во многом тягой городского населения к творчеству посредством ручной работы, с одной стороны, и развитием фольклорного движения среди молодежи – с другой.

В настоящих условиях всё большую популярность приобретают ансамбли русской песни и вокальные ансамбли количеством 8 – 12 человек. В основном это молодёжные коллективы, чаще всего выделившиеся из основного хорового состава. Основа репертуара таких ансамблей – авторская песня, русская народная песня в авторской обработке, с сопровождением фонограммы «минус-1». Как правило, их участники выступают в стилизованных костюмах. По жанровой направленности их можно отнести как к народному, так и к эстрадному направлению.

Развитие народной художественной культуры в институциональном плане происходит в основном на базе региональных центров народного творчества и национально-культурных центров, стимулирующих деятельность коллективов, основанных на этнических традициях.

В развитии народной художественной культуры большое значение в последние годы стало придаваться собирательскому и научно-исследовательскому компоненту. Делается ставка на аутентичный фольклор, создание и поддержку коллективов в их живом бытовании с репертуаром, основанным на местных традициях. Во многом стимулированию и интенсификации этого процесса служит фестивальное движение,

расширяющееся количественно и качественно. Безусловными лидерами фестивального движения являются Красноярский и Алтайский края, в которых в 2013 г. прошло 177 и 72 фестиваля соответственно, с общим количеством участников 75300 и 75000 человек. Несколько менее активны Омская (8 фестивалей и 23900 чел.), Томская (48 фестивалей и 9100 чел.) области и Республика Алтай (29 фестивалей и 9056 чел.). Больше всего фестивалей народной культуры проводится в Ямало-Ненецком автономном округе – 639 фестивалей и 186562 участника. Объяснение такой фестивальной, и в целом – социокультурной активности кроется, вероятно, в большом объеме финансирования программ, связанных с развитием коренных малочисленных народов Севера и общим благоприятным финансовым положением этого округа.

Фестивали народной культуры как современная форма существования народной художественной культуры имеют большое значение для создания в регионе благоприятной социокультурной среды, несут познавательную и обучающую нагрузку, стимулируют культуротворческую активность населения, улучшают межэтническую коммуникацию. В современных народных праздниках, как календарно-обрядовых, так и общественно-гражданских, реализуется художественное творчество народных масс посредством выставок-ярмарок изделий мастеров-ремесленников, концертов самодеятельных коллективов, участия в играх, конкурсах, хороводах, работе различных мастерских.

Существующие проблемы в развитии народной художественной культуры связаны с низким уровнем зарплаты работников культуры (что приводит к дефициту квалифицированных руководителей центров народного творчества, СДК, творческих коллективов), недостаточным вниманием к собирательской и научно-исследовательской деятельности, отсутствием преемственности поколений в фольклорных коллективах (что приводит к нарушению механизма трансмиссии культуры и утрате народных традиций) и многим другим.

Культурная политика РФ и деятельность региональных органов власти должна строиться на создании условий для актуализации различных форм народной художественной культуры. На современном этапе эти формы достаточно разнообразны: организация фольклорно-этнографических экспедиций и детских фольклорных лагерей, издание научно-методических пособий, проведение народных праздников и фольклорных фестивалей, создание фонда фольклорно-этнографических материалов и единого банка данных по народной художественной культуре, подготовка специализированных телевизионных передач и кинофильмов, организация выставок декоративно-прикладного искусства и семинаров-практикумов по разным видам ремесел, участие мастеров и предприятий народных художественных промыслов в выставках-конкурсах и ярмарках, создание и всемерная поддержка центров традиционной культуры и творческих коллективов, изучающих, сохраняющих и развивающих народные традиции.

¹ Паспорта культурной жизни регионов см. на официальном сайте Министерства культуры РФ//mkrf.ru/ Дата обращения 18.02.2014

² www.sibmincult.ru/ Дата обращения 15.02.2014

³ Золотова Т.Н. Роль фестиваля «Егорий Хоробрый» в сохранении традиционной культуры в современных условиях// Егорий Хоробрый: Всероссийский фестиваль русской традиционной культуры: Информационно-методический сборник для работников культуры и образования/ Сост. В.Ю. Багринцева, отв. ред. М.А. Жигунова. – Омск: «Салон печати «Диалог», 2010. – С. 51-54; Золотова Т.Н. Фестивали народной культуры как форма существования фольклора и фактор формирования идентичности и толерантности в социокультурном пространстве современного города// Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.)/ отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2010. – С. 246-251.

А.А. Ильина

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Х – 2000-Х ГОДАХ**

A.A. Ilyina

Omsk, Siberian branch of the Russian institute for cultural research

**ON THE STUDY OF THE TATAR LANGUAGE IN THE TOMSK REGION
IN THE 1990s – 2000s YEARS**

Аннотация. Статья посвящена состоянию изучения татарского языка в сельских районах Томской области. Автор дает данные о количестве школ с преподаванием татарского языка, и числе учеников, изучающих язык. Описываются проблемы изучения татарского языка и пути их решения.

Ключевые слова. Татарский язык, Томская область, проблемы изучения.

Annotation. The article is devoted to the status of the study of Tatar language in the rural areas of the Tomsk region. The author gives data on the number of schools teaching the Tatar language, and the number of pupils, studying them. Describes the problems of studying of the Tatar language and ways of their solution.

Keywords. Tatar language, Tomsk region, the problem of studying.

Сохранение этнического многообразия современной России – актуальная задача современности, одну из главных ролей в которой играет сохранение родных языков многочисленных этносов Российской Федерации, поскольку родной язык является основой этнического самосознания. На рубеже 1980–1990-х гг. на волне всплеска интереса к этническим корням и традициям у представителей многих этносов возник интерес и к изучению

родного языка. В результате по всей стране открывались кружки по изучению различных языков, вводилось факультативное обучение в школах, которое впоследствии могло перейти в статус предмета школьной программы, началась подготовка специалистов для обучения родному языку и литературе в педагогических училищах и вузах и т.д. Аналогичные процессы происходили и у татар Западной Сибири. В данной статье речь пойдет об изучении татарского (литературного) языка в сельских районах Томской области. Материалы для статьи были собраны автором в ходе исследования состояния культуры и языка татар Западной Сибири в 2005-2010 гг.

Следует отметить, что к проблеме изучения татарского языка в сельских районах Томской области обращается татарская общественность непосредственно в местах компактного проживания татар, в первую очередь учителя местных школ татарской национальности (причем, не только учителя татарского языка).

Итак, закономерным следствием возрождения интереса к родному языку в Томской области в конце 1980-х гг. стало включение татарского языка в школьную программу. В 1989 г. татарский язык начали преподавать в ряде сел Томского района (Черной речке, Тахтамышево, Эуште и др.) и Кривошеинского района (Ново-Исламбуль). В 1990-е гг. количество школ с преподаванием татарского языка увеличилось незначительно. В 1999-2000 учебном году татарский язык в Томской области преподавался в шести школах: в Кривошеинской средней школе, Новоисламбульской неполной средней школе Кривошеинского района, Тахтамышевской неполной средней школе, Эуштинской неполной средней школе, Чернореченской средней школе, Кафтанчиковской средней школе (последние четыре – Томский район). При этом только в селе Тахтамышево Томского района обучение велось как предмет в объеме 1 час в неделю.

В 2000-2001 учебном году, по данным управления образования Томской области, татарский язык преподавался в трех сельских школах с

татарским населением: в начальных классах Новоисламульской основной школы Кривошеинского района (факультативно), в Тукайской начальной школе Зырянского района, в Тахтамышевской основной школе Томского района. Помимо этого татарский язык преподавался в рамках кружка в деревне Кафтанчиково Томского района, а также на занятиях в национальном ансамбле «Чишма» («Родник») в с. Черная речка Томского района. Таким образом, за один учебный год татарский язык перестал изучаться в четырех школах (при этом его преподавание началось дополнительно только в одной школе). Особенно отрицательно сказался этот факт на учащихся Чернореченской средней школы Томского района, где в 2000-2001 учебном году татарские дети составляли 122 человека из 198 учащихся, и Эуштинской основной школы Томского района, где татары составляли 43 человека из 55 учащихся¹. Впоследствии в Эуштинской основной школе изучение татарского языка возобновилось, но лишь посредством краеведческого кружка с охватом учащихся 12-15 человек.²

По мнению И.В. Нам, проводившей мониторинг состояния национального образования у татар Томской области, на начало 2000-х гг. только в отношении одной школы региона, Тахтамышевской основной школы Томского района, можно было вести речь о постоянных занятиях по изучению татарского языка. Причем и в ней со временем татарский язык был исключен из учебной программы и переведен на положение факультатива. Так, по состоянию на конец 2000-2001 учебного года, татарский язык здесь изучали 23 ученика 5-го и 9-го классов (всего в школе в этом учебном году было 70 учащихся); в 2001-2002 учебном году – 27 учеников: 16 человек – в 6-м классе (1 раз в неделю) и 11 человек во 2-м и 3-м классах (кружок два часа в неделю)³. В 2004 г. обучение татарскому языку в школе велось с 1 по 4 классы. В Тахтамышевской основной школе работали два учителя татарского языка, осуществлявшие обучение детей дошкольного и младшего школьного возраста языку и культуре татарского народа по комплексной программе. В школе было принято три направления этнокультурного компонента обучения

школьников: язык, декоративно-прикладное искусство и вокал с элементами хореографии⁴.

Таким образом, в Томской области преподавание татарского языка ведется в незначительном количестве школ. Учителя татарского языка школ области отмечают, что нормальному изучению родного языка мешают две существующие проблемы: во-первых, отсутствие учебно-методической литературы (в своей работе учителя используют учебники советского периода) и, во-вторых, отсутствие ставок для учителей⁵. По нашему же мнению, важнейшим проблемами в сложившейся ситуации являются отсутствие кадров для обучения детей родному языку и отсутствие спроса на изучение татарского языка со стороны детей и их родителей. Обучение татарскому языку в школах области ведется учителями, окончившими Сибирский тюрко-татарский педагогический техникум Томска в середине 1950-х гг. (техникум был закрыт еще в 1954 г.) и в течение десятилетий не обучавшихся на курсах повышения квалификации по предмету. Они преподают только основы татарского языка на уровне языкового общения. При этом и таких людей становится все меньше в силу их преклонного возраста. В настоящее время средние и высшие учебные заведения Томской области не готовят специалистов для работы по преподаванию татарского языка в школах региона. Однако определенные наработки в этом деле существуют.

Так, в Томском государственном педагогическом университете под руководством заведующего Лабораторией языков народов Сибири (факультет иностранных языков, кафедра языков народов Сибири), к.ф.н. З.С. Камалетдиновой были составлены программы обучения татарскому языку студентов вуза, планировалось открытие специализации по обучению языку и подготовке учителей татарского языка. Учебный план по специализации «Татарский язык» был рассчитан на пять лет и состоял из спецкурсов: введение в татарскую филологию, фонетика, практика речи, методика преподавания татарского языка, грамматика, татарская литература, история татарского языка, татарская культура. Подразумевалось также

прохождение педагогической практики в местах компактного расселения татар⁶. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. при Лаборатории языков народов Сибири функционировала рабочая группа из 12 студентов-татар, включавшая студентов различных факультетов вуза, дополнительно занимающихся изучением родного языка и культуры. Однако ко второй половине 2000-х гг. разработка проблем татарского языка в рамках работы Лаборатории языков народов Сибири прекратилась.

По мнению специалистов, для изменения ситуации в сфере обучения татарскому языку требуется принятие ряда мер. Необходимо разработать концепции школ с этнокультурным компонентом и специальные программы для развития и сохранения языка, утвердить их в школах, где можно развивать это направление. На основе принятых концепций областному управлению народного образования необходимо решить вопрос о выделении ставок для учителей татарского языка, чтобы заменить альтернативные формы обучения (кружки и факультативы) на нормальные полноценные уроки. Важно также организовать курсы повышения квалификации для учителей по направлению «Татарский язык». Для организации всей этой работы нужно написать заявки на грант областной и городской администрации, чтобы труд специалистов был оплачен. Необходимо также полноценное обеспечение школ области учебно-методической литературой. Кроме того, весьма важно проводить регулярный мониторинг состояния татарского образования в Томской области. Помимо всего перечисленного нужно определить стратегию развития татарской культуры и приоритеты в деятельности татарских национально-культурных объединений, в рамках их работы уделять больше внимания этническому образованию⁷. Таким образом, для кардинального изменения сложившейся ситуации необходима планомерная работа.

¹ Нам И.В. Томская область: модель этнологического мониторинга. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, EAWARN, 2001. С. 101.

² Камалетдинова З., Абакиров М. Томские татары теряют родной язык // Территория согласия. – 2004. – № 3. – С. 42.

³ Томская область. Этнодемографическая характеристика [Электронный ресурс]. Валерий Тишков: [сайт]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k/tomskaya_o.htm (дата обращения: 18.01.14).

⁴ Камалетдинова З., Абакиров М. Указ. соч. – С. 42.

⁵ Там же. – С. 42.

⁶ Камалетдинова З.С. Подготовка специалистов в Томском педуниверситете для преподавания языков коренных народов Сибири // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Материалы международной конференции (часть III). – Томск, 2000. – С. 240-241; Камалетдинова З.С., Макаров Б.Ф., Абдрашитова Г.Х. История и современное состояние национального образования Томской области // Междисциплинарные исследования этносов Сибири. Сборник научных трудов. – Томск, 2001. – С. 119-121.

⁷ Камалетдинова З., Абакиров М. Указ. соч. – С. 43. Нам И.В. Томская область: модель этнологического мониторинга. – С. 101.

Т.И. Кимеева

Кемерово, государственный университет

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО
ВЛИЯНИЯ НА ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ
ПОСЕЛКОВ ГОРНОЙ ШОРИИ***

T. I. Kimeeva

Kemerovo, State University

**CULTUROLOGY ASPECT OF THE RESEARCH OF THE RUSSIAN
INFLUENCE TO THE WOMEN DECORATIONS OF THE MOUNTAIN
SHORIA VILLAGES AUTOCHTON POPULATION***

Аннотация. В статье представлены результаты изучения украшений, принадлежавших шорским и русским женщинам, которые жили в сибирских деревнях в первой половине XX века. Анализ основан на коллекциях музеев. Показаны результаты взаимодействия традиционных культур и возможности их функционирования в современном культурном контексте.

Ключевые слова. Женские украшения, шорские и русские женщины, взаимодействие.

Annotation. The article presents the results of the examination of decorations belonged to Shor and Russian women who lived in the same Siberian villages in the I half – middle XX century. The analysis was based on the museums collections. The results of mutual interaction of the traditional cultures and the possibilities of their functioning in the modern cultural context are shown.

Keywords. Women's jewelry, Shor and Russian women, interaction.

**Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ №13-11-42006.*

Самобытная традиционная культура автохтонных народов Сибири с начала XX в. неизменно вызвала интерес у исследователей – этнографов, музееведов, краеведов и др. В Кемеровской области одним из таких народов являются проживающие в ее южной части шорцы – тюркоязычный народ, численность которого по данным переписи 2002 г. составляет 13 975 человек¹.

Вопрос о выделении народа в самостоятельную национальную единицу как «кузнецких татар-шорцев» решался в 1924 г. на Татаро-Шорцевском горно-районном съезде в с. Кузедеево. В 1926 г. был образован национальный район, закрепленный декретом Всероссийского Центрального исполкома «Об образовании в составе Кузнецкого округа Сибкрая национального Горно-Шорского района», включившего Кондомский район и юго-восточную часть Кузнецкого района. Центром района первоначально было село Мыски (улус Томазак), с 1930 г. – село Кузедеево.

Весьма важным в плане исследования взаимовлияний русских и шорцев являются приводимые исследователями сведения о численности в данный период входящего в Горно-Шорский район населения. Оно составляло 23000 человек, из которых 16000 – шорцев, 5000 – русских и 2000 – мордвы. В селе Кузедеево с двенадцатью окрестными сельсоветами преобладало русское население². Поэтому весьма логичным является проникновение заимствований в культуру автохтонного населения и возникновения у шорцев под иноэтничным влиянием новых элементов народного декоративного искусства. Особый интерес как образцы художественного наследия представляют женские украшения шорцев, отражающие изменения в их традиционной культуре, происходящие под влиянием соседей в новых социальных условиях, связанных с экономическим районированием региона и его заселением русскими.

В условиях современности подлинные памятники традиционной культуры преимущественно сохраняются в музейных собраниях страны – в коллекциях и фотоархивах. Уже в 1936 г. Л. П. Потапов, занимаясь

исследованием традиционной культуры шорцев, писал, что многое из наблюдаемого им в экспедиции 1927 г. к 1934 г. совершенно исчезло, а отдельные явления превратились в «крайние пережитки»³.

Изучение материалов музейных собраний страны, где сохранились уникальные проявления культуры шорцев, в настоящее время отличаются особой актуальностью. Одним из первых к исследованию памятников, сосредоточенных в музеях, обратился известный советский ученый С.В. Иванов⁴. Материалы по изобразительному искусству шорцев изучались им в музеях Томска (1934), Барнаула, Бийска, Горноалтайска и Новосибирска (1935). Ряд музеев юга Западной Сибири, в составе которых сосредоточены коллекции по шорцам, остались вне поля зрения исследователя.

В 1979 г. в связи с постановкой Министерством культуры РСФСР задачи паспортизации музейных коллекций, омскими учеными Н.А. Томиловым, В.Д. Славниным и др. проводится работа над каталогами, отражающими состав фондовых собраний музеев Сибири, в которых хранятся и этнографические материалы по традиционной культуре шорцев.

В 1993–1998 гг. в период повышения интереса автохтонных народов к своей традиционной культуре, по заказу департамента культуры администрации Кемеровской области Т.И. Кимеевой были проведены анализ, систематизация и литературно-этнографическая обработка коллекционных описей шорских предметов, предоставленных музеями России. Сводный каталог шорских этнографических коллекций в музеях страны обеспечивает их комплексное изучение, а также использование данных о памятниках народной культуры для их реконструкции и трансляции в условиях современности. Структура каталогов, предусматривающая включение данных о месте бытования и приобретения памятника, позволяет проследить культурные заимствования шорцев и русских, проживающих в одних населенных пунктах.

Следы заимствований четко прослеживаются в материалах шорских коллекций, собранных на территориях поселков со смешанным русско-

шорским населением – в улусе Томазак (Мыски), Чульжан (современный Новокузнецкий район) и др.

В комплекс традиционных женских украшений шорцев входили нашивные и съемные декоративные элементы. По типу закрепления на теле отмечаются: головные, шейно-нагрудные, поясные, украшения для рук и ног. По технике декорирования выделяются украшения с вышивкой нитями и раковинами каури по текстилю, низание бисера и бусин.

Устойчивой к заимствованиям является техника вышивки, основными художественными швами в которой у шорцев, как и других тюркоязычных народов, например, соседей-хакасов⁵, были тамбурный шов «созирткен» и шов «орбе», при котором нить тянется зигзагообразно пересекаясь в вершине каждого треугольника. Гладьевый шов «толдырып» у шорцев специфичен – это редкие гладьевые стежки, выполняемые двумя иглами: иглой с декоративной нитью ткань прокалывается с изнанки и нить правой рукой укладывается на намеченный контур орнамента, здесь декоративная нить прихватывается второй иглой, а затем перекладывается в обратном направлении вдоль первого гладьевого стежка и т.д.

Мотивы вышиваемого орнамента, также как и техника шва, не находят аналогий в русской культуре. Он состоит из геометрических фигур – прямоугольников, крестов, ромбов, преимущество среди которых отдается треугольникам, возможно, символизирующим родовую почитаемую гору. Так как именно декоративные элементы костюма заключают в себе семантику оберегов. Вышивка выполнялась на отдельных полосках ткани, особенное предпочтение отдавалось плису, на гладкой темной поверхности которого эффектно выделялись геометрические узоры. Затем вышитая полоска нашивалась на околыши старинных головных уборов «пюрюк», накладные воротники, полки и обшлага рукавов на халатах.

Мотивы вышитого орнамента не изменялись, а вот сами элементы костюма под влиянием моды и русской культуры исчезали. Так, головные уборы и одежда с вышитыми декоративными деталями, согласно материалам

музейных коллекций и фотоархивов, имели место в 1920-30-е гг. в горно-таежной местности, а в поселках со смешанным русско-шорским населением предпочтение отдавалось платку и платью, отражающим влияние «городской культуры», носителями которой были русские.

Не исключено, что отдельные декоративные элементы костюма приобретались у русских. Например, тканые пояса шорцев, хранящиеся в коллекциях Музея этнографии и природы Горной Шории и Музея «Археология, этнография и экология Сибири», своим орнаментом в виде ромбов с отростками и косой, горизонтально расположенной, елочкой повторяют орнамент поясов русского населения юга Западной Сибири. В том, что подобные пояса заимствованы или приобретены у русских, свидетельствует факт широкого бытования у шорцев поясов, сшитых в виде широкой полосы ткани и декорированных на лицевой стороне вышивкой или цветочными розетками из пуговиц, либо раковин каури.

Под влиянием русских соседей у шорцев происходят изменения в форме и способах изготовления ушных украшений «зерга». Материалы музейных коллекций свидетельствуют о появлении у шорцев в поселках со смешанным населением (Мыски, Чульжан) сережек, изготовленных в техникековки и инкрустации, находящихся прямые аналогии с серьгами «голубцы» и «двойчатки», бытовавшими у русских северо-запада России в XVII–XVIII вв.

Анализ музейных материалов позволил выделить в шорском костюме специфические украшения «для ног» – подвязки для закрепления верхней части голенищ сапог в виде плетеного вручную шнура с кисточками из нитей и кожи на концах. Голенище перевязывалось подвязками под коленом, а его верхний край отворачивался наружу так, что концы шнурков с кисточками спускались из-под него по боковым сторонам.

Исследование музейных коллекций позволяет выявить взаимодействие культур русских и шорцев, которое проходило достаточно активно в поселках со смешанным населением. Плодотворным является обращение к

культурологическому анализу, предполагающему комплексное изучение подлинных памятников, отражающих декоративное искусство народов Сибири с его способностями к изменениям, определение роли художественного наследия в социокультурном пространстве и также возможности его функционирования в условиях современности.

¹Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы. – Кемерово: Кузбассвуиздат. – С. 14.

²Кимеев В.М. Забытая страница истории шорцев // Земля Кузнецкая. –2011, 11 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mustagclub.ru/blog/zab_str_istworcev/. – Загл. с экрана.

³Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/PotapovShoriya.html>. – Загл. с экрана.

⁴Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с.

⁵Кидиекова И.К. Орнамент хакасов. – Абакан, 1996. – С. 64–70.

Н.К. Козлова

Омск, государственный педагогический университет

**ЦЕНТРЫ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ
ОБЛАСТИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ НАРОДНЫХ
ТРАДИЦИЙ**

N.K. Kozlova

Omsk, State Pedagogical University

**RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE CENTERS OF THE OMSK
REGION AND THEIR ROLE IN THE CONSERVATION AND STUDY OF
FOLK TRADITIONS**

Аннотация. В статье анализируется работа центров русской традиционной культуры Омской области по двум параметрам - степени профессионализма персонала и научно-исследовательской деятельности. Названы условия, при которых работу этих учреждений можно считать эффективной.

Ключевые слова. Центр, традиционная культура, народные традиции, эффективность работы.

Annotation. The article analyzes the work of the centers of Russian traditional culture of the Omsk region. Considered two parameters: the degree of professionalism of the staff and scientific and research center. Named the conditions under which the work of these institutions can be considered effective.

Keywords. Center, traditional culture, traditions, work efficiency.

«Решение этнокультурных проблем в условиях этнического многообразия России требует системного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных объединений и других субъектов этнокультурной деятельности, что

обуславливает необходимость применения программных методов», – сказано в «Концепции Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р.

В Омской области уже не первый год действует подобная программа – это создание в районах области сети Центров русской традиционной культуры (далее ЦРТК). У истоков этого начинания стояла В.Ю. Багринцева, возглавлявшая Отдел русской традиционной культуры Государственного центра народного творчества Омской области (далее ГЦНТ). Ею же был разработан «Модельный стандарт», регламентирующий работу центров и показывающий основные направления их деятельности. «Стандарт» адресован органам местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждениям культуры в качестве методических рекомендаций по формированию эффективной системы деятельности по сохранению и развитию традиционной культуры разных этнических групп, проживающих на территории Омской области. «Центр русской традиционной культуры, – сказано в нем, – является профильным клубным учреждением, специализированным образованием в сфере русской традиционной культуры, основной деятельностью которого является сохранение нематериального культурного наследия славянских групп населения, исследование, реконструкция и актуализация местных фольклорных и ремесленных традиций»¹.

За время существования центров судить об эффективности их деятельности и о том, насколько каждый из них приближен к эталонному «модельному стандарту», можно было в основном по отчетам, которые руководители ежегодно представляли в ГЦНТ. Однако за сухими цифрами, красивыми фразами, яркими фотографиями и рекламными проспектами реальное функционирование «специализированного образования в сфере русской традиционной культуры» увидеть сложно. Такая возможность

автору этих строк представилась в течение 2013 года в рамках объявленного Министерством культуры Омской области смотра-конкурса ЦРТК. В соответствии с Положением о смотре, целями конкурса было выявление лучших ЦРТК; привлечение внимания муниципальных органов власти и общественности к решению актуальных проблем сохранения и развития нематериального культурного наследия славянских групп населения Омской области; поддержка, развитие и совершенствование деятельности ЦРТК; стимулирование профессионально-творческой активности специалистов ЦРТК.

В силу своих, научного (доктор наук) и общественного (председатель Правления ООО «Центр славянских традиций»), статусов автор этих строк в качестве зам. председателя жюри конкурса вместе с членами комиссии с марта по октябрь 2013 г. побывала в 19 ЦРТК Омской области (Усть-Ишимском, Тевризском, Тарском, Седельниковском, Большеуковском, Знаменском, Муромцевском, Тюкалинском, Крутинском, Нижнеомском, Полтавском, Шербакульском (с. Кутузовка), Азовском, Калачинском, Любинском, Кормиловском, Марьяновском, Оконешниковском, Исилькульском).

Проделанная работа дала возможность проанализировать в целом работу этих учреждений культуры, воочию увидеть их плюсы и минусы и понять, насколько их деятельность можно считать эффективной.

В силу ограниченности размера публикации мы не можем представить результаты анализа в полном объеме, остановимся лишь на двух параметрах, качественно определяющих то, насколько созданные центры в силах справляться с возложенной на них задачей – «исследования, реконструкции и актуализации местных фольклорных и ремесленных традиций»¹: это – степень профессионализма сотрудников центра; организация его научной и исследовательской деятельности.

Степень профессионализма сотрудников - узловой и проблемный вопрос в организации работы центров. На период создания ЦРТК в области

не было специально подготовленных для этой работы специалистов. Поэтому до сих пор руководителями некоторых ЦРТК работают люди, не имеющие высшего образования (в лучшем случае - колледж культуры, библиотечный техникум, в худшем – образование среднее). Высшее же образование варьируется от гуманитарного (филологи, специалисты по социально-культурной деятельности, руководители народного хора или коллектива, юристы, историки и т.п.) до технического.

В настоящее время специалистов, которые могут профессионально руководить ЦРТК или работать в нем, готовит ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», в котором открыто направление подготовки бакалавров «Народная художественная культура» (профиль «Теория и история народной художественной культуры») и магистратура «Этнокультурное образование» по тому же направлению. Актуализируется этнонаправление и в системе профессиональной переподготовки. Так, в декабре 2013 года состоялся выпуск слушателей, освоивших двухгодичную дополнительную профессиональную образовательную программу переподготовки «Менеджмент в этнокультурных центрах» в Региональном инновационном центре (ныне на базе БОУ СПО «Омский областной колледж культуры и искусства»). В настоящее время свою программу переподготовки работников ЦТК области готовит и ОмГПУ.

Однако в этом вопросе еще много проблем. Приходится сталкиваться с тем, что руководителями некоторых центров (уже не говорю о самих работниках) остаются люди, которые не понимают и не хотят понимать специфику традиционной культуры и условий ее бытования в Сибири, считают возможным, подготавливая сценарии народных праздников, навязывать жителям своего района чуждые, никогда не бытовавшие здесь ритуалы и обрядовые тексты, отождествляют клубную самодеятельность с истинной народной культурой и т.п. Такие руководители, как правило, считают себя «самодостаточными» и «закрыты» для новой информации, для критических замечаний и консультаций специалистов.

Проблема и в том, что деятельность в этом вопросе областных министерств образования и культуры разобщены, отсутствует госзаказ вузам на подготовку подобных специалистов, властные структуры вообще не проявляют интереса к подготовке квалифицированных кадров в сфере этнокультуры, хотя сама работа в этнокультурной сфере поддерживается Министерством культуры, но видится в основном в культурно-досуговых формах.

Научная и исследовательская деятельность. В «Модельном стандарте», речь о котором шла выше, сделана серьезная заявка на то, что ЦРТК должен стать в каждом районе центром изучения и сохранения традиционной культуры региона. На деле же получается, что это направление деятельности либо совсем отсутствует, либо находится в зачаточном состоянии. Проведенный смотр-конкурс показал, что грамотных фольклористов и этнографов в центрах пока просто нет. Поэтому собирательская работа ведется на том уровне, каким они обладают. В лучшем случае центр имеет частично расшифрованные полевые записи, хранящиеся в папках безо всякой систематизации и без соблюдения (и знаний) правил архивного хранения, в худшем – нерасшифрованные, сваленные в одну кучу аудиокассеты или компьютерные файлы безо всякого дополнительного обозначения.

Работники центров не знают специфики фольклорных жанров, самой жанровой системы фольклора, специфики традиционной культуры в целом, не умеют вести опрос исполнителей. Не понимают, что расшифровывая записанные интервью, нужно фиксировать диалектные особенности речи, записывать биографические сведения своих собеседников, на основе которых можно проследить историю фольклорных текстов. Список с «не» можно продолжать и продолжать.

Во всех центрах до сих пор нет информации о том, кто и когда проводил фольклорно-этнографические исследования населенных пунктов района, какова степень полноты этих сведений, где хранятся материалы, есть ли соответствующие публикации. Кто-то так и считает себя

«первооткрывателем» в изучении народной культуры вверенной им территории. Объективности ради скажем, что лишь в Муромцевском, Тарском, Оконешниковском и Седельниковском районах есть положительные сдвиги в организации полевой исследовательской фольклорно-этнографической работы.

В целом работа комиссии позволила сделать следующие выводы:

1. В области сложились ЦРТК, в которых есть положительная динамика развития и которые при соответствующей кадровой базе имеют потенцию к тому, чтобы стать настоящим центром сохранения, исследования и введения в современную социокультурную практику народных традиций региона. К таковым мы бы отнесли Большеуковский, Тарский, Муромцевский, Знаменский, Оконешниковский, Исилькульский. Однако и в них до идеала еще очень далеко.

2. Для успешной реализации задач, поставленных перед ЦРТК необходимо, чтобы чиновники от культуры четко осознавали и понимали специфику деятельности ЦРТК и оказывали этим структурам необходимое содействие во всех направлениях их работы.

3. Чтобы ЦРТК эффективно работали, нужны квалифицированные кадры с высшим образованием по профилям, соответствующим деятельности центров. Нужна четкая договоренность Министерства культуры и Министерства образования области в выработке системы образования работников ЦТК в рамках повышения квалификации и переподготовки и подготовки квалифицированных кадров с высшим образованием.

4. Чтобы исправить уже сделанные ошибки и избежать новых, ГЦНТ, в частности отдел русской традиционной культуры «Сибирский культурный центр», должен работать в сотрудничестве с учеными существующих в Омске научных школ по фольклору и этнографии, приглашать научные кадры для консультирования работников центров и проведения экспертизы эффективности их работы. В настоящее время для этого уже создана хорошая база. Так, с октября 2013 г. в ФГБОУ ВПО «Омский государственный

педагогический университет» в числе стратегических проектов «Омский педуниверситет – региону» запущен проект «Сибирский региональный научный центр «Диалог культур в пространстве Сибири» (руководитель д.ф.н., проф. Н.К. Козлова).

Сохранение культуры этнических групп населения Прииртышья, в том числе русской традиционной культуры, – одно из условий сохранения здоровья нации. И работа в этом направлении – общее дело всего региона.

¹ Модельный стандарт деятельности центра русской традиционной культуры // Инновационные проекты в сфере традиционной народной культуры. Опыт Омского региона: информационно-методический сборник для работников культуры и образования / Сост. автор вст. статьи и ред. В.Ю. Багринцева. – Омск, 2010. – С. 39-52.

Е.А. Коляскина

Бийск, Алтайская государственная академия образования

им. В.М. Шукишина

**ВЛАСТЬ В СЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ У РУССКИХ АЛТАЯ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

E.A. Kolyaskina

Biysk, The Altai State Academy of Education

**AUTHORITY IN RURAL FAMILY AND SOCIETY AMONG RUSSISNS
IN ALTAI IN THE LATE NINETEENTH – EARLY XX CENTURY**

Аннотация. В статье рассмотрена проблема распределения полномочий между мужчинами и женщинами в сельской семье и обществе среди россиян на Алтае в конце XIX - начале XX века. Автор приходит к выводу о решающем значении стереотипа «контролирования мужских функций» и возможности его реализации женщиной. Смешанность этнокультурного состава населения в русских деревнях Алтая привела к некоторым изменениям в этом вопросе.

Ключевые слова. Семья, русские, Алтай, сельское общество, стереотипы поведения, распределение ролей.

Annotation. The problem of authority distribution between men and women in rural family and society among Russians in Altai in the late nineteenth - early twentieth century is discussed, including stereotypes, symbols, social practices. The author concludes, with such decisive significance of the stereotype “control is man`s function” the tradition leaves open the possibility of its implementation by a woman. Fairly mixed ethno-cultural population structure of Russian Altai villages led to some variability in this matter.

Keywords. Family, Russian, Altai, rural society, patterns of behavior, roles.

В основу исследования легли интервью, собранные автором в 2001-2013 гг. в девяти районах Алтайского края и прилегающих районах Республики Алтай и Восточно-Казахстанской области.

Главой семьи считался старший мужчина в доме: муж, свекор, старший брат – «большак». Роль хозяина маркировалась ритуалом разделения хлеба или другой пищи между членами семьи во время трапезы, он первый начинал трапезу. Дольше всего данный ритуал сохранялся в старообрядческих семьях.

Согласно фольклору, муж должен был «наставлять», «поить-кормить», «содержать» жену¹. Прерогативами главы семьи было распределение обязанностей между домочадцами, определение сроков сельскохозяйственных работ, наём работников или созыв помочей, хранение денег, осуществление больших покупок, продажа продукции, произведенной семьей. Обычно, в семьях старожилов, особенно староверов, если жена хотела что-то купить, обязательно спрашивала разрешения у мужа.

Традиционно считалось, что у русских Алтая, женщина могла возглавить семью в исключительных случаях: после смерти мужа, если не было взрослых сыновей. Об этом свидетельствуют как архивные источники², так и полевые материалы, при этом большая часть информантов отмечает, что, если бы мужчины были, они бы «командовали». О равноправии мужа и жены в семье упоминаний гораздо меньше, чем о главенстве мужчины, и встречены они в основном у переселенцев. Но существуют сведения о ведущей роли женщины в семье и при взрослых сыновьях, и при здравствовавшем муже. В таком случае, обычно, мужчины наделяются в дискурсе источника слабым характером.

Традиция не безоговорочно отводила женщине подчиненную роль. Она могла занимать главенствующую позицию в семье, хотя эталоном был мужчина-лидер. У старожилов Алтая существовал ритуал, конструирующий роль главы семьи: расстилали полотенце у алтаря, жених и невеста стремились ступить на него раньше другого, чтобы иметь «верх» в

семейной жизни. Тот же смысл вкладывали и в ряд других свадебных ритуалов. По мнению Т.Б. Щепанской, народная традиция наделяла женщину управленческими функциями в связи с ролью матери, поэтому во время свадьбы невеста совершала действия, направленные на обеспечение себе главенства³.

Статус женщины в большой семье во многом зависел от статуса ее мужа. Хозяйкой дома здесь считалась «большуха» – жена старшего по возрасту и положению мужчины: свекровь, старшая сноха. Существовало разделение властных полномочий между хозяином и хозяйкой дома, каждый из них управлял членами семьи своего пола в собственной сфере трудовой деятельности. Большуха могла хранить общесемейные деньги, распоряжаться продуктами питания, распределять работы между женщинами. Она должна была наблюдать за порядком в доме, обучать младших женщин кухонной работе. Нередко она была советчицей своего мужа в его хозяйственных делах, а временами и самостоятельно вела хозяйство. Большуха воспринималась как вполне самостоятельная руководительница дома и обладательница власти по отношению, в первую очередь, к остальным женщинам семьи. В семьях старожилов, особенно старообрядцев, прежде чем начать работу, каждая сноха должна была попросить благословения у свекрови.

Управление обществом, как и семьей, считалось мужской прерогативой, мужчина являлся полномочным представителем всей семьи. Сельский сход – «сборня» – на Алтае являлся собранием мужчин домохозяев, на котором женщины могли присутствовать лишь в виде исключения: в случае болезни или отсутствия их мужей, или когда они оставались опекунами своих детей⁴. И в этих ситуациях женщина должна была обращаться к сходу через родственников мужского пола – отца, брата, деверя. Ее участие допускалось только в случае, если таковых не было⁵.

Согласно полевым материалам, в социальных практиках все было не так однозначно. Кроме авторитетных мужчин встречались и весьма значимые

в сельском обществе женщины, которые участвовали в сходках и собирали их для решения важных общественных вопросов. Так в Залесовском районе в первой трети XX в. зажиточная вдова-старообрядка – Исачиха, к советам которой прислушивались мужчины – главы семейств, при решении важных вопросов жизни деревни. В то же время в речи информанта она описывается как персонаж исключительный, «неженский» - «своеобразная женщина».

Хотя, как правило, функции наставника в старообрядческой общине исполнял «достойнейший» мужчина, есть сведения и о наставничестве женщин у беспоповцев. В «1890-х гг. в деревне Кочегарке проживали две сестры-инокини Жуковы, которые заведовали всеми делами местного беглопоповства»⁶. Конечно, женщин-наставниц было не так много, но были еще авторитетные начетчицы, т.е. хорошо знающие религиозную литературу. Яркий пример тому – убинская начетчица – пожилая слепая девица Ксения Гладкова, которую с большим почетом возили по поморским селениям Томской епархии, приглашали и для участия в беседах с миссионерами⁷. Среди уймонских староверов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были четыре начетчицы: Казанцева Домна, Сивкова Екатерина, Соколова Анисья и Хомякова Наталья⁸. По мнению И.В. Куприяновой, при выборе наставницы предпочтение отдавалось пожилым женщинам, относительно свободным, так как их дети были взрослыми, но при этом физически крепким. В случае с начетчицами, вероятнее всего, не было жесткой привязки к возрасту и семейному положению⁹. Действительно, все та же Наталья Хомякова из с. Нижний-Уймон была начетчицей когда ей еще не было тридцати лет¹⁰. Что касается участия женщин в старообрядческих соборах в до 30-х гг. XX в., то из сел Алтая на всероссийские, всесибирские или региональные соборы женщины-наставницы не ездили, но могли присутствовать на местных, епархиальных¹¹.

Наставничество женщины в общинах староверов беспоповцев стало не редкостью в колхозный период, когда мужчины-старообрядцы частью были сосланы, частью разъехались, или, боясь репрессий, не решались принять это

звание¹². Вероятно, это было связано с тем, что женщины были наиболее приверженными вере, говорили: «Раскол бабами держится»¹³.

Противниками участия женщин в управлении обществом выступали прежде всего мужчины, которые считали женщин аполитичными, неспособными к самостоятельной деятельности. Женщина представлялась менее умной и более легковерной, чем мужчина. К тому же среди мужчин было больше грамотных. На Алтае были случаи, когда на выборах сельских советов крестьяне выступали против списков, в которых значились женщины¹⁴. Пропагандируемый в советское время образ раскрепощенной женщины начал приживаться лишь в 30-40-е гг. XX в.

Таким образом, отводимая традицией мужчине роль ведущего в семье и обществе была не безусловна, а к концу исследуемого периода усилились лидерские позиции женщины.

¹ Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: свадебная поэзия, похоронная причеть. Новосибирск, 2002. С. 354-357.

² ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 111. Л. 3; ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 275. Л. 32. 57.

³ Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления // Астартга: женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. СПб., 1999. Вып. 2. С. 126-158.

⁴ АРГО. Р. 62. Оп. 1. Д. 20. Л. 9А-11Б.

⁵ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв.) : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.07. М., 1973. С. 69.

⁶ Томские епархиальные ведомости. 1898. № 12. С. 4.

⁷ Томские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 6-7.

⁸ ГАРА. Ф.Р-117. Оп.1. Д. 107. Л. 1-14.

⁹ Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX - первая треть XX в.) : дис. ... доктора истор. наук : 07.00.02. (в работе).

¹⁰ ГАРА. Ф.Р-117. Оп.1. Д. 107. Л. 14.

¹¹ Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX - первая треть XX в.) : дис. ... доктора истор. наук : 07.00.02. (в работе)

¹² Куприянова И.В. Старообрядческие центры Алтая в первой трети XX в. // Преобразование Сибири: от реформ П.А. Столыпина до современности. Барнаул, 2012. С. 307.

¹³ Куприянова И.В. Старообрядческие общины в годы «великого перелома» // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 102.

¹⁴ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины... С. 92.

Я.А. Кулигина

Курган, государственный университет

**АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮЖНОЗАУРАЛЬСКИХ СЛОБОД XVIII – XIX ВЕКОВ**

Y.A. Kuligina

Kurgan, State University

**ANTHROPOLOGY FEATURE OF THE SOUTHERN ZAURALYE
SETTLEMENTS OF THE XVIII - XIX CENTURIES**

Аннотация. Интерес в антропонимике вызывают различные факты именования. Приводится антропонимическая характеристика населенных пунктов Южного Зауралья в конце XVII - середине XIX веков.

Ключевые слова. Антропонимическая характеристика, Южное Зауралье, слободы.

Annotation. Interest in anthroponomy cause different factors of naming. They and individual local source term component, create a complex system used in common parlance names. This process we consider in the development, affecting the end of the 17 - the middle of the 19th century. Thus, we give anthroponomical characteristic settlements of the southern Zauralye .

Keywords. Personal Names feature, Southern Zauralye, settlement.

Интерес к антропонимике вызывают вопросы, связанные с именованием детей и согласованностью имен с религиозными рекомендациями, распространением местного именного компонента, популярностью тех или иных имен в определенные временные рамки. Таким периодом для изучения в нашей работе явился конец XVII - середина XIX веков. Привлекая некоторые работы А.В. Суперанской ¹ как теоретическую

базу, мы выбираем наиболее важные факторы для последующего исследования.

1) Русские имена подвергались неоднократной смене и были достаточно разнообразны.

2) На любое изменение в именном составе влияло множество факторов, одним из самых мощных явился факт смены религии.

3) Также немаловажной чертой выбора имени были специфические верования, например, в злой умысел, с которым можно было назвать имя.

4) В целом, реформы и разнообразные нововведения меняют и отношение к именованию ребенка.²

Все перечисленные факторы отразились во взятых нами источниках: Переписных книгах Тобольского уезда Льва Поскочина и Василия Турского. Исследовав именной состав таких слобод, как: Слобода Царево Городищ,³ Крутихинская слобода,⁴ Утяцкая слобода над рекою Тоболом,⁵ Туринская слобода на реке Туре,⁶ мы выявили 600 имен и пришли к следующим выводам: в целом, развитие процесса наречения детей происходило в общем контексте с остальным пространством страны, не исключая местных особенностей, каковой была, к примеру, деятельность раскольников. Это четко отражается в материалах источников наличием таких имен, как Исаак и Иов. На именной состав населения также влияли и рекомендации церкви по наречению, так называемые святцы. Они имели немаловажную особенность. Некоторые имена в них встречались достаточно часто, особенно это заметно с мужскими именами, тогда же, как были дни, когда мы прослеживаем только одно женское имя. Это отражается в результатах переписи. Женский именной состав более однообразен и имеет большее число повторений.

Помимо имен есть еще один аспект, требующий к себе внимания, это возраст. Стремясь определить половозрастной состав населения, все имена из переписи были разбиты на группы, с интервалом в 20 лет. Оказалось, что точный возраст можно определить только у детей, а в последующих группах он условен, так как разница между родителями и детьми нередко превышает

40 лет, что, в общем, достаточно маловероятно. Еще одним немаловажным фактором, стала грамотность священников и переписчиков, записывающих имена, а также наличие разнообразных диалектов, которые могут несколько изменять именную картину. Потому что мы видим неоднократную смену букв в написании таких имен, как Авдогья – Овдогья, Парасковья – Прасковья, Ненила – Неонила, также это прослеживается и в переписи Туринской слободы, так как в ней отсутствуют женские имена, но при этом в других переписных документах мы их прослеживаем.

Важным фактором в переписях всех четырех слобод являются фамилии. Они на 95% принадлежат мужчинам (у женщин встречаются фамилии только при упоминании того, что она вдова). Чаще всего, фамилия показывает статус своего обладателя, либо переходит по наследству, либо дается за особый вид деятельности. Из всех перечисленных переписей это особенно характерно для переписи Туринской слободы на реке Туре, в которой присутствуют только мужские имена с фамилиями.

Что касается полового и возрастного состава населения южного Зауралья, можно сказать следующее: несмотря на то, что возраст определяется достаточно условно, мы получили такие результаты – людей до 20 лет было 56% от общего числа, до 40 лет – 23%, до 60 лет – 15%, 60 лет и старше – 6%. Половой состав определился почти точно (почти, так как в переписи Туринской слободы присутствуют только мужские имена): мужчин – 56%, женщин – 44%.

Переходя к следующему этапу, мы изменим разновидность используемых источников. Так как для первого временного периода мы не имеем большого разнообразия источников по антропонимике, то XVIII–XIX век дают нам шанс для выбора просматриваемых документов. В данной работе мы обратимся к духовным или исповедным росписям и ревизским сказкам.⁷ Выбор не случаен, так как помимо имен, непосредственно входящих в интерес антропонимики, мы рассматриваем половозрастной состав и, в некоторых случаях, даже семейные отношения.

Теперь непосредственно перейдем к определению избранных нами видов источников. Духовная (исповедная) роспись – особым образом построенный документ церковного учета населения. Ревизские сказки – документы именной переписи податного населения Российской Империи.

После анализа данных источников можно сделать следующие выводы.

1) Именной состав становится разнообразнее и гораздо сложнее. Например, появляются женские имена, редко употребляемые ранее на данной территории: Наталья, Степанида, Мелания, Вера, Ксения. В мужском именовании тоже происходят изменения, примером может стать тот факт, что чаще всего мы встречаем полную запись имени, фамилии и отчества. (Этот факт распространяется на всех мужчин за исключением детей).

2) Возрастной состав населения определяется более точно, но все же весьма условно. Например, в одной из граф таблицы присутствует фраза: «Лет на лицо», которую необходимо правильно истолковывать. На наш взгляд, это означает, что возраст определялся по внешним данным или со слов. Следовательно, мы не получаем достоверных сведений о реальном возрасте того или иного человека без привлечения дополнительных источников.

3) В этот раз, исследованию подверглось 110 имен, из которых 56 мужских и 54 женских. Имена мы также разделили на группы по 20 лет, получила такие результаты: «от 0 до 20» 47 имен, «от 20 до 40» 31 имя, «от 40 до 60» 7 имен и «от 60 до...» 5 имен.

Сравнительная таблица возрастного населения южнозауральских слобод:

Возрастная группа	17-18 века	18-19 века
0-20	56%	47%
20-40	23%	21%
40-60	15%	27%
60-...	6%	5%

В целом, рассматривая эту тему на местном источниковедческом материале, мы можем проследить закономерности усложнения именования, усовершенствование делопроизводства, что для нас очень важно. При этом мы почти не наблюдаем различия в возрастном составе, что в принципе является нормальным фактором для провинциальной местности. Мы все также прослеживаем наречение детей по святым, причем использовался уже более обширный список агнионимов. Таким образом, мы имеем сложную и закономерную систему перехода одних имен к другим.

¹Никонов В.А., Суперанская А.В. Антропонимика: // Энциклопедия Кругосвет [Электрон. ресурс.]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANTROPONIMIKA.html, свободный.

²Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. — Изд. 2-е, испр. и доп.— Л., Лениздат, 1991.

³Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 1059. Л. 505-512

⁴РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1526. Л.186-197

⁵РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.261. Л. 227-237

⁶РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.261. Л. 269-283

⁷ГАКО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1, 3; Ф. 8. Оп. 1. Д. 2; Ф. 75. Оп. 1. Д. 6; Ф.49. Оп. 1. Д.3; Ф. 201. Оп. 1. Д.3.

М.В. Кутузова

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ КАК ФАКТОР ЕЕ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ**

M. V. Kutuzova

Omsk, the state agrarian university of P.A.Stolypin

**DEMOGRAPHIC ASPECT OF A STANDARD OF LIVING OF THE
POPULATION OF THE SIBERIAN VILLAGE AS FACTOR ITS
SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

Аннотация. В статье проведен анализ ряда показателей, характеризующих демографическую ситуацию в сельских районах Омской области с 2005 года по 2012 год. Сегодня невозможно назвать демографическую ситуацию в сибирской деревне фактором, характеризующим устойчивое развитие сельских территорий региона.

Ключевые слова. Демографическая ситуация, Омская область, развитие села.

Annotation. In article the analysis of a number of the indicators characterizing a demographic situation in rural areas of the Omsk region from 2005 for 2012 is given. It is shown that today it is impossible to call a demographic situation of the Siberian village a factor characterizing a sustainable development of rural territories of the region.

Keywords. Demographics, Omsk region, rural development.

Сельские территории имеют стратегически важную роль в современном государстве рыночного типа. Сегодня село переживает кризис, проявляющийся в низком уровне жизни сельских жителей, снижении

качества жизни в сельской местности, нерациональном использовании природных ресурсов. В свою очередь, указанные социально-негативные явления тормозят социально-экономическое развитие главной производительной силы сельских регионов, блокируют формирование их устойчивого развития. Поэтому одним из важнейших критериев комплексной оценки регионального развития сельских территорий является показатель уровня жизни сельского населения. Особо значимо в сегодняшней ситуации для характеристики уровня жизни сельского населения значение демографических факторов. Демографическая ситуация на селе определяется влиянием трех основных факторов: рождаемостью, смертностью и миграцией. Рождаемость — процесс возобновления новых поколений, в основе которого лежат биологические факторы, влияющие на способность человека к воспроизведению потомства (зачатие, оплодотворение, вынашивание плода). Смертностью определяется не только численность популяции, но и средняя продолжительность жизни входящих в нее организмов. Чем выше смертность, тем меньше средняя продолжительность жизни, и наоборот. Так, в селах области за рассматриваемый период 2005—2012 гг. у обоих полов данный показатель статичен, среди мужского населения он равен в среднем 59,6 года, а среди женского — 71,6 лет (табл. № 1). Разрыв в показателях для полов остается весьма значительным — 12,0 лет.

Таблица 1. Показатели, характеризующие демографическую ситуацию на селе, Омская область, 2005-2012гг.¹

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Доля сельского населения в общей численности населения области, %	30,2	29,9	29,2	29,0	28,8	28,8	28,5	28,4
Среднегодовая численность сельского населения, тыс. чел.	605,8	591,7	583,2	575,9	572,0	567,2	562,0	558,9
Доля мужчин в общей численности сельского населения, %	47,9	47,9	47,9	47,9	47,8	47,8	47,9	47,9
Доля населения младше трудоспособного возраста в общей численности сельского населения, %	20,4	19,8	19,4	19,3	19,7	19,8	20,1	20,5

Доля лиц трудоспособного возраста в общей численности сельского населения, %	61,2	61,7	61,9	61,9	60,2	59,6	58,8	57,7
Доля населения старше трудоспособного возраста в общей численности сельского населения, %	18,5	18,5	18,7	18,8	20,1	20,6	21,2	21,8
в том числе мужчин	30,5	30,0	29,8	29,7	29,7	29,6	29,8	30,1
женщин	69,5	70,0	70,2	70,3	70,3	70,4	70,2	69,9
Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 чел. трудоспособного населения)	635	621	617	617	661	677	702	733
Коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	11,8	12,2	13,6	14,5	14,5	15,8	16,0	17,8
Суммарный коэффициент рождаемости	1,27	1,28	1,43	1,52	1,56	1,60	1,66	1,86
Коэффициент смертности (на 1000 человек населения)	17,1	16,6	16,8	16,5	15,7	15,8	15,3	15,6
Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся)	9,3	10,7	10,5	9,2	9,5	8,3	7,1	9,6
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	63,6	64,3	64,2	64,8	66,0	66,2	66,88	66,57
в том числе: мужчин	57,8	58,3	58,3	59,0	60,5	60,6	61,64	61,04
женщин	70,2	71,2	71,0	71,5	72,1	71,4	72,61	72,78
Индекс старения	99,9	102,4	104,6	104,7	107,7	111,6	112,8	112,3
Коэффициент миграционный прироста (убыли), %	-5,8	-3,3	-4,0	-1,8	0,0	-3,5	-6,4	-7,5
Коэффициент миграционный прироста (убыли) трудоспособного населения, %	-5,5	-3,4	-4,4	-2,3	-1,7	-7,5	-9,6	-10,7

Вообще, сегодня ситуация на селе Омской области отражает общие закономерности демографического развития России. Наблюдается долговременное сокращение численности сельского населения (доля сельского населения области за анализируемый период снизилась на 1,8%), превышение численности женщин (доля мужчин в общей численности сельского населения практически стабильно постоянна на протяжении всего анализируемого периода и составляет около 48%), рост заболеваемости, усиление гендерных диспропорций, старение населения, миграционная убыль. Одной из причин сокращения численности сельского населения области является отрицательное сальдо показателей рождаемости и смертности. Впервые естественная убыль населения сменилась его естественным приростом в 2011 году. Одним из факторов естественной убыли населения является низкая рождаемость, которая в 2005-2010 годах не

достигает уровня простого воспроизводства населения. В настоящее время общий коэффициент рождаемости на селе составляет 17,8 человека на 1000 жителей (суммарный коэффициент рождаемости - 1,86). Другим фактором, приводящим к естественной убыли населения, является высокая смертность населения (отметим, что за период 2005-2012 гг. наблюдается снижение общего коэффициента смертности сельского населения). Коэффициент смертности является одним из важнейших критериев, определяющим состояние здоровья сельского населения.

Таблица 2. Коэффициенты смертности сельского населения Омской области по основным классам причин смерти, 2005-2012гг.

(на 100 тыс. чел. населения)

Причины смерти	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.
Умершие от всех причин,	1642,1	1570,4	1571,3	1540,9	1458,8	1581,2	1533,8	1556,8
из них от:								
инфекционных и паразитных болезней	32,2	29,6	31,0	29,2	25,6	26,3	22,6	21,5
новообразований	186,2	172,3	177,7	169,1	175,2	167,1	173,7	171,2
болезней системы кровообращения	946,6	917,5	904,5	897,8	876,7	950,9	931,9	958,1
болезней органов дыхания	100,3	83,7	81,2	86,7	64,0	80,9	77,8	70,0
болезней органов пищеварения	42,9	43,1	45,0	42,5	38,9	47,6	49,5	43,1
болезней мочеполовой системы	8,9	5,1	5,8	6,1	4,5	4,6	7,5	7,2
несчастных случаев, травм и отравлений	245,7	230,5	236,6	225,8	195,3	190,8	165,7	187,0

Среди причин смертности сельского населения более 60% приходится на смертность от болезней системы кровообращения (одним из основных факторов высокой смертности по данному классу является углеводистый тип питания сельского населения) (табл. № 2). Существенным демографическим показателем является младенческая смертность (чем больше удельный вес младенческой смертности, тем выше, при прочих равных условиях, общий показатель смертности)². Значение данного показателя составило в 2012 г. - 9,6 на 1000 родившихся живыми, общая тенденция младенческой смертности характеризуется устойчивым постоянством.

Таблица 3. Коэффициенты младенческой смертности сельского населения Омской области по основным классам причин смерти, 2005-2012 гг.

(на 10 тыс. родившихся)

Причины смерти	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.
Умершие в возрасте до 1 года от всех причин,	93,2	106,7	104,6	91,6	94,8	83,0	71,2	95,8
из них от:								
инфекционных и паразитных болезней	8,0	7,9	16,8	13,6	7,8	4,5	8,9	8,2
болезней органов дыхания	2,7	7,9	2,4	3,4	0,0	3,4	0,0	1,0
болезней органов пищеварения	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0	0,0
врожденных аномалий	18,6	23,7	27,7	19,2	27,9	21,3	13,4	17,3
отдельных состояний, возникающих в перинатальный период	50,6	50,0	49,3	39,6	48,0	41,5	30,1	51,0
несчастных случаев, травм и отравлений	8,1	9,2	4,8	5,7	3,3	2,2	1,1	4,1

Младенческая смертность также служит важным индикатором состояния здоровья населения и степени развития системы здравоохранения. Наглядно отражает степень получения своевременных медицинских услуг на селе коэффициент младенческой смертности по основным классам причин - в среднем более 50% младенческой смертности обусловлено отдельными состояниями, возникающими в перинатальный период.

Согласно классификации ООН, население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%³. Численность сельского населения области старше трудоспособного возраста имеет тенденцию к увеличению на протяжении всего анализируемого периода (в то время как доля населения в трудоспособном возрасте сокращается), в 2012 г. доля данной категории населения составляет более 21% (из них около 70% - женщины). Одной из мер старения сельского населения является индекс старения (число лиц пожилого возраста на 100 детей). За 2005-2012 гг. значение данного показателя стабильно росло. Учитывая гендерный дисбаланс, можно предсказать, что в будущем особого внимания потребуют проблемы пожилых (и зачастую одиноких) сельских женщин. В сельской местности области на 1000 человек в трудоспособном возрасте приходится

733 человека младше и старше трудоспособного возраста (за анализируемый период данный показатель увеличился в 1,2 раза). Такая демографическая нагрузка существенно влияет на структуру доходов и расходов сельского населения. Поскольку старение населения протекает эволюционно, его последствия проявляются постепенно и предсказуемо. А значит, они могут и должны своевременно учитываться. Однако в Концепции демографической политики РФ до 2025 года⁴ вопросы старения сельского населения должным образом не отражены. Следующим по значимости фактором, определяющим демографическую ситуацию в сельской местности, является миграция. Процесс за анализируемый период принял массовый характер (в 2012 г. значение коэффициента миграции составляет 7,5‰, что на 1,7‰ больше по сравнению с 2005 г.), имеет серьезные негативные демографические последствия, ведет к снижению уровня жизни населения. Особую тревогу вызывает и увеличившееся число мигрирующих сельчан в трудоспособном возрасте (коэффициент миграции данной категории населения увеличился почти в 2 раза), что ведет к росту безработицы на селе, деформирует структуры занятости.

На основании результатов проведенного исследования можно сформулировать следующий вывод, характеризующий противоречивые тенденции демографической ситуации на селе в Омской области с позиции устойчивости социально-экономического развития сельских территорий: несмотря на положительную динамику в 2011-2012 гг. ряда показателей (коэффициентов рождаемости и смертности), значение большинства показателей на протяжении всего анализируемого периода не обеспечивает необходимый уровень для формирования основ устойчивого развития сельских территорий. Причины этого состояния лежат как в экономической, так и в социальной плоскостях, и дальнейшее поступательное развитие сельских территорий региона возможно только в направлении улучшения уровня и качества жизни сельского населения.

¹ Таблицы составлены по: Демографический ежегодник: Стат. сборник/ Омскстат.- Омск, 2005.- 101 с.; Демографический ежегодник: Стат. сборник/ Омскстат. - Омск, 2007.- 91 с.; Демографический ежегодник: Стат. сборник/ Омскстат. - Омск, 2009.- 95 с.; Демографический ежегодник: Стат. сборник/ Омскстат. - Омск, 2011.- 95 с.; Демографический ежегодник: Стат. сборник/ Омскстат. – Омск, 2013. – 100 с.

² Борисов А.В. Демография // М.: Изд. дом NOTABENE, 1999, 2001. – 272с.

³ Сафарова Г. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005, № 3

⁴ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 "Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года".

Ф.Ф. Марганова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**ЛЕКСЕМА «КОЛ» В НАЗВАНИЯХ СИБИРСКО-ТАТАРСКИХ
ДЕРЕВЕНЬ**

F.F. Marganova

*Omsk, Branch of the Institute of Archeology and ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**THE LEXEME “QUL” IN NAMES OF THE SIBERIAN TATAR’S
SETTLEMENTS**

Аннотация. В названиях деревень часто можно увидеть татарское слово «кул», которое имеет несколько значений. Одно из них имеет смысл «раб», но необходимо корректировать использование слова. Автор считает такие варианты, как «раб Аллаха», «воин», «и мат» более правильными. Необходимо исследовать историю населенных пунктов сибирских татар и далее.

Ключевые слова. Сибирские татары, деревни, использование лексем.

Annotation. In names of the villages, you can often see the Tatarword “qul” which have several meanings. One of them seems like “a slave”, but is it correctly to use exactly this meaning. The author thinks that those version like: “the slave of Allah”, “warrior”, “and mate” are more correctly. As well as it is necessary to research the history of settlements of Siberian Tatar.

Keywords. Siberian Tatars, villages, the use of tokens.

Хочется начать эту тему с вопроса, поставленного Л.Н. Гумилевым: «Адекватно ли мы переводим слово “qul” как раб, хотя оно несомненно отражает определённую зависимость?»¹. В Сибири имеется несколько населенных пунктов, имеющих в своем названии данное слово. В Вагайском

районе Тюменской области есть татарское село Куларовское, бывшие юрты Куларовские, имевшие неофициальное название «Коллар» либо Шаңшы-Коллар; село Куларово (бывшая Ямская или Казачья Слобода)². Кроме того, в этом же районе, недалеко от Вагая, есть русская деревня Накуларово, но неофициальное ее название «Курал», что к лексеме «кол» не имеет никакого отношения. Но есть еще и татарская деревня Уфа, с неофициальным названием «Ува-Коллар». Также, в Тобольском районе были юрты Меримовские, которые неофициально назывались «Нурбага-Коллар». В Тевризском районе Омской области существуют населенные пункты Кипо-Кулары, Большие Кулары и Малые Кулары (прекратили свое существование в 50-х годах прошлого века). Много своих работ татарским географическим названиям посвятила Х.Ч. Алишина. Она не обошла вниманием и названия населенных пунктов с наличием лексемы «qul». В своей работе Х.Ч. Алишина, ссылаясь на рассказы ряда местных жителей Тобольского района, говорит о переводе слова «qul» как «раб». «Народные предания повествуют, что в незапамятные времена предки жителей юрт Куларовских были насильно переселены в Сибирь. Существовало ли рабство в Сибири?». Далее по тексту ссылка на Указ Б. Годунова о признании права рабовладения для татарской знати. Описываются события XVIII века – война с джунгарами в 1756-1758 гг., массовое бегство кулов из казахских степей за Иртыш³, автор также приводит рассказ информатора А.М. Урамаева о том, что «существовал закон, имеющих большие недоимки превращали в рабов, чтобы не уменьшать список ясачных. Кто становился рабом, тех с земель Кашлыка отправляли подальше на тяжелые работы. Так, в Вагайском районе в 1600-е годы появилась д. Коллар».³

Не соглашусь с данным утверждением, несмотря на мнение уважаемых информаторов, по нескольким причинам. В древнетюркском языке «qul», помимо значения «раб, слуга», имело также значение «раб Аллаха, товарищ, спутник, хлебопашец, воин, работник, помощник, представитель и другие». Х.Ч. Алишина связывает народное предание о происхождении названия юрт

Шамшинских с миссионером ислама по имени Шамша, и предполагает, что Шамши основана в период исламизации Сибири. Данные юрты находятся как раз напротив, через реку Иртыш, от Шаңшы-Коллар. И название юрт Куларовских непосредственно связано с историей юрт Шамшинских. Деревня Уфа (Ува-Коллар) являлась летней деревней (Йэйлек) юрт Куларовских, но об этом факте не помнит и не знает ни один из старейших жителей упомянутых мест. Происхождение данного села связывают только с образованием сельхозартелей в 30-е годы XX столетия и наводнением 1940 года. Мне удалось установить документом, найденным в Тобольском архиве, что данная деревня являлась летними юртами и произошла, скорее всего, одновременно с появлением юрт Куларовских либо чуть позднее. Так, в данном документе указано, что «...по потоплению водой переехали из зимней в летние юрты, лежащие при вершине речки Урашной».⁴

Известно, что Кучум развернул большую работу по распространению среди тюркоязычного населения мусульманского вероучения. Для этого он трижды приглашал священнослужителей из Бухары и Ургенча, из которых многие сеиды и шейхи отдали свою жизнь внедрению ислама среди сибирских татар. Именно с тех давних пор места захоронения видных шейхов в деревнях Тоболо-Иртышского региона считаются для местного населения священными и называются «астана». Навряд ли в юртах, где проживали шейхи и там же были похоронены, было местом отбывания наказания «рабов». Так, в юртах Куларовских есть астана, где похоронен шейх Юсуф.

Юрты Миримовские являлись одним из «чисто» бухарских селений Тобольского округа, вторым бухарским поселением были юрты Комаровские, и, кроме того, бухарцы проживали еще в 60 селениях Тобольского уезда вместе с инородцами.⁵ В селе Меримовском тоже есть могила-астана Юл-Мухамеда, (идущий или указывающий дорогу пророка Мухамеда), история поселения связана с родом купцов-бухарцев Тушаковых⁶.

О третьем поселении известно тоже из работ Г. Миллера о татарском городке Коллар, который входил во владения хана Кучума, что это была надежно укрепленная крепость от набегов калмыков⁷. Существуют разные точки зрения о происхождении названия Кипо-Кулары. По одной из версий деревня получила имя по речке, и обозначает «много притоков (рук) у реки». По другой версии деревня основана святыми шейхами из Средней Азии, которые распространяли ислам среди местных татар и угров. И «куп кулар» можно перевести, как «много божьих рабов». Кроме того, под Кипо-Куларами также имеется астана, на котором похоронены два шейха - Хужагуль и Гульбизрек. Навряд ли эти населенные пункты связаны с именем «рабов». Миссионерство, торговля, защита и даже война – это удел свободных людей. Поэтому, считаю, что, скорее всего, в основе данных топонимов лежит слово «qul», означающее либо помощников, представителей, либо воинов, но никак не «рабов». Тем более, что связующим звеном этих поселений с лексемой «qul» является наличие там кладбища-астаны, где похоронены святые шейхи. Это мое личное мнение. Но действительно, этническая история сибирских татар не может считаться полностью изученной, пока не будет исследована история формирования их поселений.

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М: «Клышников-Комаров и К*», 1993. - С. 55.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. - Т. I. – М: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1999. - С. 234, 255.

³ Алишина Х.Ч. Ономастикон Сибирских татар, (на материале Тюменской области). Ч. I. – Тюмень: изд-во ТГУ, 1999. - С. 96.

⁴ ГУТО ГАТ Ф. И 329 оп.13 д.328 (Дело по прошению поверенного ясачного Бакиева о запрещении крестьянам Куларовской Слободы косить сено на их землях (31.08.1808 гг.).

⁵ Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. - С. 50.

⁶ Тушаков Р.Т. Великий дух неба-Тэнгри (Тэгэлэ) и Всевышний Аллах в жизни Сибирских татар (сибирлар): Материалы V Сибирского Симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск, 2002. - С. 492-493.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. - Т. I. – М: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1999. - С. 234, 255.

Й. Мардоса

Вильнюс, Литовский эдукологический университет

ЕВРЕЙСКИЕ СЕЛА В ЛИТВЕ (1-4 десятилетия XX века)

J. Mardosa

Vilnius, Lithuanian University edukologichesky

JEWISH VILLAGES IN LITHUANIA (1ST-4TH DECADE OF THE 20TH CENTURY)

Аннотация. Евреи были городскими жителями Литвы с начала XIV века. На основе полевых исследований было установлено, что существовало пять деревень XIX века, большинство обитателей которых состояло из евреев. В статье рассматриваются особенности истории и образа жизни обитателей деревни Дягнес в окрестностях Валькининкай в Восточной Литве. Уход за психическими больными, которые жили в домах каждого жителя, стал основным занятием еврейских жителей Дягнес в первой половине XX века. Характерной чертой жизни евреев этого периода являлось сочетание ремесла и торговли с сельским хозяйством, что отличало их от жителей других деревень Литвы.

Ключевые слова. Еврейские села, Литва, ремесло, торговля, сельское хозяйство, уход за больными.

Annotation. The Jews were the city dwellers in Lithuania since the beginning of living in the 14th century. However, on the basis of the field studies, it was established that there were five villages since 19th century, the majority of the dwellers of which consisted of the Jews. The article examines the features of the history and the lifestyle of the dwellers of Degsnès Village in the environs of Valkininkai in East Lithuania. The care for the mental patients, who lived practically at each dweller's home, became a specific occupation of the Jewish dwellers of Degsnès Village in the first half of the XX century. However, the usual

trait of the life of the villages of the Jews was the harmonization of the crafts and trade with agriculture, what excluded them from the whole of the villages of Lithuania.

Keywords. Jewish village, Lithuania, craft, trade, agriculture, nursing.

Начало истории евреев Литвы уходит в XIV век, когда первые переселенцы поселились в городах и с тех времен они являлись городскими жителями. Такое положение для евреев не было исключением в контексте Европы, где также в средние века им было предоставлено городское пространство, чтобы могли использовать накопленный опыт в области ремесла, финансов и торговли¹. Долгое время евреи проживали в крупнейших городах Великого княжества Литовского и только в XVIII веке переселились в мелкие городки, евреями называемыми *штетлами* (*штетлами* называли городки, значительную часть жителей которых составляли евреи). В них евреи могли заниматься торговлей, мелкими ремеслами и быть посредниками между селом и городом. Однако в некоторых уездах Литвы (например, Укмяргском) в конце XVIII века 46% евреев проживали в селах, что было связано с арендой корчмы².

После окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 г. и включения Литвы в Российскую империю евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством, а в 1804 г. был издан устав о выселении евреев в течение трех лет из сел в города³. Литва и другие западные территории Империи попали в зону «оседлости», и царская политика была направлена на концентрацию евреев в городах. В 1823 г. закон о выселении евреев из сел был повторен. Поэтому во второй половине XIX века в некоторых городках 80-90% жителей составляли евреи, среди которых в конце XIX века лишь один процент работал в сельском хозяйстве⁴. Не случайно перепись населения Литвы 1923 г. показала, что в торговле было занято 31,9% евреев, в промышленности - 22 %, а на транспорте - лишь 3% евреев⁵.

С другой стороны, и проживающие в городках евреи были землевладельцами, однако они сами не работали: земли и участки арендовали или сдавали сельским жителям, а за мелким скотом ухаживали наемные рабочие. Таким образом, хотя евреи и имели возможность заняться сельским хозяйством, но в этой области они не проявили активности. Несмотря на это, когда в 20-30-е годы XX века появилась возможность поехать на историческую Родину и заняться земледелием, евреи начали изучать непривычную для них форму деятельности⁶.

В течение веков динамика количества и пространственное распределение евреев менялось. Однако, если исторические данные характеризуют евреев как городских жителей, то проведенное нами в конце XX века исследование в городках «Евреи в исторической памяти литовцев» (собранный материал охватил около 80 городков из 200) выявило пять случаев, когда до 1941 года практически все усадьбы сел занимали евреи. В основном такие деревни находились на восточных территориях современной Литвы, где преобладали уличные деревни, расположение усадеб в которых было близко к улицам городков. Например, у границы с Беларусью, в окрестностях городка Адутишкис, село Стаетишкис образовалось после восстания 1863 г., когда 30 еврейских семей получили по 11 га земли⁷. В 1918-1919 гг. село состоялось из 39 семей, среди которых было 9 католиков, 2 православных и 28 еврейских семей, всего насчитывалось 179 человек. Кроме этой деревни в Рокишском районе находилось село Нечюнишкес, в Шальчининском районе – Лайбишкес, с преобладанием еврейского населения. В деревнях находились синагоги, школы, проживали торговцы, мелкие ремесленники, но основу составляли землевладельцы, которые и сами обрабатывали землю и сдавали в аренду, поэтому образ жизни был близок к жизни *штетлов*.

Рассматривая еврейские села в первой половине XX века, подробнее остановимся на приходе Валькининкай (Варенский район), в котором кроме городка евреи проживали в двух селах - Лепонеляй и Новоселки. Первая

еврейская семья в Валькининкае известна с 1601 г.⁸, откуда они переселились в села. Основоположником первого еврейского села в окрестностях Валькининкай был Иосель, который в 1742 г. поселился в Лепоняй. Живущие в данном селе евреи рядом образовали продолжение деревни, которая приобрела название Лепонеляй. В 1938 г. в селе имелись 24 еврейские усадьбы⁹. Жители соорудили деревянную синагогу, действовал хедер. Историк урбанистики А. Мишкинис по архивным данным установил, что в Валькининкай в 1811 г. количество евреев резко сократилось и, по мнению автора, часть евреев поселилась в трех километрах от городка в созданном ими земледельческом селе Новоселки (от слова - новоселы)¹⁰. По другим данным начало села связано с 1844 г., когда 17 еврейских семьей попросили власти выделить им пашню. В 1848 г. заявки были удовлетворены, каждая семья дополнительно получила премию в размере 50 рублей, и с тех пор начался отсчет времени в истории данного села. В дальнейшем деревня выросла, и всего из 33 семей (200 человек) лишь одна семья в XX веке была литовская¹¹. Разумеется, в течение веков количество населения в еврейских селах Валькининкайского прихода постоянно менялось. Перед немецкой оккупацией в 1941 г. евреи в обоих селах проживали в 63 усадьбах и насчитывали 405 человек¹².

Наиболее интересным является история села Новоселки, некоторые страницы которой помогает раскрыть полевой материал. В селе евреи оседали в одноэтажных домах и лишь один богатый житель Троцкий в 20-е годы имел два больших дома, в одном из них - двухэтажном (дом недавно снесен) приютил душевно больных – примерно 50 человек (по некоторым данным их было 70-80). Уход за больными был доходным: от властей за содержание получали деньги, но больные жили в неудовлетворительных условиях. Несмотря на усилия Троцкого смягчить обстановку, жалобы родственников больных подействовали, и они были распределены по жителям, а общее их количество выросло до 200. Поэтому для части жителей до советизации в 1940 г. уход за больными стал основным источником

доходов. Однако работа была сложная, состояние некоторых больных было тяжелым, а требования к уходу выдвигались высокие. Каждую неделю приезжали комиссии, которые проверяли уровень содержания больных и штрафовали за плохой уход. Несмотря на появление нового способа деятельности, часть жителей сочетали уход за больными с традиционным занятием мелкой торговлей, тряпичным делом, производством муки. Культивировали и сельское хозяйство, был даже крупный хозяин Скарка с сыновьями, который владел 20 га земли. Однако сами евреи хозяйствовали слабо, им помогали в основном бедные жители села Пучкорнес. Таким образом, за исключением ухода за больными, в целом по содержанию жизнь людей в Новоселках приближалась к другим еврейским поселениям.

В Новоселках, как и в других уличных деревнях, жилые дома в усадьбах были размещены концом в сторону улицы. Внутренняя планировка домов не отличалась от жилых помещений литовцев, многие дома имели земляной пол, сохранились остатки ручных мельниц. Представляют интерес только часть домов, которые до настоящих дней сохранили открытые веранды для входа покупателей. Примечательно, что такой тип домов не свойствен даже коммерческим сооружениям в городках. Свообразием выделялось внутреннее убранство домов. Перегородки в жилых помещениях некоторых домов не доходят до потолка, что принято в литовских жилых помещениях. Респонденты рассказывают об уютных комнатах. В центре светлицы размещались стол и стулья, евреи любили комоды, кровати были с множеством маленьких подушек и обязательно находились свечи меноры.

Когда изучаем историю евреев прихода Валькининкай, находим название села Дягнес. Таким названием еврейское село Новоселки стали именовать после II Мировой войны. С этим названием тесно связана судьба соседней деревни Пучкорнес. В окрестностях Валькининкай в 1551 г. был учрежден и сто лет действовал пушечный двор, и от этого позднее село получило название Пучкорнес¹³. В 1941 г. 4 июня от неисправной трубы возник пожар, и деревня сгорела. Жители деревни хорошо были знакомы с

евреями села Новоселки, многие пахали их землю, работали наемными работниками, помогали в домашнем хозяйстве. Поэтому евреи предложили жилье в Новоселках оставшимся без крова людям, и от этого в дальнейшем утвердилось новое название села Дягнес (от слова *дяти* – гореть). Респонденты вспоминают, что иногда после возвращения из полей сгоревшего села людей на столе ждал подготовленный ужин. В начале гитлеровской оккупации евреи были выселены, и переселенцы стали хозяевами. В дальнейшем некоторые вернулись в свои сгоревшие усадьбы, другие остались в Дягнес и выкупили у властей усадьбы. Часть домов разобрали и перевезли в райцентр, которым некоторое время являлся Валькининкай, а также в рядом находящиеся села. Исторический путь евреев Валькининкайского прихода закончился 27.09.1941 г., когда в 20 километрах от городка Ейшишкес они были расстреляны, всего 1109 человек¹⁴.

В заключение следует отметить, что хотя еврейские села образовались как земледельческие, характерной чертой деятельности евреев в рассмотренных селах Литвы в первой половине XX века было сочетание ремесла и торговли с пассивным занятием сельским хозяйством. Однако данное положение не является свидетельством отрицательного отношения евреев к земледелию, а отражает историческими факторами обусловленную тенденцию. В силу экстремальной ситуации в селе Новоселки (Дягнес) образовалась специфическая форма занятия, и уход за больными стал дополнительным средством дохода. Несмотря на данное исключение, еврейские села выделялись из общей картины литовской деревни особенностями образа жизни и занимали промежуточное между селом и городками (*итетлом*) место.

¹ Atamukas S. Lietuvos žydų kelias: nuo XIV amžiaus iki XXI a. pradžios. Vilnius, 2007. P. 21.

² Jučas M. Žydų kahalai Lietuvoje XVIII a. // Vilniaus Gaonos ir žydų kultūros keliai. Tarptautinės mokslinės konferencijos medžiaga. Vilnius, 1999. P. 302.

³ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. XIX a. Vilnius, 1996. P. 318. .

⁴ Atamukas S. Lietuvos žydų kelias. P. 44-46; 56-57.

⁵ Lietuvių enciklopedija. T. 35, Bostonas, 1966. P. 291-292.

- ⁶ Bendikaitė E. Dvi ideologijos – vien judėjimas // Lietuvos žydai. Kaunas, 2003. P. 56-57.
- ⁷ Kac B., Trimonienė R., Balčiūnienė V. Adučiškio žydai // Adučiškio kraštas. Vilnius, 2003. P. 344-345.
- ⁸ Miškinis A. Valkininkai // Lietuvos TSR urbanistikos paminklai (2). Vilnius, 1979. P. 63.
- ⁹ Bieliauskas P. Valkininkų bažnyčia ir vienuolynas. Vilnius, 2004. P. 43.
- ¹⁰ Miškinis A. Valkininkai // Lietuvos TSR urbanistikos paminklai (2). P. 85. Miškinis A. Valkininkai // Rytų Lietuvos miestai ir miesteliai P. 252.
- ¹¹ <http://www.lzia.lt/zydukaimas.php> [02.12.2013]
- ¹² Bieliauskas P. Valkininkų bažnyčia ir vienuolynas. P. 43.
- ¹³ Žilėnas V. Šaunamųjų ginklų kalykla Valkininkuose // Iš lietuvių kultūros istorijos. T. I. Vilnius, 1958. P. 229;233.
- ¹⁴ Masinės žudynės Lietuvoje. Dokumentų rinkinys. I dalis. Vilnius, 1965. P. 136. The Holocaust in Lithuania. 1941-1945. A book of Remembrance. Rose Lerer Cohen&Volume II a. Jerusalem-New York. 2000. P. 127-154.

И.В. Межевкин

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

**ОБ ОТНОШЕНИИ К УМЕРШИМ НЕЕСТЕСТВЕННОЙ СМЕРТЬЮ
В СРЕДНЕМ ПРИРТЫШЬЕ**

I. V. Mezhevikin

Omsk, Siberian branch of the Russian institute for cultural research

**ON THE ATTITUDE TO UNNATURAL DEAD
IN THE MIDDLE PRIIRTYSH`E**

Аннотация. Статья посвящена отношению русских, живущих в сельской местности, к умершим неестественной смертью. Эта тема поделена на четыре основных вопроса: эмоциональное отношение к таким покойникам; способ их захоронения; способы ритуальной защиты от их негативного воздействия; а также поминальные обряды, которые связаны с такими умершими. Исследование основано на полевых материалах, собранных в Среднем Прииртышье в 1994–2012 гг.

Ключевые слова: погребально-поминальная обрядность, русские, заложные покойники, Среднее Прииртышье.

Annotation. The article is devoted to the attitude of the rural russian people to the dead an unnatural way. This theme is departed to four main items: feelings about that dead; method of their burial; means of the ritual protection against their negative impact; and memorial rites which are associated to the such dead. The research is based on the field materials gathered in the Middle Priirtysh`e in 1994–2012.

Keywords: funeral and memorial rites, russian, zalozhnye dead, Middle Priirtysh`e.

Термин «заложные покойники» ввёл в научный оборот Д. К. Зеленин. В своей книге «Очерки русской мифологии» он писал: «Это – люди, умершие

прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственной смертью»¹. В то же время следует понимать, что само слово «заложные» не являлось общеупотребительным на территории России, а способ погребения без захоронения уже в начале XX в. среди русских был явлением исключительным. Сам Д. К. Зеленин, говоря о «заложных», т.е. тех, кого «не закапывают, а оставляют на земле прикрыв сучьями», отмечает: «В настоящее время население деревень заботит не способ погребения заложных покойников, а только место их захоронения»².

В данном исследовании будет рассмотрено отношение к умершим неестественной смертью (прежде всего самоубийцам и утопленникам) в Среднем Прииртышье на материалах экспедиций 1994–2012 гг., работавших в различных населённых пунктах Омской области. Основными вопросами, возникшими в ходе исследования, являются следующие: 1) как люди вербализуют своё отношение к умершим неестественной смертью; 2) есть ли различия в способе захоронения «заложных»; 3) каким образом предохраняются от вреда, который может нанести покойник; 4) как поминают умерших неестественной смертью. Рассмотрим данные вопросы последовательно.

1) Умерших в результате несчастного случая или убийства, как правило, жалеют. Если причина смерти внешняя, не зависящая напрямую от действий человека, то его не осуждают. Более негативно отношение к самоубийцам. Впрочем, и в нём нет строгой определённости. Жители с. Низового Муромцевского района видят причины суицида по-разному. Ольга Дмитриевна Назарова винит во всём мужскую склонность к алкоголю: «Пьют, пьют, а потом и залазят в петлю. Да всё мужчины. <...> Родителей, чьи дети совершили самоубийство, осуждают только если, например, они знали, что их сын пьян, но всё же отпустили его на речку»³. В то же время существуют и более мистические объяснения. Агафья Степановна Розанова говорит следующее: «есть какая-то сила, которая в петлю толкает <...>

видимых изменений в жизни парня не произошло – он ходил на работу, не пил. Однажды пришёл домой, дома никого не было, он взял и удавился. Поэтому это нельзя объяснить иначе, как существованием какой-то неведомой силы»⁴.

2) К настоящему времени разницы в способе погребения зачастую нет и в отношении самых устойчивых в общественном сознании групп «заложных» – утопленников и самоубийц. Так Надежда Сергеевна Лазарева из с. Низового Муромцевского района утверждает: «Утопленников и самоубийц хоронили вместе с обычными покойниками»⁵. С другой стороны в отдельных локусах сохраняется представление о том, что такое отсутствие разницы в погребении неправильно. Анатолий Иванович Зуев из с. Максимовка Шербакульского района сказал следующее: «Утопленников, висельников хоронят точно так же, их хоронят в углу [кладбища]. Старые люди говорят, что нельзя их так же»⁶. Раиса Терентьевна Юхлат из с. Низового Муромцевского района описывает ещё более строгое и традиционное отношение к самоубийцам: «Утопленников, самострелов, удавленников хоронили за оградой, рядом с кладбищем. <...> Утопленникам в день захоронения выливали 20 вёдер [воды] сразу. Ещё 20 вёдер выливали на следующее утро, в 10 часов»⁷. Именно на этом обливании хотелось бы остановиться подробнее.

3) Широко известна вера в то, что от покойников зависит плодородие. Л. Н. Виноградова писала о том, что родственница покойного при выносе гроба бросала ему вслед зерно, чтобы он не лишал хлеба оставшихся в живых, а в поминальные дни рассыпали зерно на могилах⁸. А. К. Байбурин пишет: «Для того чтобы еще рождались дети, место захоронения поливают, обсыпают зерном (ср. так называемое кормление могилы)»⁹. Наконец, Д. К. Зеленин пишет о том, что могилы «заложных» обливаются во время засухи водой¹⁰.

Обычай обливания могил сохраняется в отдельных локусах по сей день. Так в д. Чинянино Муромцевского района в 1999 г. был записан обряд

«Прощение дождя у Бога»¹¹. Обряд описан следующим образом: шесть женщин с пустыми вёдрами и иконками Тихоновской Божьей матери двинулись вокруг деревни, при этом пелась молитва: «Пресвятая Мать Богородица, спаси, сохрани и помилуй нас». Затем они совершили второй круг с полными вёдрами, зачерпнув воду из р. Тары, с той же молитвой. Когда круг был совершён, женщины направились на кладбище, где вылили воду сперва на могилу девушки-утопленницы, затем на могилу юноши-утопленника (причём носили её до 40 вёдер), а после договорились о том, чтобы вылить ещё 40 вёдер на третью могилу на следующий день. Объяснение же такого поведения было таким: «сегодня [10 июля] старинный праздник Тихоновской Божьей матери. В этот день не купаются, в него тонут. Те, на кого лём, они ведь в такой день утонули <...> напиться должны те, кто утонули недавно <...> так было заведено ещё стариками».

Другая мера, предостерегающая от хождения покойника, применялась ещё на этапе перемещения гроба на кладбище. Иван Яковлевич Какулин из с. Максимовка Шербакульского района рассказал, что по дороге на кладбище за гробом бросают цветы¹². Упомянутая выше Н. С. Лазарева излагает следующее: «Чтобы не ходил покойник, надо материть <...> наговаривают на мак и рассыпают вокруг дома в углы – чтобы чертям долго было считать»¹³. Надо отметить, что представления о том, что мак рассыпанный на могиле, по пути траурной процессии или возле дома заставляет покойника считать каждое зёрнышко, носят давний характер и неоднократно описаны в научной литературе¹⁴. Уроженка с. Бергамак Муромцевского района Александра Степановна Битехтина говорила так: «Цветочки кидают, если летом. На дорогу, чтоб по цветам шёл, перед машиной раскидывают»¹⁵. Валерий Александрович Осинцев из с. Максимовка описывает процессию следующим образом: «Обычно перед покойником бросают цветы, рис, лепестки роз»¹⁶. Как и мак, зерно, цветы, еловые лапы носят функцию преграды для покойника, хотя, как видно из материалов, не все информаторы вкладывают в описываемые действия этот смысл.

4) Поминовение «заложных» также достаточно подробно описано в научной литературе¹⁷. В современном материале по Среднему Прииртышью сведения о каком-то особенном поминовении умерших неестественной смертью встречаются нечасто. Тем не менее, осознание того, что в Троицу и Семик поминают не всех покойников, в отдельных беседах фиксируется. Дарья Васильевна Власова из с. Большой Атлас Черлакского района сообщила: «На Троицу как... которые по другому умерли: утопленники, разные такие – другой день. Отдельно от всех хоронятся. Ну, а там отделенное для таких. Вешальники, самоубийцы»¹⁸. На Семик как день поминовения «заложных» указывает И. Я. Какулин: «Самоубийц хоронили так же, но в церкви не отпевали. Для утопших, удавших, отравленных в городских церквях устраивался Семик (перед Троицей). В этот день, один раз в год их отпевали»¹⁹. Следует отметить также, что на русальной (Троицкой) неделе из берёзы – излюбленного дерева русалок²⁰ плетут венки и несут их на кладбище, например, в с. Бергамак. Никакой прямой ассоциации у жителей села между русалками и берёзовыми венками нет, тем не менее, традиция бытует именно на русальной неделе, а в Бергамаке благодаря опасному течению Тары в этом месте широко распространены рассказы про русалок²¹.

Немного особняком стоят сведения о погребении детей. В настоящее время их похороны мало чем отличаются от похорон взрослых (за исключением размеров надгробных сооружений и убранства могил), но всё же встречаются отдельные материалы об уникальном отношении к умершим детям. Так, в д. Окунево Муромцевского района записано свидетельство, согласно которому «остался обычай хоронить выкидышей в подполе», а не нести их на кладбище²². А Ефросинья Васильевна Чекмарёва из д. Дурново Муромцевского района сообщает: «Ребёнка хоронили без особых поминок. Если ребёнок был некрещёный и безымянный, то его хоронили без отпевания. Если он был крещёный – то отпевали»²³.

Подводя итоги работы, необходимо отметить следующие моменты: во-первых, отношение к умершим неестественной смертью претерпело

значительные изменения в течение XX в.; во-вторых, к настоящему времени почти не сохранились не только представления о необходимости дополнительных мер при похоронах «заложных», но и установки относительно мест их погребения; в-третьих, в отдельных локусах сохраняются элементы традиционных методов защиты от покойника; наконец, в-четвёртых, представления об отдельном поминовении «заложных» слабо сохраняются, зачастую приобретая характер самостоятельного обычая.

¹Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 39.

²Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. – С. 352, 354.

³МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. VII. Л. 114.

⁴МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. VII. Л. 115

⁵МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. VII. Л. 137.

⁶МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. № 7, Л. 8.

⁷МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. IV. Л. 66.

⁸Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М.: Наука, 1982. С. 165.

⁹Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 41.

¹⁰Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 110, 113.

¹¹МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. VI. Л. 139–140.

¹²МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. № 7, Л. 7.

¹³МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 112-1. П. VII. Л. 136.

¹⁴Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 53–54, 323; Переговский. О народном обычном уголовном праве на Вольни // Вольнские губернские ведомости. 1879. № 25. С. 4; Судник Т. М., Цивьян Т. В. Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica) // Балто-славянские исследования 1980. М.: Наука, 1981. С. 305–306; и др.

¹⁵МЭЭ ОмГУ 2010. П.о. № 3. Л. 7.

¹⁶МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. № 7, Л. 5 Об.

¹⁷Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 40–42, 57, 94, 127, 129–130, 133–138, 140, 234–236, 241–242, 244, 289, 291, 295; Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. С. 279–282; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 86–89, 378–382; и др.

¹⁸МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 18-3. П. VI. Л. 64

¹⁹МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. № 7, Л. 7 Об.

²⁰Зимина Т. А. Троицкая (семицкая) березка [Электронный ресурс] // Российский этнографический музей: [сайт]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4178.htm> (дата обращения 14.12.2013).

²¹МЭЭ ОмГУ 2010. П.о. 3. Л. 3, 5 Об.; Бермак – село на берегу реки (рассказы сельчан о родном селе) [Электронный ресурс] URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1338> (дата обращения 14.12.2013).

²²МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 92-3. П. VI. Л. 123.

²³МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 93-2. П. V. Л. 55.

И.С. Менщиков

Курган, государственный университет

**ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У РУССКИХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ**

I.S. Menshchikov

Kurgan, State University

**DEVIOUS BEHAVIOR OF THE RUSSIAN IN WEST SIBERIA AT EARLY
THE XX CENTURY: TRADITIONAL CULTURE CRISIS
MANIFESTATION**

Аннотация. В начале XX века в Сибири наблюдается кризис традиционной русской культуры. Проявлением этого стало появление недевиантного поведения в сибирских деревнях. Традиционные институты были не в состоянии сопротивляться этому.

Ключевые слова. Девиантное поведение, русские, традиционная культура, кризис.

Annotation. At early the XX century in Siberia is observed crisis of the traditional Russian culture. The manifestation of this phenomenon was the emergence of the devious behavior in Siberian countryside. Traditional institutions were incapable to resist that.

Keywords. Deviant behavior, Russian, traditional culture, the crisis.

Термин «девиантное поведение» пришел из социологии и стал широко применяться в педагогике, психологии, криминологии и ряде других дисциплин. В последние десятилетия феноменом девиации заинтересовались и отечественные историки. Под девиантным поведением понимается обычно система действий и поступков, отклоняющихся от общепринятых норм¹.

Здесь необходимо сделать акцент именно на слове «система», которое позволяет отличить отдельные случаи нарушения норм от регулярных. Девиация предполагает наличие нормы. Поведение русских крестьян регулировали разные виды социальных норм. Первичным и основным регулятором выступали нормы моральные, закреплённые в коллективном сознании. В качестве осуждения могли выступать дурная слава, отказ от общения, негативные или унижающие прозвища, оскорбительные слова или действия. В тех случаях, когда обиженная сторона не жаловалась в суд, действовали правила моральных норм, чаще всего в форме общественного осуждения.

К началу XX века в России, в том числе и в Западной Сибири многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начинали изживать себя, они не поспевали за динамизмом нового времени. В Сибири наиболее ярко указанные процессы стали заметны в начале XX века и тесно связаны с проведением Сибирской железной дороги и интенсивным ростом городов по её ходу. Вытеснение традиционных форм поведения, ослабление роли общины и её контрольных функций привело к появлению и развитию норм, значительно отличающихся от ранее принятых. Такое отклоняющееся, девиантное поведение проявилось прежде всего в гипертрофированном пьянстве и тесно связанным с ним хулиганстве. Последнее явление было не знакомо русской деревне, да и городу тоже. Многие авторы начала XX века отмечали, что изменения некоторых обрядов превращает свадьбы, именины, похороны в безличное пьянство, которое эти обряды заменяет². К этой дезориентации прибавились и действия правительства, которое для поправки бюджета ввело казённую винную монополию. Тем самым, пьянство если и не насаждалось, то, во всяком случае, поощрялось государством.

С наступлением XX в источниках все чаще отмечается появление и распространение пьянства, не связанного с праздниками. Оно приобрело весьма широкий размах и вышло за пределы традиционного праздничного гулянья. Одновременно возникло и развилось новое явление в зауральской

деревне - хулиганство, бороться с ними призывают и представители клерикального лагеря, и сторонники либерализма. «Многим казалось, - пишет один из авторов "Оренбургских епархиальных ведомостей", - что это случайное явление. Оно даже отрицалось... Теперь оно растёт и ширится... Много зла есть в деревне. Есть зло старое, от веков нажитое... Пили, били и крали - раньше. Хулиганство означает совершенно новое явление, оно выражается в малообъяснимом, беспричинном озорстве... Хулиганство в деревне - несомненно зло, разъедающее совершенно общинный уклад». Далее автор статьи проводит прямую связь между ростом пьянства в деревне и хулиганства. Он отмечает, что следствием пьянства стал рост насилия, драки, кражи у своих родителей денег и вещей детьми³. Священник С. Кротков, отмечает, что к пьянству дети приучаются о детства. Пить не только не является предосудительным, «но и возводится как бы в религиозную обязанность... Опыянение окружено каким-то ореолом удали и молодечества». Особо следует остановиться на той фразе автора в которой, он говорит, что пьянство возводится не в ранг религиозной нормы. С. Кротков приводит следующие данные по количеству проданного вина в Тобольской губернии: в 1902 году было продано вина и водки на 3 млн. руб., в 1903 - на 7 млн. руб., 1905 - на 9 млн. руб., а в 1906 - на 10 млн. руб.⁴

В Екатеринбургской епархии наблюдаются сходные явления. В «Епархиальных ведомостях», к примеру, сообщается, что здесь теперь нет такого прихода, который не испытал бы на себе гнёт хулиганов: «разгул, бесшабашные частушки, поножовщина, битьё стёкол в домах, драки... Полиция одна бороться с хулиганством не в силах». Отмечено усиление пьянства в Бродокалмакском и Верхтеченском приходах, пьют в будни, и в праздники. Пьют даже дети. В школе до 70% учеников пробовали водку⁵.

Разгул хулиганства бросался в глаза даже на Масленице, когда принято было проказничать и озорничать. После литургии в прощённый день, где бывало до крайности мало народа, начиналась дикая езда пьяных крестьян с пением, бранью, гиканьем, даже четырнадцатилетние мальчики озорничают,

привязываются к катающимся детям. «У тебя дети больны, один уж и помер, а ты варишь пиво с приятелями», - завершает свою письменную проповедь священник А. Соколов. Ничуть не лучше вели себя гости и на свадьбе. По приезде в церковь некоторые поезжане уже на ногах не стоят, в церкви шумят, громко критикуют жениха и ругают невесту неприличными словами⁶.

Особенно был известен своей антиалкогольной деятельностью священник села Байдарского о. Николай Булдыгин. В своём приходе он нещадно боролся с этим пороком, распространённым и среди клира. Он сделал выговор церковному старосте и уволил псаломщика за нарушение обета трезвости⁷. Вообще, следует отметить, что в 1910-1914 гг. редкий номер «Епархиальных ведомостей» сибирских и уральских епархий не уделял внимания проблеме пьянства и хулиганства.

В прогрессивной «Народной газете» даётся рассмотрение проблемы изнутри, с точки зрения самих крестьян, которые в последнее время «пьют с горя и с радости, пьют по малейшему поводу и без всякого повода, пьянство приняло хронический характер, в том числе и в Сибири». По мнению самих крестьян, такое положение сложилось потому, что это у них «единственное времяпрепровождение... ведь большинство безграмотны»⁸.

К проблеме пьянства и хулиганства привлекал внимание и такой серьёзный политический журнал, как «Сибирские вопросы». В указанном журнале также пытались выявить причины странных общественных явлений «от которых сибирская деревня стоном стонет». Отмечается, что драки под пьяную руку были и раньше, но всегда имели «под собой какую-то подкладку. Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее все черты хулиганства. Вошло, можно сказать, в обычай, что после каждого праздника часть деревенских обывателей недосчитывается либо стекол, либо зубов». Причина этого кроется в том, что досуг крестьян, особенно молодых, ничем не занят: «Водки, в самом деле, разводится все больше, а жизнь всё голоднее, скучнее... Крестьяне смутно сознают чего им не хватает»⁹.

Итак, все указанные авторы как клерикального, так и либерального направления считают главными причинами сложившегося положения отсутствие новых и утрата старых культурных традиций и авторитетов, непросвещённость зауральской деревни, незнание крестьян, чем занять свой досуг. Отмечается также падение авторитета старых и проверенных временем институтов - семьи и общины. Исходя из этого и предлагались методы лечения социального недуга: расширение грамотности среди сельского населения, привлечение молодёжи к новым формам досуга, открытие библиотек, создание сети обществ народной трезвости. Например, в селе Мендерском по инициативе местной сельскохозяйственной маслодельческой артели было предложено закрыть винную лавку. Однако сельский сход не поддержал такое предложение. Тогда артельная лавка выделила 15 рублей на приобретение и распространение литературы о вреде пьянства¹⁰.

В начале XX века, когда стали разрушаться привычные институты (община, большая семья) стали происходить и изменения в традиционной культуре. Общество искало новые формы проведения досуга и не всегда находило позитивные пути. Закрытый мир деревни сталкивался с открытым миром индустриальной культуры и не всегда мог дать адекватный ответ, постепенно сдавая свои позиции. В 1917 году разрушение системы традиционной культуры русских резко ускорилось и, по сути дела, стало необратимым.

¹ Зверев В.А. Дети - отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861 – 1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 187

² Касьянова Кс. О русском национальном характере. М., 1994. С.155

³ Оренбургские епархиальные ведомости (ОЕВ). 1913. № 4.

⁴ Шадринский листок. 1910. №24.

⁵ Екатеринбургские епархиальные ведомости 1912. № 42

⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1908. №2; 1912. № 3.

⁷ Там же. 1910. № 4.

⁸ Народная газета. 1914. № 7.

⁹ Сибирские хулиганы// Сибирские вопросы. 1911. № 20-21, С.61-65.

¹⁰ Народная газета. 1914. № 9.

Д.А. Мягков

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЗАБОЙ СКОТА КАК ЭЛЕМЕНТ ЖИВОТНОВОДСТВА

БАРАБИНСКИХ ТАТАР*

D.A. Myagkov

Omsk, branch of Institute of archaeology and ethnography of Siberian branch of

Russian Academy of sciences

A SLAUGHTER OF CATTLE AS AN ELEMENT OF ANIMAL

HUSBANDRY OF BARABA TATARS*

Аннотация. В статье описана технология забоя скота у барабинских татар. Особое внимание уделяется нормам поведения в процессе забоя. Выявлены особенности ритуального забоя овец.

Ключевые слова. Забой скота, животноводство, барабинские татары.

Annotation. The article describes the technology of slaughtering of Baraba Tatars. Particular attention is paid to the norms of behavior in the slaughtering process. The features of the ritual slaughter of sheep are revealed.

Keywords. Slaughter, livestock, Baraba Tatars.

Традиционная структура хозяйства барабинских татар характеризовалась примерно равным значением присваивающих и производящих отраслей. В их ряду по своему значению выделяется животноводство, поскольку именно этот вид хозяйственной деятельности составлял основу системы жизнеобеспечения барабинских татар на всех этапах их этнической истории. Так, согласно наиболее ранним письменным

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-01-00187 «История еды и питания в XX в.: «национальные», этнические и локальные идентичности (на материалах татар Западной Сибири)».*

этнографическим источникам, в XVIII в. барабинские татары разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец, причем преобладающей отраслью было коневодство, а разведением овец занимались немногие¹. Если с течением времени значение отдельных отраслей хозяйства снижалось (рыболовство, охота), а значение других повышалось (земледелие), то роль животноводства была стабильно высока. Т.е. при исторической модификации структуры хозяйства барабинцев, животноводство всегда, в том числе сегодня, составляет ее базовый компонент. Этим определяется особый исследовательский интерес к изучению данной отрасли хозяйства.

Предметом настоящего исследования был выбран один из элементов животноводства барабинских татар – забой скота, который по ряду причин вызывает повышенный интерес ученых-этнографов. Во-первых, забой скота представляет собой этап хозяйственной деятельности, на котором формируются основные средства, обеспечивающие физическое существование человека (мясо как базовый продукт питания). Во-вторых, забой скота является одним из звеньев, непосредственно связывающих такие компоненты системы жизнеобеспечения населения как хозяйственный комплекс и система питания, представляет переход от продуктов экономической деятельности к источникам питания. В-третьих, многие элементы процедуры забоя скота имеют сакральное содержание, что также свидетельствует об особом значении данного явления.

Источником исследования послужили материалы, собранные автором в ходе экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2003-2007 гг. Полевыми исследованиями были охвачены места компактного проживания барабинских татар в Новосибирской области.

Возраст животных, предназначенных для забоя, определялся оптимальным соотношением количественного выхода мяса и его вкусовых свойств. Наиболее предпочтительным считалось мясо молодых животных, отличавшееся вкусом и нежностью. Овечек обычно резали в возрасте 6–8 месяцев, крупный рогатый скот – в 1,5–2 года, лошадей – в 2,5–3 года.

Массовый забой скота (*согым*) производился в середине ноября – начале декабря, после того как устанавливались снежный покров и морозная погода. Традиция предписывала резать скот на чистом месте, запрещая производить забой в деннике или в местах, где проходят люди. Для проведения забоя наиболее предпочтительным считалось место, где гуще трава (летом) и где больше снега (зимой). Сохранилось поверие, что если человек наступит на землю, где пролилась кровь животного, то он заболеет². Обычно для забоя мелкого скота и птицы отводилось специальное место во дворе, а забой крупного скота осуществлялся на огороде.

Количество мужчин, занятых в процессе забоя, определялось видом и количеством скота. Обычно для забоя одного барана было достаточно усилий одного человека, в то время как в забое лошади или коровы должны были принимать участие как минимум три человека. Закол могли производить только мужчины; во время него было запрещено присутствовать женщинам.

Производить забой разрешалось только до захода солнца. На подготовительном этапе животному путали ноги (если это лошадь или корова), в определенном положении валили на землю и веревкой связывали вместе все четыре ноги. Животное укладывалось на землю на левый бок таким образом, чтобы его голова была направлена в сторону Мекки, т. е. на юго-запад (*кимля*) (по другой версии – в сторону захода солнца, т. е. на запад).

Если резали барана, то для фиксации его тела забойщик прижимал голову животного к своей ноге. При забое крупного рогатого скота и лошадей тело животного в неподвижном состоянии удерживали помощники. Так, когда резали корову, один помощник руками держал голову животного за ноздри (*томшоок*) или за рога (*могусь*), а второй либо наваливался всем телом на животное сзади, либо прижимал брюхо животного к земле концом палки, вставая на второй ее конец ногами. При забое лошади один помощник также удерживал голову животного, а второй натягивал веревку, конец которой был привязан к узлам, связывающим ноги животного, таким образом лишая животное возможности двигаться.

Шея барана находилась над предварительно вырытой в земле ямкой глубиной около 15 см. Читая молитву “бесмиллярахманрахим” и придерживая голову барана, забойщик одним движением резал животному горло ножом (*пчак*). Животное удерживалось в исходном положении несколько минут, пока кровь (*кан*) стекала в яму. При забое барана под шею животного для стекания крови могли подставлять жестяной таз, не вырывая специальной ямы: собранную кровь отдавали собакам, остатки зарывали в землю в нехоженном месте. После того, как стекла кровь, горло (*томак*) убитого животного промывалось чистой водой, и начинался процесс разделки туши.

Животное укладывалось на спину и подпиралось березовыми чурками. Забойщик резал кожу вокруг коленных суставов (*пуэн*) задних конечностей (*аркэояк*), затем по внутренней стороне этих конечностей разрезал кожу от коленного сустава до брюха животного и руками отдирает от конечностей шкуру (*тапе/тире*). После этого аналогичные действия производились в отношении передних конечностей (*алгаояк*). Части передних и задних конечностей, лежавшие ниже коленного сустава, отрезались по суставу ножом (копыта – *тояк*). Дальнейшая разделка туш лошадей и коров продолжалась на земле, а тушу баранов для этой цели подвешивали: через задние конечности животного продевали палку, к ней привязывали веревку, которую натягивали на перекладину навеса.

В направлении сверху вниз и от брюшной части к спинной от туш большим пальцем руки и кулаком отделялась шкура, причем, по мере надобности, в целях облегчения работы применялся нож. Отрезался половой орган. После отделения от туши шкура расстилалась, и туши лошадей и коров продолжали лежать на ней в процессе разделки. От подвешенной туши барана отрезалась голова (*баиш*), а шкура после снятия отбрасывалась. Когда шкура была снята, под тушу подставлялся металлический таз (*ляган*). В брюшной части туши разрезалась жировая пленка (жир – *май*), и кишки (*эчау*) проваливались в таз. Из туши вынималось осердие: сердце (*йорек/юряк*) и легкие (*упка*); из сердца удалялся несъедобный клапан.

Подставлялся второй таз, в который укладывались поочередно отрезанные мясо (*ит*) и внутренние органы: печень (*бавыр/навыр*), почки (*буер/буурташ*). Удалялись желчный пузырь (*ут*), мочевой пузырь (*ковык*), селезенка (*талак*), *биис*, которые не использовались в пищу и выбрасывались собакам. От подвешенной туши ножом отрезались лопатки (*колак*), грудинка (*тэш/туш*), ребра (*кабырга*), шея (*моен/муен*), позвоночник (*биль*), хвост (*койрук/курык*), разделялся крупный отдел (*янбаи*), бедра (*сон*).

Специфика забоя лошадей состояла в том, что после потрошения в процесс разделки включались женщины, которые занимались очисткой кишечника забитого животного, в то время как мужчины производили разделку его мяса и других внутренних органов. Другим отличием забоя лошади являлось применение в процессе разделки туши животного топора, которым отделяли ребра и конечности от позвоночника и членили их на части³.

Некоторые особенности имел *ритуальный забой барана*, который производился на праздник Курбан-байрам, во время обряда вызывания дождя и в критические моменты жизни людей для сохранения их жизни и здоровья. Животное, предназначенное для ритуального забоя, выступало жертвой Богу, поэтому к нему предъявлялись особые требования: баран должен был быть здоровым и желательно молодым (в возрасте до года). Забой животного после чтения молитвы совершал мулла или пожилой уважаемый человек. Особенностью разделки туши животного во время ритуального забоя был запрет использовать какие-либо орудия (ножи, топоры): все кости отделялись вручную строго по суставам, ломать и рубить их было нельзя. После окончания разделки все кости собирались вместе и закапывались, либо в мешке погружались на дно озера или реки; было строго запрещено выбрасывать кости или отдавать их собаке. Шкура забитого барана отдавалась мулле. Из мяса приготавливали угощение для гостей, остаток его раздавался бедным, нуждающимся односельчанам. По словам Х.З. Абдрахманова из аула Омь, себе хозяин мог оставить до одной трети мяса забитого животного⁴.

¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. С. 114; Катанов Н. Ф. Известия Лоренца Ланге. 1716 г. о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск, 1905. С. 4; Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. С. 148.

² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 185-1. Л. 42.

³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 185-1. Л. 27–29, 39–40.

⁴ ПМА, д. Новокурупкаевка Барабинского района Новосибирской области, д. Ауль-Оль Куйбышевского района Новосибирской области, 2007.

Ю.С. Новикова

Омск, государственный университет имени Ф.М. Достоевского

**КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРАИНЦЕВ ОМСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)***

Y.S. Novikova

Omsk, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy

**LIFE-SUPPORT CULTURE OF OMSK IRTYSH UKRAINIANS (BASED
ON FIELD MATERIALS)***

Аннотация. Статья посвящена процессу адаптации сибирских украинцев в важных компонентах культуры: пище, жилище, народной медицине, хозяйстве. Основным источником работы являются полевые этнографические материалы, собранные в 1990-2013, похозяйственные книги Шербакульского и Одесского районов Омской области.

Ключевые слова. Украинцы, Омский регион, пища, жилище, народная медицина, хозяйство, процессы адаптации.

Annotation. Article is devoted to the adaptation process of Siberian Ukrainians important components of culture: food, housing, traditional medicine, subsistence economy. The main source of work are field ethnographic materials collected in 1990-2013, household books of Sherbakulsky and Odessky districts of Omsk region.

Keywords. Ukrainians, Omsk region, food, housing, traditional medicine, agriculture, adaptation processes.

В ходе проведенных полевых исследований были обследованы места компактного проживания потомков украинских переселенцев конца XIX –

*Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

начала XX веков на территории Омского Прииртышья. Основное внимание было сосредоточено на украинском населении, проживающем в настоящее время на территории Полтавского, Одесского и Шербакульского районов Омской области. Ареал полевых работ был очерчен, исходя из особенностей расселения украинцев, – все эти районы характеризуются чересполосной системой проживания украинцев и других народов (русских, немцев, казахов). Это, на наш взгляд, позволит более четко выявить адаптационные механизмы культуры жизнеобеспечения, с тем, чтобы понять в каких ее сферах обнаруживаются заимствования и какие факторы влияют на этнокультурные процессы.

Основным источником работы стали материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее обозначаемые нами как МЭЭ), собранные в 1990-2013 годах и дополненные данными похозяйственных книг и опубликованных источников.

Из общих черт, встречающихся также и у украинского населения Сибири и Алтая, отметим бытование двух основных типов жилищ – землянок и саманных домов. Данная ситуация была обусловлена как природно-географическими условиями юга Омской области, так и проводимой государственной политикой.

Информанты отмечают, что вплоть до 1960-х годов строго регламентировался размер усадеб и количество используемого материала. Нередкими были случаи отсутствия / дефицита строительного леса¹. Поэтому переселенцам приходилось на первых порах копировать типичные для данной местности конструкции – земляные дома с каркасной конструкцией из дерна: «Рыли яму на метр: вроде как высокая изнутри, а окна прямо на земле». Стены землянок возводились из дерновых кирпичей, промазанных глиной и снаружи, и изнутри. Сверху стены накрывались двускатной крышей, также промазанной глиной и прикрытой сверху осотом или камышом². Важным элементом жилища была русская печь,

используемая для отопления дома и приготовления пищи. Украинцы - жители южных районов Омской области отмечают, что под влиянием природно-географических условий заимствовали у казахского населения обычай «топить кизяком»³.

Изменения в строительных приемах, по воспоминаниям наших информантов, происходят в период освоения целины: «Сначала рыли землянки, первые дома были построены для целинников, а потом стали давать всем остальным». В 1950-60-е годы разворачивается строительство саманных домов. В источниках сохранилось большое количество детальных описаний технологии их строительства, в нескольких из них упоминается о сохранении традиции «помочей» при строительстве⁴. В рамках экспедиций была проведена фотофиксация остатков данных жилищ.

Помимо жилищ этнографические материалы дают возможность охарактеризовать систему питания и хозяйственные занятия украинцев Омского Прииртышья. Основу хозяйства украинцев составляли традиционные животноводство и растениеводство. Широкое распространение у украинцев получило молочное животноводство. Молоко служило сырьем для приготовления масла, творога (сира), сметаны. Большой популярностью пользовалась свинина⁵.

Поскольку сибирская земля объединила переселенцев сразу из нескольких губерний, то крестьяне выращивали и рожь, и пшеницу, и гречиху, а также просо, ячмень, овес. Большую роль в системе питания играл и продолжает играть картофель, который высаживался в больших количествах⁶.

В описаниях пищи – повседневной и праздничной – упоминается как о приготовлении традиционных борщей, пампушек, вареников, так и приводятся рецепты киселей (молочных, овсяных), холодца (ряд информантов вспомнили, что холодец делали из свиной головы с языком), нескольких видов сала, свекольного кваса и самогона (на картофеле, свекле, редко – на пшенице).

Отметим, что в наименовании некоторых блюд прослеживается стремление зафиксировать этногрупповые различия. Так, украинские переселенцы с. Лукьяновка Одесского района Омской области для обозначения супов, приготовленных русскими, использовали наименование «щи», а «свои, украинские» супы называли «борщами», вне зависимости от их рецептуры. Также отметим, что в Одесском районе Омской области, по сведениям информантов, широкое распространение получила традиция приготовления «капусты с пшеном», или «хохлятской капусты».

Основным источником получения мясных, молочных продуктов, картофеля, зерновых вплоть до настоящего времени является подсобное хозяйство, которое украинцы держали, даже не смотря на существующие в 1940–60-е гг. ограничения.

Особенности пищи и жилища обусловили и распространение керамической и чугунной утвари. Для приготовления пищи достаточно длительное время применялись котелки и чугушки, удобные для готовки в русской печи, а для хранения продуктов - керамические горшки и крынки⁷.

Что касается сферы народной медицины, являющейся важной частью культуры жизнеобеспечения, отметим, что в воспоминаниях информантов 1990-х гг. в большей степени были представлены практически все сферы народно-медицинских знаний, а в 2011 – 2013 гг. отразились лишь иррациональные способы лечения – лечение «волоса», сглаза / испуга, грыжи⁸. Однако все имеющиеся источники свидетельствуют о сохранении славянского пласта знаний.

Таким образом, можно сделать вывод, что украинцы в исследуемом регионе демонстрируют наличие общих маркирующих признаков во многих сферах культуры. Однако региональная специфика свидетельствует о большей степени «осибирячивания» украинского населения Омского Прииртышья в сравнении с другими группами украинского населения Сибири и Алтая. Наиболее устойчивыми сферами культуры

жизнеобеспечения являются пища и жилище, о чем свидетельствует сохраняющееся стремление обозначить групповую специфику.

¹ МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. 3. Л. 3об. П.о. 6. Л. 5-5об.

² МЭЭ ОмГУ 2013. П.о. 1. Л. 1об., 2, 4

³ МЭЭ ОмГУ 2013. П.о. 1. Л. 1об.

⁴ МЭЭ ОмГУ 2013. П.о. 3. Л. 24, 27-28 об.

⁵ МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. 14., Л. 5 об, 6, 11, 12

⁶ МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. 9., Л. 26–26 об.

⁷ МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. 11. Л. 12.

⁸ МЭЭ ОмГУ 2013. П.о. 3. Л. 10-13; П.о. 7. Л. 11. МЭЭ ОмГУ 2012. П.о. 13. Л. 5; П.о. 3. Л. 3об., П.о. 9. Л. 4-4об.

М.А. Овчарова

Новосибирск, государственный краеведческий музей

**АРЕАЛЫ РАССЕЛЕНИЯ МОРДВЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ СИБИРИ
(ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ): ДИНАМИКА XIX – XX ВЕКОВ**

M.A. Ovcharova

Novosibirsk, State Museum of Local History and Nature

**HABITATS SETTLING MORDOVIAN SOUTHEAST OF SIBERIA
(TOMSK REGION): DYNAMICS OF XIX - XX CENTURIES**

Аннотация. В статье анализируются исторические особенности мордовского населения Томской области в конце XIX - XX веках. Определены этапы переселения, динамика населения на основе статистических данных и полевых источников.

Ключевые слова. Мордва, Томская область, ареалы расселения, этапы переселения.

Annotation. The article analyzes the historical peculiarities of the population Mordvinian Tomsk region in the late XIX – XX century. Define the stages of resettlement Mordovians dynamics population. On the basis of statistical data, field sources analyzed Mordovians resettlement areas in the Tomsk region.

Keywords. Mordovians, Tomsk region, areas of resettlement, resettlement phases.

Расселение мордвы на территории юго-восточной Сибири во многом было связано с рядом факторов, среди которых были природно-климатические, политические, социально-экономические. В каждом регионе в зависимости от этих факторов выделялись основные этапы переселения мордвы, которые, в свою очередь, влияли на расселение мордовских переселенцев. В той или иной степени на процессы переселения мордвы за Уральские горы повлияли политические события,

связанные с отменой крепостного права, столыпинская аграрная реформа, голод 1920-х годов, перемещение населения в связи с репрессиями 1930-х гг. и принудительные переселения 1939–1960-х гг.

В конце XIX в. в Западной Сибири проживало уже 16760 человек мордвы, которая по численности занимала пятое место после русских, украинцев и казахов. Основная ее часть расселилась в округах Томской губернии – 14702 чел. Абсолютное большинство мордвы Томской губернии составляли сельские жители 94% - 13751 чел.¹ По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., наибольший удельный вес мордвы фиксировался в Барнаульском – 6972 чел. (1,2%), Мариинском – 1960 чел. (1,4%), Змеиногорском – 1709 чел. (0,7%), Томском – 1698 чел. (0,6%), Бийском – 1306 чел. (0,4%) и Кузнецком округах – 907 (0,5%)².

Из семи округов Томской губернии наибольшие размеры были у Томского округа. Томская область (ранее территория Томского округа) расположена на юго-востоке Западно-Сибирской равнины. Общая часть территории изначально была труднодоступна, так как большую ее часть занимали таежные леса и болота. До присоединения территории современной Томской области к России в XVII веке большую часть населения составляли селькупы и ханты, а также тюркоязычные народы, предки сибирских татар. На конец XIX в. в Томском округе совокупность факторов повлияла на дисперсный характер расселения мордвы и отсутствие моноэтнических поселений. Мордовские переселенцы проживали в смешанных селах с русскими. По статистическим данным конца XIX в. в Томском округе выделялись деревни, в которых значилось мордовское население: Кривошековская волость дер. Плотникова (76 чел.), Семилужская волость дер. Больше-Кускова, Суджанская волость дер. Марьевка (Мордвинская) 259 чел., Чаусская волость зас. Сидоровский 254 чел., заимка в тайге Пески 80 чел., пос. Ново-Николаевский 87 чел.³

Новый этап в освоении земель Томского округа мордовскими переселенцами начинается в 1906 – 1916 гг., в период организованного

переселения на свободные земли Сибири малоземельных и безземельных крестьян из Европейской России. В период Столыпинской реформы основная масса мордовских переселенцев, оседала в лесостепной полосе, протянувшейся от Южного Урала до Алтая, и особенно в ее восточно-приуральской части, входившей в состав Томской губернии. В силу хозяйственно-культурной специфики основная часть мордовских переселенцев стремилась образовывать новые поселения в предтаежной части Сибирского региона, где основным источником благосостояния являлось скотоводство, земледелие и ряд промыслов: пчеловодство, охота, добыча кедровых орехов, золотоискательство и др. Природные условия лесных районов привлекали мордовских крестьян, поскольку были схожи с условиями их исконного проживания. В это время образуются моноэтнические переселенческие поселения мордвы в Томском округе: пос. Дубровский (1906 г.), дер. Верх-Орехова (1908 г.), пос. Блиновский (1910 г.), пос. Знаменский (1909 г.) и др. Например, пос. Дубровинский Бобарыкинской волости (сейчас территория Шегарского района Томской области) был образован переселенцами – мордвой эрзя, в частности Семеном Николаевичем Осипкиным, который приехал с семьей на это место, покрытое тайгой. Рядом было болото Титла. В народе его так и называли пос. Титловский. К 1911 г. в нем еще не было документально зачисленных семей. По устным источникам, в нем проживала только мордва, которая постепенно потянулась на это место из Поволжья⁴. В поселке Дубровском к 1926 г. насчитывалось 52 мордовских хозяйства и 294 человек.⁵

Следующая волна массовых миграций мордвы в Сибирь приходится на 1920–1930-е гг. В основном это было связано с переселением голодающих из губерний Поволжья, где вымирали целые деревни. Для устройства прибывающих были образованы новые населенные пункты в сельской местности: поселки, выселки, хутора, займки. К 1926 г. на территории Сибирского региона проживало 107794 чел. мордвы. Из всех округов, входящих в состав Сибирского края, на первом месте по численности мордвы

оставались Барнаульский (25059 чел.), Кузнецкий (14031 чел.), Минусинский (11793 чел.), Новосибирский (10457 чел.), Томский (7833 чел.). Эти округа являлись крупнейшими регионами расселения мордовского населения за Уралом в начале XX в. Это был период наиболее масштабных переселений мордвы на территорию современной Томской области. Основными районами расселения стали: Верхнебулинский (2241 чел.), Малопесчанский (1522 чел.), Юргинский (679 чел.), Судженский (647 чел.), Богородский (628 чел.), Зыряновский (319 чел.)⁶.

В целом период 1920–1930 гг. можно обозначить как время стабильного демографического развития мордовского населения, сохранявшего свои традиционные установки и зоны локального расселения на территории Томского региона. Мордовские переселенцы проживали как совместно с русскими, украинцами, белорусами, но и образовывали моноэтнические мордовские поселения. В отличие от других регионов Сибири, где выделяются дальнейшие этапы в переселенческом процессе мордвы: 1939 – 1941 гг., 1950 – 1960-е гг., на территорию Томской области более не происходило масштабных переселений мордвы. В Томской области в этот период между переписями 1926–1959 гг. произошло снижение демографических показателей мордовского населения. Разорение деревни, раскулачивание, разразившийся голод 1931–1933 гг., массовые репрессии – все это создало большую напряженность в социально-демографической ситуации. К этому добавлялись сложные природные условия Томского региона.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), период восстановления, индустриализации и урбанизации задали основные тенденции трансформации в этнической структуре региона. Все это отражалось в процессах урбанизации, изменении поселенческой структуры, этнического самосознания мордовского населения. Начало 1930-х гг. было первым этапом оттока сельского населения в город на промышленное производство. С конца 1930-х гг. среди мордовского населения стал постоянно увеличиваться процент городских жителей.

В 1940–1950-е гг. происходит дальнейшее перераспределение рабочей силы между городом и деревней. К 1959 г. численность мордвы в Томской области составила 3373 чел., по отношению к 1926 г. произошло ее уменьшение на 43%⁷. Основными причинами были не только общие тенденции военного и послевоенного периода, но и ассимиляционные процессы, которым были подвержены многие этносы, проживавшие в поликультурном сообществе края. Произошли существенные изменения не только в количественном, но и в качественном составе мордвы. Началось размывание моноэтнических сел, кроме прочего связанное с ростом числа межнациональных браков.

С 1959 по 1968 г. был принят ряд постановлений Совета Министров РСФСР и Верховного Совета РСФСР, предусматривающих укрупнение центральных усадеб колхозов и совхозов, а также преобразование некоторой части сельских пунктов в рабочие поселки. Одновременно происходило постепенное снижение численности мордвы. На рубеже 1960–1970-х гг. темпы естественного прироста населения продолжали снижаться численности мордовского населения: 1970 г. – 2750 чел., 1979 г. – 2517 чел.⁸ В смешанных населенных пунктах мордва расселялась компактно, образуя мордовские улицы «мордовские края», например в с. Ново-Успенка Кожевниковского района, с. Маркелова Шегарского района. Во второй половине 1960-х гг. были ликвидированы мордовские поселки: Дубровинка (1976 г.), Орел (1964 г.) и др.⁹

Таким образом, демографические процессы среди мордвы Томской области имели свои особенности по сравнению с другими регионами Сибири. До начала Великой Отечественной войны численность мордвы в области увеличивалась, главным образом в сельской местности. Это в основном происходило за счет переселений и в меньшей степени за счет естественного прироста. При этом доля городского населения среди мордвы хоть и увеличивалась, но оставалась низкой. После войны, с начала 1950-х гг., демографические процессы среди мордовского населения характеризовались

значительным сокращением общей численности. В настоящее время процессы естественного движения мордовского населения Томской области, выраженные в показателях рождаемости и смертности, позволяют оценивать демографическую ситуацию в его среде как неблагоприятную: 2002 г. 1808 чел., 2010 г. – 1109 чел.

¹ Овчарова М.А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начале XXI века). – Новосибирск, 2010. – С. 18.

² Посчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. LXXIX. Томская губерния. СПб.: Изд-во Центр. Стат. комитета министр-ва внутренних дел, 1905.

³ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – Т. 2 – СПб., 1911. – 482 с.

⁴ Материалы фольклорно-этнографической экспедиции в Томскую область (Шегарский, Кожевниковский районы), 2013 г.

⁵ Список населенных мест Сибирского края. Округа Юго-Западной Сибири / ЦСУ. Сибирский Краевой статистический отдел. – Т. 1. – Новосибирск: Тип. «Советская Сибирь», 1928. – 831 с.

⁶ Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. 4: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. (Население по народности, родному языку) Отдел. 1. – М., 1928. – 389 с.

⁷ Посчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатизд., 1963. – 456 с.

⁸ Посчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. (в 7-ми т.) – Т. 4. (Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов) – М.: Статистика, 1973. – 648 с.; www.demoscope.ru Всесоюзная перепись 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. Томская область.

⁹ Материалы фольклорно-этнографической экспедиции в Томскую область (Шегарский, Кожевниковский районы), 2013 г.

Т.Н. Первых, В.П. Трусова

Омск, государственный аграрный университет им П.А. Столыпина

**ОБЛАСТНОЙ «ПРАЗДНИК СЕВЕРА» КАК СРЕДСТВО
СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

T.N. Pervih, V.P. Trusova

Omsk, State Agrarian University named after P.A. Stolypin

**REGIONAL “NORTHERN FESTIVAL” IS A PART OF HEALTH
CONSERVATION AND LONGEVITY OF RURAL PEOPLE OF OMSK
REGION**

Аннотация. В настоящее время в соревновательную программу «Праздник Севера» входят лыжные гонки, биатлон, poliathlon, шорт-трек, конькобежный спорт, хоккей, мини-футбол на снегу, скоростная радиотелеграфия, мотокросс. В статье показана значимость спортивно-культурных мероприятий для сельской массовой физической культуры.

Ключевые слова. Праздник Севера, спортивные соревнования, здоровье сельских жителей.

Annotation. At present “Feast of the North” competitive programme includes cross-country skiing, biathlon, poliathlon, short track, speed skating, ice hockey, five-a-side, speed wireless, motocross. The article shows the significance of sport-cultural events for rural mass physical training.

Keywords. Feast of the North, sporting events, health of rural residents.

На данный момент в соревновательную программу «Праздников Севера» входят: лыжные гонки, биатлон, полиатлон, шорт-трек, конькобежный спорт, хоккей с шайбой, мини-футбол на снегу, скоростная радиотелеграфия, мотокросс. Значение спортивно-культурных праздников в развитии массовой физической культуры и спорта на селе.

История «Праздника Севера» началась в 1970 году. Анализируя работу физкультурных организаций Омской области, областной совет ДСО «Урожай» пришел к выводу, что команды северных районов стали реже участвовать в областных соревнованиях, а если и участвовали, то результаты показывали очень низкие. Причин этому было много.

В первую очередь, их отдаленность от города, и, следовательно – трудности с проездом. Мало кто из тренеров северных районов имел высшее образование, а методическую литературу достать было трудно. Устарела материальная база северян, сокращалось количество детских спортивных школ. Так, учитывая особенности и традиции северных районов, обком ВЛКСМ и областной совет ДСО «Урожай» решили провести для них зимние сельские спортивные игры.

«Праздник Севера» впервые стартовал 10 марта 1971 года в Тевризе. Успешному проведению соревнований способствовала его популяризация: о нем сообщали областные газеты, радио, телевидение, выпускались красочные афиши, программы, значки. Много труда вложили в подготовку праздника его хозяева – тевризцы. Был расчищен стадион, сделаны снежные трибуны, для хоккеистов и конькобежцев приготовлен отличный лед. Лыжные трассы проходили в живописном сосновом бору и береговых кручах Иртыша.

Украшением праздника стали показательные выступления студентов и преподавателей Омского института физической культуры по классической и вольной борьбе, фигурному катанию, акробатике, борьбе самбо и художественной гимнастике. Тепло встретили зрители и участники соревнований концерт музыкального ансамбля политехнического института. Завершился спортивный праздник яркими, веселыми проводами русской зимы. Успех превзошел все ожидания.

Принять участие в очередных «Праздниках Севера» пожелали спортсмены из других районов области. В областной оргкомитет поступили заявки от райкомов КПСС, исполкомов районных Советов с просьбой о проведении подобных праздников в их районах. По иронии судьбы лишь

первые два «Праздника Севера» полностью оправдали свое название. Дело в том, что уже в 1973 году к участию в соревнованиях, проходивших в Тюкалинске, были допущены участники из «южных» районов Омской области. С тех пор «Праздник Севера» является грандиозным смотром зимних видов спорта, развивающихся на селе.

Постоянными участниками зимних сельских олимпиад являются все 32 района Омской области. В каждом районе-хозяйине малой олимпиады строятся или реконструируются стадионы, возводятся хоккейные коробки, крытые катки, спортивные залы. Еще пять лет назад трудно было себе представить, что в далекой Таре на крытом катке с искусственным льдом можно будет круглый год кататься на коньках. Что в селе Екатеринославка Шербакульского района мастер-класс будущим фигуристам будет давать сама Ирина Роднина.

Количество участников областных «Праздников Севера» тоже выросло в несколько раз. Взять к примеру «Праздник Севера» в Саргатском. В нем приняли участие около 800 спортсменов, среди которых один мастер спорта международного класса, 26 мастеров спорта, 81 кандидат в мастера и 193 перворазрядника. Все команды прекрасно экипированы – есть и красивая форма, и современные лыжи, коньки, винтовки для биатлонистов. Но главное, во всех районах созданы условия для тренировок. Ведь на областной «Праздник Севера» приезжают только лучшие, занявшие призовые места в своих районах, а на начальных этапах – это тысячи и тысячи спортсменов в каждом селе, поселке, городе. И давно уже каждая сельская олимпиада – это не только спортивные состязания, но и настоящий праздник для сельчан – с ярмаркой, выступлением лучших творческих коллективов, народным гулянием, фейерверком.

На данный момент в соревновательную программу «Праздников Севера» входят: лыжные гонки, биатлон, полиатлон, шорт-трек, конькобежный спорт, хоккей с шайбой, мини-футбол на снегу, скоростная радиотелеграфия, мотокросс, а также состязания, проходящие в рамках спартакиады школьников.

Перед стартом этого сельского спортивного форума проходит целая серия отборочных соревнований, в которых соперничают около 40 000 спортсменов. По их результатам и определяются участники финальной части «Праздника Севера», проходящего в течение пяти дней.

Церемония открытия «Праздника Севера», в котором может быть задействовано более 500 артистов и спортсменов, традиционно включает в себя ритуал зажжения огня зимней олимпиады, парад команд-участниц и фейерверк. Также эффектно и массово проходит завершение сельского спортивного форума.

В финальных соревнованиях «Праздника Севера», проводимого, как правило, в конце февраля – начале марта, ежегодно принимает участие около тысячи спортсменов из всех районов Омской области. Среди них есть как молодые перспективные атлеты, так и опытные турнирные бойцы, имеющие звание мастеров спорта и даже мастеров спорта международного класса. Так, неоднократными победителями и призерами «Праздников Севера» является мастер спорта международного класса, лыжница из Муромцевского района Светлана Дешевых, а также ее земляк и коллега по амплуа - участник Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити в составе сборной Казахстана Игорь Зубрилин. Самой титулованной командой за всю историю проведения «Праздников Севера» является сборная Омского района.

Соревнования «Праздника Севера» пользуются огромной популярностью среди любителей спорта. Спортивные поединки посещают сотни болельщиков. В целях предоставления оперативной и точной информации с «Праздника Севера» работает пресс-центр, выпускающий ежедневные бюллетени, из которых любители спорта, участники и специалисты могут почерпнуть данные о последних результатах проведенных стартов, мнение авторитетных экспертов, интересные факты из истории сельских олимпиад.

Получение права проведения очередного «Праздника Севера» - это большая ответственность и предмет настоящей гордости для жителей района

организатора спортивного форума. Сергей Шелпаков, который работал многие годы Министром по делам молодежи, физической культуры и спорта региона, считает: «сельские олимпиады дарят жителям области ощущение единения, собирая в рамках праздника множество людей как одну большую дружную семью».

Значение наших спортивно-культурных «Праздников Севера» трудно переоценить. Они всегда объединяют спортсменов, не дают стоять на месте и вносят огромный вклад в развитие массовой физической культуры и спорта на селе. В нашей стране аналогов таким спортивно-физкультурным праздникам нет.

Много лет правительство Омской области полностью финансирует это мероприятие.

Привлечение сельского населения к регулярным спортивным занятиям, создание полноценных условий для тренировок даже в самых отдаленных уголках области, пропаганда здорового образа жизни, физическое и нравственное совершенствование жителей села – вот задачи, которые решаются в процессе подготовки и проведения праздников.

Бывший губернатор Омской области Леонид Полежаев убежден, что и в дальнейшем стоит совершенствовать обкатанную форму спортивного движения на селе.

«Не скажу, что будет легче, еще требуется большая затрата моральных и физических сил, финансовых вложений. Но все это не уходит в песок, а порождает ожидаемые результаты и веру в будущее. Омская область идет в ногу со временем в развитии физкультурного движения на селе. Ведь тот же «Праздник Севера» не просто комплексные спортивные соревнования, а массовый фестиваль силы, молодости, искусства и дружбы. Нам есть, что показать гостям сельских олимпиад, нам есть чем гордиться», – подчеркнул Леонид Константинович.

Массовое сельское спортивное движение вполне вписывается в современный ритм. Десятки тысяч молодых людей, пройдя через спортивные

трассы и арены праздников, вышли в большую жизнь мужественными и закаленными, здоровыми и сильными. Во имя этой цели трудились и трудятся все, кто причастен к индустрии спорта и здорового образа жизни в Омской области. Впереди новые успехи и новые радости. Впереди – бесконечность.

Это мероприятие выдержало испытание временем. Значение «Праздника Севера» не только в спортивном совершенствовании. Это в первую очередь шанс талантливой молодежи проявить себя, выбрать дорогу в жизнь. Спорт и физическая культура воспитывают в людях дисциплинированность, целеустремленность, аккуратность, порядочность. Огромное значение физическая культура и спорт имеют для современного человека, ведь как важно приобщать молодежь к физической культуре, прививать ценности здорового образа жизни! Именно от подрастающего поколения, его гармоничного развития во многом зависит наш завтрашний день. Такие слова на открытии 43-го очередного праздника в Колосовке произнес губернатор Омской области В.И. Назаров.

А.Б. Пермиловская

Архангельск, Институт экологических проблем Севера УрО РАН

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДОМ КАК ЗНАК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

A.B. Permilovskaya

Arkhangelsk, Institute of Ecological Problems of the North, Ural Branch Russian

Academy of Sciences

PEASANT HOUSE AS SIGN OF THE ON THE TRADITIONAL CULTURE

Аннотация. В статье рассматривается место традиционного жилища в крестьянском мире Русского Севера. Крестьянский дом является одним из самых знаковых и символически сложных элементов традиционной культуры. Он наполнен глубоким мифологическим, практическим, человеческим и универсальным смыслом.

Ключевые слова. Крестьянский дом, Русский Север, традиционная культура, символика.

Annotation. In the article are discussed the place of the national dwelling of the traditional model in the Russian North peasant world. The peasant house is one of the most sign and symbolically difficult element of the traditional culture. It is filled by the deepest mythological, practical, human and universal sense.

Keywords. Peasant dwelling, Russian North, traditional culture, symbolism.

В традиционной культуре о каждом предмете помимо сведений, касающихся его физической природы, существовало еще и иное знание его символического смысла. «Памятники материальной культуры в обществе играют двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, с другой – выступают как средство хранения и передачи информации»¹. Крестьянский дом занимает в этом культурном пространстве исключительное место. Выражаясь метафорически, он как некий магический

кристалл отражает народное мировоззрение, особую картину мира, смыслы коллективной и индивидуальной ментальности. Дом в символической форме воплотил главные ценности и смыслы человеческого существования. Дом – это пространственно-предметная среда удовлетворения важнейших биологических потребностей семьи: защита от неблагоприятных природно-климатических условий, место питания, сна, продолжения рода. Дом был пространством труда и отдыха, в нем протекали временные координаты бытия (день-ночь, годовые сезонные циклы, будни и праздники).

В данном исследовании традиционный дом рассматривается на материалах одного из самых русских регионов России – Русского Севера. В статью включен материал, отражающий межкультурное и межэтническое взаимодействие народного жилища восточных (русские) и западных (поляки, словаки, чехи) славян в аспекте рассматриваемых социокультурных функций. В основе исследования лежит полевой материал 33 экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений Русского Севера; общее количество обследованных памятников и артефактов народной архитектуры, элементов декора, предметов материальной культуры и крестьянского быта – около 10 тыс., из них около 200 составляют обмеры. Другая значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельской и Вологодской областей, Карелии, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга, а также материалы, составившие основу личного опыта, приобретенного в результате многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «insitu» в России и Западной Европе².

Слово «дом» рассматривалось в традиционной культуре как воплощение своего родного безопасного пространства, а привязанность к нему считалась добродетелью. Это слово в русском языке означает не только «*строение для житья*» или «*избу со всеми ухажаями и хозяйством*», но и «*семейство, семью, хозяев с домочадцами*»³. В русской народной культуре, дом – один из наиболее символически сложных элементов. Он является не только артефактом, но и знаком. На основании внешнего облика можно

определить социальный статус, национальность, вероисповедание его владельцев. Наряду с практическими функциями, которыми обладает дом, здесь обнаруживается и ряд других многочисленных функций: *дом как модель мира, дом как образ родины, защитная, сакральная, эстетическая, архитектурная, социальная, ритуальная*. В условиях Севера жилой дом был одним из главных способов освоения природной среды. В стенах дома протекала *повседневная жизнь* крестьянской семьи, осуществлялись процессы социализации, усвоения и сохранения традиций, связи поколений. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне и приспособления его к северному климату.

Для крестьянина *дом – это модель мира*. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, представляет его целостный вещный мир. С другой – дом связывает человека с космосом, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»⁴. Думается, что в контексте представлений о «доме как модели мира» можно трактовать изображение звездного неба и солнца под крышей на фронтоне крестьянских домов (причем, иногда форма верха кровли напоминает форму купола храма). Верх крыши или купола изнутри расписан — это голубое небо с золотыми звездами. Здесь же на стыке кровли в центре купола «светит» деревянное резное солнце, по-каргопольски *ветреница*. Роспись дома Н.И. Гринева в с. Конево Плесецкого района (1894) имеет еще одну интересную деталь. Это изображение херувимов в трехчастной купольной форме, арке. На голубом звездном небе парят толстощекие херувимы с носами картошкой и рыжими кудрявыми волосами. На матице словацкого дома, наряду с главным символом христианства – крестом, изображена луна (дом в музее под открытым небом в Свиднике, Словакия).

Дом — это организованное пространство, в которое человек погружается почти с момента своего рождения и которое обживает,

осваивает и переустраивает все время своего существования в нем. Для взрослого человека дом означал широкий круг понятий: кров, семью, некое определенное место на земле, в этом смысле слово *дом* традиционно используется как *синоним родины*. Условия жизни на Русском Севере вели к усилению семейных и общественных связей внутри поселений. Власть в большинстве районов возлагалась на «старших» и осуществлялась через разветвленные родственные отношения. К личному имени каждого русского добавляется имя его отца. Такие слова как «родина», «народ» имеют тот же корень, что и слово «рождение», а слова «отечество» и «вотчина» тот же корень, что и слово «отец»⁵. *Дом*, сооруженный руками хозяина или его родителей, *воплощает идею семьи и продолжения рода*.

Архитектурно–планировочная структура северного дома — это отражение жизни и хозяйственной деятельности большой семьи. Здесь под единым кровом общей семьей и хозяйством жили вместе деды, отцы, сыновья, внуки. Из таких домов выходило на полевые работы сразу по 20–25 человек, а в его хлевах содержалось до трех десятков голов скота. *Дом* осмыслялся в повседневной народной культуре как *сосредоточение основных жизненных ценностей*, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода. Важнейшая символическая и в то же время обыденная функция дома — *защитная*. Резное деревянное солнце под крышей крестьянского дома — пожелание счастья, благополучия его хозяевам. Верхняя часть фронтона северной избы расписывалась сказочно-декоративными композициями: цветами, птицами, львами, единорогами. Подобные львы изображались на дверях, шкафах в интерьере крестьянского дома, это была общая славянская традиция, подтверждение тому — дверца с изображением льва из музея этнографии г. Торуня (Польша). В фольклорных преданиях человек укрывается в доме от преследующих его врагов, которые не в силах переступить порог. О северном доме совершенно определенно можно сказать: «мой дом — моя крепость».

Архитектура жилища Русского Севера, формировавшаяся столетиями, к XIX веку обрела свой завершённый смысл и конкретный архитектурный образ, отразившийся в его архитектурном решении. Постепенно на Русском Севере, на просторах больших судоходных рек сложился классический вариант дома, не встречающийся в других районах России и значительно более совершенный. Северное жилище отличалось большими размерами, обилием жилых помещений, в некоторых районах богатым резным декором, использованием полихромных росписей для украшения экстерьера и интерьера дома. Недаром местные жители свои дома называли *хоромами*.

Результаты изучения архитектуры и типологии северного крестьянского дома представлены в исследованиях автора и содержат конкретные примеры, характеризующие архитектуру крестьянского дома и ее смысловое наполнение. Большая часть скульптурных и живописных образов крестьянского дома выросла из древних охранительных символов: коней, птиц, львов, единорогов. Охлупень — магический оберег дома и в то же время конструктивно необходимый элемент безгвоздевой «самцовой» конструкции кровли. Глубокий смысл, скрытый в образе коня, его поэтический размах отражен в русской мифологии и поэзии. Любимый крестьянский оберег, воплотившийся в образе коня, часто изображался парно. Парные коньки распространены также в народном зодчестве Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Словакии, Венгрии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии и др. В славянской традиции в качестве охранной функции экстерьера и интерьера жилища выступала также и христианская символика: это крест, нарисованный или вырезанный на дверях, над окнами (мезень), на главном фасаде избы (подвинье). Подобная символика встречается на крестьянских домах Словакии, Польши, Чехии. В интерьере эти кони-стражи охраняли посуду, инструменты, особенно ткацкий стан, прялку, печь, углы и крышу дома, дверь, окно, лодку, телегу, мебель. Располагаясь по четырем углам люльки, миниатюрные коники оберегали сон младенца.

В середине XIX века внутренняя планировка северно-русского дома претерпела существенные изменения. В это время появляется праздничное помещение — горенка. Интерьер свадебной горенки отличался от его повседневного статуса, был праздничным, демонстрировал приданое, «рукодельность» и социальное положение невесты. В ряде мест Польши сохраняется обычай красить дома будущих невест в синий цвет, что представлено в экспозиции польского музея под открытым небом в г. Серпце (дом из с. Кзермна (Czermna)).

Дом на Руси имел множество названий: это *изба (истба), хата, холуна, терем, хоромы (хоромина) и храм*. Важная функция крестьянского дома в культурном пространстве Русского Севера – это его *сакральность*. Дом всегда – отчасти храм. «*Не добро дом без ушей, а храм без очей*», — утверждает древнерусская пословица. В ней хоромы (изба) приравнены к храму. Ведь храм — это тоже дом, только Дом Божий. А изба всегда имеет свой святой или «красный», угол.

Дом – место совершения множества разнообразных *ритуалов*. Сооружение жилища сопровождалось многочисленными символическими действиями, регламентировалось временными, магическими правилами и запретами. Место для строительства определялось при помощи гаданий. Специальные обряды совершали во время основных строительных периодов возведения избы: при укладке первого окладного венца, подъеме матицы, подведение дома под крышу, а также обряды «строительной жертвы» и перехода в новый дом.

Дом являл собой модель мировоззрения, типологические и архитектурно-планировочные характеристики составляли не только основу в конструкции жилища, но и в конструкции крестьянского мировоззрения. Повседневная жизнь семьи протекала в семиотически насыщенной пространственной среде дома, который синтезирует в пространственно-предметной и знаково-символической форме повседневную культуру и ритуально-сакральные основы жизни традиционной русской семьи.

¹ Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1970. Вып.1. С. 11.

² Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск, 2000. 214 с.; Она же. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005. 312 с.; Она же. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010. 552 с.; Она же (в соавт. с Боде А.Б. (отв. ред. и сост.), Крадиным Н.П. и др.) Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции. М., 2012. 480с.; Она же. Культурные смыслы народной архитектура Русского Севера, 2013. Екатеринбург, Архангельск; Ярославль, 2013. 608 с.

³ Архангельский областной словарь / отв. Ред. О.Г. Генцова М., 2001. Вып.11. С.127.

⁴ Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т. 10. С. 65.

⁵ Биллингтон Дж.Х. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры: пер. с англ. М., 2001. С. 49.

Л.В. Секретова

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**О СОЗДАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ГОСТИНОГО ДОМА В
ПОСЕЛКЕ МУРОМЦЕВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

L.V. Sekretova

Omsk, State university n.a. F.M. Dostoevskiy

**ON CREATION OF ETHNOGRAPHIC, GUEST HOUSE IN THE
VILLAGE OF MUROMTSEV OMSK REGION**

Аннотация. Тенденции национального возрождения, патриотическое воспитание, развитие регионального туризма могут быть поддержаны работой социально-культурных учреждений в сохранении и развитии русской традиционной культуры. Необходимо создать модель материально-технической и организационно-педагогической поддержки. Учитывая интерес населения и туристов к Муромцево, заслуживает внимания идея создания этнографического гостиного дома «Особняка русских купцов Обуховых». Гостиный дом в сочетании с деятельностью Центра русской традиционной культуры позволит сохранить памятник истории и культуры, привлечет дополнительные источники финансирования, активизирует работу по сохранению русской традиционной культуры.

Ключевые слова. Гостиный дом, Муромцево, сохранение традиционной культуры.

Annotation. Trends of the national revival, Patriotic education, development of regional tourism can be supported by work of socio-cultural institutions in the preservation and development of Russian traditional culture. It is necessary to create the model of material-technical and organizational-pedagogical support. Given the interest of the population and tourists to natural environmental resources and historical and cultural heritage of Muromtsevo region, deserves attention idea of creation of the ethnographic, guest house «Mansion Russian merchants

Obuchoves». Gostiny Dom, combined with the activities of the Center of Russian traditional culture will preserve the historical and cultural monument, to attract additional sources of funding to intensify cultural and educational work for the promotion of Russian traditional culture.

Keywords. Seating house, Muromtsevo, preservation of traditional culture.

В настоящее время отмечается рост интереса к изучению проблемы национального возрождения, патриотического воспитания, развития регионального туризма. Немаловажное значение для решения этих взаимосвязанных вопросов имеет поиск способов стимулирования деятельности социокультурных институтов по сохранению и развитию русской традиционной культуры, создание моделей материально-технического и организационно-педагогического обеспечения данных процессов. Указанные направления находят отражение не только в государственных и региональных программах развития культуры, в научных исследованиях ученых, но и в учебно-творческих заданиях выпускников вузов, прежде всего, в рамках выпускных квалификационных работ.

В дипломных работах студентов заочной формы обучения под руководством научных руководителей теоретическая сторона избранной темы исследования органично сочетается с личным практическим опытом и с целевой установкой на дальнейший профессиональный рост в конкретном учреждении культуры, искусства, досуга. Немало специалистов подготовлено кафедрой социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского для учреждений социально-культурной сферы Муромцевского района Омской области. На кафедре успешно прошел подготовку целый ряд муромчан, которые теперь трудятся в родном районе, внося свой вклад в его социально-экономическое и культурное развитие. Среди них В.Н. Сивоха – управляющий делами администрации Муромцевского муниципального района, И.М. Войцеховская – директор культурно-досугового центра «Альтер-

натива», А.В. Гладцкова – специалист Центра русской традиционной культуры «Родники Сибирские» и другие.

В значительной мере благодаря получившим распространение мифам о чудесных «пяти озерах» Муромцевский район известен не только в пределах Омской области, но и за ее пределами. Летом сюда устремляется поток туристов и паломников. Соответственно встает вопрос о создании комплекса туристических услуг историко-культурного и культурно-досугового содержания. В районе уже накоплены определенные наработки для предоставления таких услуг на базе имеющихся учреждений, среди которых культурно-досуговый центр «Альтернатива», центр русской традиционной культуры «Родники Сибирские», муниципальное казенное учреждение «Пять озер – Муромцево», Муромцевский историко-краеведческий музей, библиотека имени М.А. Ульянова, Муромцевский кино-досуговый центр, детская школа искусств «Школа ремесел». Немалый интерес представляют для жителей района и туристов святые православные места: церковь Тихвинской Божией Матери в Муромцево, Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в селе Петропавловка, Святой Троицы в селе Бергамак, мужского монастыря в селе Самохвалово и другие. Особенный интерес и ценность Муромцевского района – архитектурный памятник «Винокуренный завод».

Вместе с тем имеется еще неиспользованный потенциал историко-культурных объектов, построенных в прошлых веках и отчасти сохранившихся до наших дней. Конечно, все они нуждаются в реставрации в соответствии с концепцией их дальнейшего использования и эксплуатации.

Учитывая все возрастающий интерес туристов к природно-экологическим ресурсам и историко-культурному достоянию района, а также то, что в Муромцево пока нет гостиницы, заслуживает внимания идея и давняя мечта председателя комитета культуры района Н.С. Зайцевой о создании этнографического гостиного дома «Особняк русских купцов Обуховых». Имеет культурное значение и тот факт, что в этом особняке

проживал писатель Б.Г. Пантелеймонов, автор повестей и рассказов о Сибири.

Здание особняка, построенное в конце XIX века, находится по адресу: ул. Красногвардейская 5, передано в оперативное управление Центра русской традиционной культуры «Родники Сибирские». Здание подлежит реставрации. В 2007 г. поступили первые средства в размере 500 тыс. рублей на проведение проектно-сметных работ, полученные из Фонда муниципального развития Омской области. Итак, проект реконструкции уже имеется. На 2014 г. запланированы работы по демонтажу здания на сумму 1 млн. рублей. Таким образом, есть реальные основания надеяться, что дом будет воссоздан.

Вопросы целевого, функционального использования и социально-культурного назначения этнографического гостиного дома были проработаны в процессе выполнения и руководства дипломной работой А.В. Гладцковой на тему «Сохранение и развитие русской традиционной культуры в системе управления учреждениями Муромцевского муниципального района». Гостиный дом в сочетании с деятельностью Центра русской традиционной культуры в определенной мере позволил бы решить сразу несколько задач, а именно:

- сохранности исторического памятника культуры;
- привлечения дополнительных источников финансирования Центра русской традиционной культуры «Родники Сибирские»;
- активизации культурно-просветительной работы среди населения района и туристов в целях пропаганды русской традиционной культуры;
- развития системы культурно-досуговых услуг в муниципальном районе.

Основой историко-культурной и культуроохранной работы предусмотрено использование фольклорно-этнографического материала, наработанного в течение нескольких лет центром «Родники Сибирские» в результате экспедиций по населенным пунктам Муромцевского района.

Проект реставрации дома предусматривает достаточное количество помещений для интенсивной работы Центра русской традиционной культуры. На первом этаже здания можно разместить горницу с выставкой этнографических экспонатов, которые будут гармонично вписываться в структуру проведения вечеров. Предусматривается кухня для приготовления русских блюд, мастерская для проведения мастер-классов на ткацком станке, гончарном круге, самопряхе и других приспособлениях и инструментах с вовлечением в работу гостей. На втором этаже будут располагаться гостиные комнаты. Дизайн и интерьер помещений гостиного дома должен быть выстроен в стиле русских традиций – иметь «красный угол», а также ряд таких предметов утвари, как деревянные лавки, столы, буфеты, деревянная и глиняная посуда, туески, корзины, комоды, тканые дорожки, вышитые полотенца и постельное белье.

В интерьеры гостиного дома могли бы органично вписаться такие формы работы с посетителями и гостями, как спектакли детского кукольного театра «Петрушка» и театра народной драмы; тематические и игровые программы; концертные программы; традиционные молодежные вечерки; производство изделий и сувениров ремесленных мастерских; знакомство с традициями питания в крестьянских семьях.

Вовлечение гостей в сферу самобытной культуры русского народа должно строиться в соответствии с программами, которые рассчитаны на разную возрастную аудиторию; охватывать как традиционную русскую культуру, так и дореволюционную историю населения Муромцевского поселения. Средствами идейно-эмоциональной выразительности на мероприятиях в гостином доме станут элементы традиционной русской культуры: праздничный календарь; песенная, танцевальная и игровая культура; праздничный наряд и бытовая одежда русского народа; традиционная кухня (праздничные и постовые блюда); традиционные ремесла.

Данный проект может являться одним из направлений работы в

системе управления учреждениями культуры муниципального района по пропаганде и развитию русской традиционной культуры. Воплощение проекта потребует немалых затрат, основанных на инвестициях. Однако в результате его реализации будут достигнуты результаты, важные не только для развития культуры, но и для развития территории Муромцевского района в целом:

- создание культурно-этнографической среды в условиях локальной традиции, повышение интереса к традиционной культуре и истории, пропаганда нематериального культурного наследия, формирование гражданского достоинства, национального и патриотического самосознания;
- поддержка развития центра традиционной русской культуры «Родники Сибирские» финансовыми средствами;
- привлечение инвестиций в Муромцевский район;
- создание дополнительных рабочих мест в Муромцевском городском поселении.

Появление нового субъекта социально-культурной деятельности – этнографического гостиного дома в Муромцево - станет закономерным явлением, поддерживающим актуальные современные тренды в России и Омском регионе: создание новых моделей учреждений культуры, реализующих патриотические и этнонаправленные технологии, ориентированные как на местное население, так и на развитие туристического сектора.

А.Г. Селезнев

*Омск, филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук*

**ХРОНОТОП КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ
САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ***

A.G. Seleznev

*Omsk, Branch of the Institute of Archeology and ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**CHRONOTOP AS A FACTOR OF FORMING
A NEW SACRAL SPACES***

Аннотация. В статье рассматриваются новые сакральные пространства. В центре внимания оказывается такой архетип мифологического сознания как хронотоп (вечные объекты) и его роль в генезисе новых сакральных пространств.

Ключевые слова. Хронотоп, мифологическое сознание, новые сакральные пространства.

Annotation. A new sacral spaces phenomenon is analysed in the paper. Such archetype mythological consciousness as chronotop (eternal objects) and its role in genesis of a new sacral spaces are in the focus of consideration.

Keywords. Chronotope, mythological consciousness, new sacred spaces.

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется распространенным, но не вполне осмысленным социокультурным явлением – бурным ростом новых сакральных пространств и ритуальных практик: Аркаим на Южном Урале, Церковь Последнего Завета и Город Солнца в Красноярском крае, скифские

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы), проект № 12-31-01043.*

погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сейды Кольского полуострова и многие другие. Развитие этих центров протекает на фоне характерных тенденций мировоззрения современной России. Сдвиг привычных культурных идентичностей, всплеск иррациональных и мистических настроений, стремление части современной российской элиты к эскапизму, бегству от реальностей сегодняшней жизни («номадизм» в терминах постструктуралистской философии Жюль Делёза) – вот составляющие этого процесса.

В последнее время получает развитие антропологическое и культурологическое исследование новых сакральных пространств России. Вехой на этом пути стала организованная автором этих строк совместно с И.А. Селезневой сессия «Новые сакральные пространства постиндустриальной эпохи: мода или устойчивый социокультурный феномен?», проведенная в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России. За всю историю конгрессов подобная тематика была заявлена, кажется, впервые. Сессия вызвала интерес специалистов разных регионов России и ближнего зарубежья, прошла плодотворно, проблемы функционирования новых сакральных пространств были обсуждены всесторонне и с разных точек зрения¹.

Источником настоящего сообщения являются материалы этнографического экспедиционного обследования одного из крупнейших сакральных центров постсоветской эпохи. Он сформировался, начиная с 1992 г. вокруг д. Окунево Муромцевского района Омской области². Наш интерес к вновь возникшим сакральным пространствам базировался на предшествующем опыте изучения святилищ, функционирующих в сфере традиционной культуры. С начала 2000-х гг. группа исследователей (А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич и др.) выполняла проект по изучению культа святых и традиционных культовых комплексов мусульман Сибири. Даже поверхностное сравнение с очевидностью демонстрировало

общность культовых практик и мифологических мотивов, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. Парадоксально, но чрезвычайно архаичные мифологические мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос ревитализируются в настоящую эпоху кризиса привычных духовных ценностей. Эти мотивы без труда обнаруживаются в мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров³. Например, трансформация и преемственность с древности до современности восточно-славянских представлений об эсхатологическом нашествии проанализированы в интересном исследовании Д.В. Громова⁴. Традиционные мифологические мотивы в новых религиозных движениях рассматривает в своих работах В. Б. Яшин⁵. Окуневские материалы предоставили новые данные, дополняющие и подтверждающие высказанное теоретическое положение. В настоящем сообщении мы остановимся на архетипе «вечного» объекта (хронотопе памятника), представленного в окуневской мифологии и играющего важную роль в генезисе культового комплекса.

Одним из наиболее ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам⁶. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. В ряду таких объектов особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Не случайно многие традиционные святилища имеют четкую привязку к археологическим памятникам (или к старинным архитектурным ансамблям), а иногда и располагаются непосредственно на их месте. В плане обсуждаемой проблемы очень характерный пример – известное и весьма почитаемое мусульманское святое место в Западной Сибири – Тюрмитякская астана. Памятник расположен в Усть-Ишимском районе Омской области на р. Ишим неподалеку от его впадения в Иртыш. Комплекс ассоциирован сразу

с несколькими «вечными» объектами: живописным округлым в плане озером, носящем характерное название Астана-Бурень; видимыми археологическими объектами, осмысляемыми как могилы предков; возвышающимся останцом, на котором также расположен археологический памятник⁷.

Как же в этом плане обстоит дело с новейшими сакральными пространствами? Ясно, что они ассоциированы с археологическими объектами еще в большей степени, нежели традиционные. Многие места силы современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе. Аркаим – самый известный в России случай⁸.

Окунево занимает промежуточное положение между центрами, полностью ассоциированными с конкретными археологическими объектами (Аркаим, Укок, возможно, Долина царей) и локусами, никак внешне не связанными с археологическими памятниками (Город Солнца в красноярской тайге). Археологический контекст «окуневского феномена» расплывчатый, неконкретный и уж точно не определяющий.

Тем не менее, аспект «древних цивилизаций» присутствует уже в рассказах о рождении феномена, а именно, о прибытии сюда из Индии в 1992 году гражданки США латвийского происхождения Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. По благословлению своего духовного Учителя Мунираджа, который, в свою очередь, был преемником Бабаджи, Раджани отправилась на север (по некоторым данным, именно в Сибирь) искать храм Ханумана. В конце концов Расма оказалась в Окунево, основала общину последователей Бабаджи – бабаджистов и храм – *ашрам*, к слову сказать, единственный в России. *«Это место никто не знал, единственно, что ее (Расму-Раджани. – А.С.) привлекло – это что работали археологи...»* – заявила нам лидер религиозной организации Омкар *«Шива Дхам»* церкви Хайдакан ди Самадж (общины шиваитов, бабаджистов),

носящая духовное имя Дурга. Примечательно, что археологу отводится особая роль верховного демиурга – дарителя высших сакральных знаний, ср.: «он ... раскрыл много глубин и исторических фактов»⁹.

Частью окуневского хронотопа является мотив созвучия перевозука Вселенной «Ом» в индуистской мифологии с названием реки Омь и города Омск, а также имени богини Тары из буддийского пантеона и названия одноименной реки, на берегу которой расположена деревня. Дню рождения богини Тары посвящен в Окунево специальный праздник. Этот мотив известен практически каждому, широко популяризируется в прессе и Интернете, и является важнейшим аргументом локализации сакрального центра именно в районе Окунева. Надо сказать, что на неспециалиста это созвучие действительно может произвести глубокое впечатление: ср. основную мантру Тары («царицу мантр») в буддизме и индуизме «*Om Tāre Tuttāre Ture Svāhā*»¹⁰.

Приведенные материалы свидетельствуют, что традиционные архетипы и комплексы легко встраиваются, а порой и лежат в основании новой мифологии, формирующейся в рамках сакральных пространств постиндустриальной эпохи. Современное мифологизированное мышление свободно включает эти архетипы в свой репертуар. В слегка модернизированном виде они выступают как существенный компонент сознания, формирующегося в настоящую эпоху торжества мистики, оккультизма, эзотерики.

¹ X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. – М.: ИЭА РАН, 2013. С. 169 – 172.

² Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: ИД «Наука», 2013. С. 107 – 113.

³ Селезнев А.Г. Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск: Полиграф. центр КАН, 2011. С. 123 – 136.

⁴ Громов Д.В. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20 – 42.

⁵ Яшин В.Б. Парадоксы религиозной идентичности (традиционное и нетрадиционное в новых религиозных движениях) // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск: Полиграф. центр КАН, 2011. С. 147 – 162; Яшин В.Б. Мифологическое и новые религиозные движения // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 32 – 38; Яшин В.Б. Иеротопические мотивы и локусные культы в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 95 – 99.

⁶ Виноградов В.В., Громов Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125 – 143; Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 182 – 184.

⁷ Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111 – 119.

⁸ Шнирельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133 – 167.

⁹ Селезнев А.Г. «Археологический» миф в массовом сознании (сакральный комплекс в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 275 – 280.

¹⁰ Beyer S. Magic and Ritual in Tibet: The Cult of Tara. Delhi: Motilal Banarsidass publishers private limited, 2001. P. 208 – 210; Rinpoche B. Tara: The Feminine Divine. San-Francisco: ClearPoint Press, 2007. P. 83 – 93.

И.А. Селезнева

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

**САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В СИБИРСКОЙ ТАЙГЕ: ОБРАЗ
ПАЛОМНИКА (НА ПРИМЕРЕ Д. ОКУНЕВО)***

I.A. Selezneva

Omsk, Siberian branch of the Russian institute for cultural research

**SACRED CENTER IN THE SIBERIAN TAIGA: THE IMAGE OF THE
PILGRIM (OKUNEVO CASE)***

Аннотация. В статье на основе полевых наблюдений рассмотрены мотивы посещения сакрального центра, дается собирательный образ паломника.

Ключевые слова: сакральный центр, паломник, мотив.

Annotation. Motives for visiting the sacral centre and the image of the pilgrim discussed in the article on the basis of field studies.

Keywords: sacral centre, the pilgrim, motive.

В недавней статье мы постарались суммировать результаты полевых исследований и достаточно подробно охарактеризовали новый сакральный центр, сформировавшийся за последние 20 с небольшим лет в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области¹. Наблюдая происходящие здесь события, постоянно возникал вопрос: что движет людьми, которые приезжают в Окунево за сотни и тысячи километров? Россияне, иностранцы, организованными группами, в одиночку, увольняясь ради этого с работы, если не удалось взять отпуск? Едут не в отели all

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00431 «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами»

inclusive на берегу теплого моря, а в нормальную такую российскую деревню с удобствами на улице, по разбитой дороге, на рейсовых автобусах и дорогих автомобилях? За летний сезон Окунево посещают около 40 тысяч человек. Собственно население деревни при этом составляет 750–770 человек.

В настоящее время в деревне официально зарегистрировано 3 религиозно-культурных организации: Омкар «Шива Джам» церкви Хайдакан ди Самадж, община кришнаитов и «Культурное наследие и творчество» (ведические православные). Если первые две организации имеют довольно много общего в вопросах вероучения, базирующегося на индуистских корнях, то последняя отличается тем, что проповедует идею возрождения праславянских традиций.

Но эта разница не мешает представителям этих вероучений мирно сосуществовать в пространстве деревни, организовывать как совместные, так и отдельные мероприятия, приуроченные к традициям и правилам своего взгляда на мир. Такой микроклимат повышает привлекательность этого места для многих категорий паломников, туристов и просто интересующихся, ищущих людей.

Приезжающих в Окунево можно разделить на несколько категорий: туристы, любители отдыха «дикарями», вдали от цивилизации и ее благ, которым нравится окружающая природа; последователи разного рода эзотерических практик (контактеры с инопланетянами и мистическими существами, экстрасенсы, парапсихологи, сторонники нетрадиционной медицины, рэйки и т.д.); адепты религиозно-культурных учений, представленных в Окунево (бабаджисты, кришнаиты, «славяне», староверы-инглинги); «свободные художники», разного рода неформалы. Границы между категориями условны либо стираются за время, проведенное здесь, и часто происходит так, что, приехав туристом, следующий приезд совершают уже в другой категории (категориях).

В качестве мотивации поездки высказываются разные обстоятельства: любопытство, красивая природа, желание отдохнуть вдали от города, приобщение к таинственному и, как следствие, желание изменить что-то в жизни (как в своей, так и во вселенском масштабе) в лучшую сторону, поиски своего предназначения в этом мире и т.д.

Показательным примером такого поиска стала история, записанная в июле 2012 г. в деревне Окунево Муромцевского района Омской области. Моим информатором стала Лидия, женщина 70 лет из Краснодара. В Окунево она была впервые, приехала только на одну ночь, представилась как космоэнергетик третьего уровня. По ее словам, она несколько раз мельком видела передачу по РЕН-ТВ, там про Окунево рассказывали и ее это заинтересовало.

Поэтому «...я такой путь проделала. Я была в Киргизии, в Чолпон-Ате, могла из Бишкека улететь в Краснодар, домой, но в Чолпон-Ате когда я была, увидела вдруг автобус Чолпон-Ата – Омск, а Окунево ведь в Омской области, и я решила поехать в Омск, двое суток ехали на двухэтажном автобусе, приехали ночью в Омск, я сразу купила билет на поезд до Краснодара на следующий день и на сутки решила приехать в Окунево. Хотела и дольше остаться, но нужно домой ехать, помидоры спеют, нужно закатывать, муж там один, раздаст помидоры всем по ведру. Поэтому решила хотя бы заехать, узнать, посмотреть, что это за место – Окунево. Я не напрасно приехала, хоть увидела».

Свои духовные поиски она начала несколько лет назад с вопроса о том, что «...не может человек так просто прожить и уйти, и ничего не оставить. Все это должно быть как-то объяснено, почему мы живем на земле. Зачем вот я живу на земле? Есть, пить, какую-то работу выполнять? Я понимала, что нет, так не должно быть. Это что, я автомат что ли? Нет, я не автомат, я живая душа, значит, мне что-то предназначено. Что бог есть, я, конечно, верила в это, но верить – это мало, надо еще знать и чувствовать, что бог

есть. Рамта* пишет, если ты захотел что-то узнать, познать, куда-то съездить, лучше сразу сделать это, иначе будешь заболеть, если ты не выполнишь свое стремление. Почему я и сюда, в Окунево, приехала. Иначе будешь думать, постоянно думать будешь и болеть». Такого рода истории не являются рядовыми для Окунево, хотя и к абсолютно редким тоже не относятся. Этот рассказ подтверждает тезис о том, что, как правило, случайных людей в Окунево не встретишь, приезжают сюда уже имея некий информационный багаж.

В последние несколько лет растущую популярность деревни Окунево активно используют туристические фирмы. Большинство омских турфирм предлагает своим клиентам различные виды отдыха в Окунево: туры выходного дня, туры на различные мероприятия, проходящие в Окунево (праздники, семинары, мастер-классы и тренинги эзотерического характера), путешествия по «местам силы и выхода энергии», йога-туры и др. Аналогичные предложения встречаются и в ряде турфирм из соседних городов (Новосибирск, Курган, Челябинск, Екатеринбург и др.), а также Москвы и Санкт-Петербурга. Здесь можно говорить о том, что Окунево становится привлекательным бизнес-проектом для местной туристической отрасли, в планах которой организация туров не только в теплое время года, но и в зимний период.

Основываясь на полевых наблюдениях, можно выделить общие и особенные черты туристов и паломников в Окунево. Это городские жители, мужчины и женщины, в возрасте примерно 25-50 лет, уровень образования не ниже среднего, высокий процент людей с высшим образованием, определенным социальным статусом. Как правило, этих людей отличает начитанность, не устраивает сложившийся ход вещей, либо произошло некое

** Рамта - один из самых известных духовных учителей современности, не является воплощённым человеком. Считается, что ему 35 тысяч лет, когда-то он был великим завоевателем, а затем пережил Просветление и Вознесение. С 1977 года он передает свои учения через земную женщину по имени Джей Зи Найт.*

событие, которое подвигло их на поиск новых жизненных ориентиров. Общее соотношение мужчин и женщин примерно равное, хотя имеются различия в зависимости от целей приезда. Среди тех, кто интересуется «славянами», а также в составе неформальных групп наблюдается небольшое преобладание мужчин молодого и среднего возраста. В составе туристов-эзотериков заметно больше женщин среднего и старшего возраста, мужчины здесь часто выполняют роль руководителей, лекторов, «мастеров», «проводников по энергетическим зонам» и т.д. или являются мужьями, спутниками, сопровождающими своих женщин. У поклонников восточных учений, пожалуй, наиболее сбалансированное соотношение мужчин и женщин с некоторым преимуществом последних, в основном это люди молодые и среднего возраста, как правило, с высшим образованием.

Ярким событием является этнофестиваль «Солнцестояние», организуемый в Окунево с 2010 года. Инициаторами проведения этого мероприятия являются последователи праславянских традиций, объединенные в разные общественные организации. В 2013 г. организатором фестиваля значился Омский региональный общественный Фонд развития культуры и спорта молодежи. Проводится фестиваль в период летнего солнцестояния под девизом «Солнце светит всем». Одной из его главных задач является «популяризация народных обычаев и традиций во всем их многообразии», пропаганда здорового образа жизни. Организаторы фестиваля проводят целые лекции о вреде алкоголя и недопустимости присутствия пьяных на мероприятии.

Формат фестиваля предполагает участие музыкальных групп и творческих коллективов из разных регионов России, исполняющих фолкмузыку, а также целый ряд событий под открытым небом: живая музыка, площадка для общения единомышленников, проведение купальских обрядов, приобщение к культуре своих предков, пропаганда здорового образа жизни и т.д. У гостей есть возможность посетить ярмарку, школу ремёсел, психотренинги, семинары, приобщиться к старинным обычаям и

поучаствовать в играх и молодецких забавах. В 2012 году фестиваль собрал рекордное количество посетителей: за два дня в мероприятиях приняли участие около 7 тысяч человек со всей России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

На фестиваль приглашают последователей всех вероучений, представленных в Окунево, отдыхающих там в этот период туристов, местных жителей. Площадку этнофестиваля используют для проведения своих семинаров и тренингов разного рода эзотерики, последователи нетрадиционной медицины, парапсихологи и т.д. Большое количество людей, их компактное размещение, атмосфера праздника являются благоприятными условиями для рекламы такого рода деятельности и привлечения в свои ряды новых сторонников.

Такие явления современности, как деревня Окунево и сформировавшийся вокруг нее сакральный центр, являются следствием модернизационных процессов, уничтожения живой природы, разрушения народной культуры, дефицита живого, простого человеческого общения. Приезжая в Окунево, человек, пусть и на короткий период, сбрасывает с себя условности большого города, бешеный ритм жизни, зависимость от современных средств коммуникации (даже сотовая связь в Окунево практически отсутствует, не говоря о wifi), погружается в природу. Пребывание в Окунево является своеобразной психологической разгрузкой для городского жителя. А когда вокруг происходят интересные, не до конца понятные события, в которых можно принять личное участие – эффект усиливается.

¹Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013. С. 107 – 113.

О.В. Смурова

Кострома, государственный технологический университет

**КОСТРОМСКИЕ РЕМЁСЛА И ПРОМЫСЛЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

O.V. Smurova

Kostroma, State Technological University

**KOSTROMA CRAFTS AND TRADES: A HISTORICAL
RETROSPECTIVE AND MODERNITY**

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение традиционных ремесел в исторической ретроспективе, описывается их значение в дореволюционной России и в первые десятилетия Советской власти, окончательное уничтожение в хрущевский период в связи с установкой на разработку государственной системы бытового обслуживания. Современное возрождение сельских ремесел связано с городом, где их развитие актуализируется туризмом и стремлением показать местную культуру представителям других культур.

Ключевые слова. Ремесла, Кострома, историческое развитие, современное состояние.

Annotation. The article discusses the role and importance of traditional crafts in historical retrospective, describes their life-saving value in pre-revolutionary Russia and in the first decades of Soviet power, the final destruction of the existing system in Khrushchev period in connection with the installation to develop the state system of consumer services. A modern revival of rural crafts is primarily associated with the urban space, where their development is actualized by tourism and the desire to show the local culture to representatives of other cultures.

Keywords. Crafts, Kostroma, historical development, current status.

Традиционные ремёсла – основа любой культуры, сформировавшаяся в глубокой древности как результат узнавания природного пространства и созидания жизнеобеспечивающего бытоустройства, воплотившая духовные идеалы народа конкретной местности. Предметы ремесла являли собой слитность функционального, магического и эстетического начал.

Ремесленно-промысловая деятельность центральной части дореволюционной России представляла собой систему, возникшую в значительной степени как плод саморазвития деревни и органично соответствующую мелкодисперсному принципу сельских поселений, характерных для данного региона. В н. XX в. бытовые нужды крестьян удовлетворялись благодаря получившим широкое распространение кустарным промыслам (деревообработка, металлообработка, гончарное дело, ручное ткачество, кожевенное дело и т.д.). По данным подворных переписей 1897–1905 гг. ими занимались 86,4% крестьянских хозяйств Костромской губернии¹. В сёлах и деревнях между ними возникали устойчивые связи по обмену товарами и услугами. Промыслы послужили и базой формирования мелкой кустарной промышленности страны. Накануне Октябрьской революции она производила свыше 40% предметов потребления, в ней было занято 4 млн. человек, преимущественно сельского населения пригородов и деревень². Сознвая её значение, советское правительство в апреле 1919 г. издало Декрет о мерах содействия ей³. Революция и Гражданская война привели к сокращению численности рабочей силы (в 1920 г. – 34,5% к уровню 1913 г.⁴) и производства (до 30-40%⁵).

Политика НЭПа вселяла надежды на оживление кустарной промышленности. Благодаря покровительству государства, количество кустарей в СССР к 1926 г. увеличилось до 3,5 млн. человек, что составило 78% от довоенного уровня⁶. А в сельской местности в 1926-1927 гг. число занятых в кустарной промышленности превзошло довоенный уровень и

составило 100,8% к 1913 г.⁷ Кустарные промыслы РСФСР были по преимуществу сельскими: 79,4% занятых лиц работали в сельских промыслах⁸.

Суть преобразований в удовлетворении бытовых нужд сельского населения в те годы заключалась в попытках перехода от самообслуживания и обслуживания крестьян кустарями-одиночками к кооперативным формам обслуживания. К концу первой пятилетки кооперация объединяла $\frac{3}{4}$ всех кустарей, тогда как в 1928 г. – лишь 31,5% занятых в мелкой промышленности⁹. Рост кооперации в кустарной промышленности во многом явился не победой её экономической целесообразности по сравнению с другими формами хозяйствования, а был продиктован необходимостью выполнения директив.

Коллективизация промыслов, в известной мере, явилась лишь первым шагом на пути их огосударствления и создания крупных производств. Не отрицая положительных моментов подобных преобразований – увеличение объёмов производства товаров широкого потребления, улучшение условий труда и т.п., – нельзя не сказать и о негативных сторонах этого процесса: насильственном характере преобразований, выкачивании из кустарной промышленности квалифицированных кадров, об «уходе» из села производства товаров первой необходимости, а, значит, усложнении и условий быта проживавших там людей, об ограничении деятельности промысловой кооперации. И, тем не менее, перед войной промысловую кооперацию представляли 25,6 тыс. кооперативов, объединявшие 2,6 млн. человек и производившие на 28,2 млрд. рублей продукции¹⁰.

В первое послевоенное десятилетие промысловая кооперация развивалась довольно успешно: восстанавливалась численность артелей и их рабочий состав. Так, если в 1951 г. в Костромской области насчитывалось 79 артелей, то к 1955 г. их количество возросло до 104¹¹. На начало 50-х гг. в костромской деревне располагалось 63,2% предприятий промысловой кооперации. Это позволяло приблизить производство бытовых услуг и

товаров широкого потребления к сельским жителям, обеспечить их круглогодичную занятость. Строительство артелями в сёлах и деревнях жилья, клубов, библиотек расширяло социально-бытовую сферу села.

Реорганизация 1955-1956 гг. подорвала материально-техническую и кадровую базу промысловой кооперации. Только в Костромской области в систему государственной промышленности были переданы 21 специализированная артель с объёмом производства 75,3 млн. рублей¹². Постановление 1960 г. нанесло окончательный удар промысловой кооперации¹³. Ликвидация промысловой кооперации, политика «наступления» на кустарей в совокупности с демографическими изменениями на селе способствовали разрушению старой, пусть и не во всём совершенной, системы бытового обслуживания сельского населения. Не менее серьёзным последствием подобной политики явилось забвение традиционных ремёсел и промыслов, олицетворявших своеобразие русской культуры в целом и локальной, костромской культуры в частности.

Реакцией российского общества стало стремление к созданию музеев под «открытым небом», как это было в к. XIX в. в Швеции, где процесс урбанизации, поглощавший старую Швецию, начался раньше. Частью этой программы стало изучение внутренней жизни деревни, ремёсел и обрядов, организация праздников ремёсел. Заметим, что даже хронологически эти явления совпадали: огосударствление ремесленно-промысловой деятельности, переход к государственной системе бытового обслуживания сельского населения и время возникновения, в частности Костромского музея народной архитектуры и быта.

Болезненный и противоречивый процесс перехода к многоукладной экономике с конца 80-х гг. XX в. вновь создал нишу для восстановления ремесленно-промысловой деятельности. Деревенские ремёсла стали перекочёвывать в городское пространство и «обосновываться» в музеях (в том числе частных), Центрах творчества молодёжи, частных мастерских. Актуализирует возрождение ремёсел в городе развивающийся туризм,

поэтому наметилась тенденция размещения подобных образований на туристских «тропах». В частности, буквально за последнее десятилетие в центральной части Костромы и по дороге к наиболее посещаемому Ипатьевскому монастырю появились: ткацкая мастерская историко-этнографического и ландшафтного музея «Костромская слобода», частный музей льна и бересты, музей «Лес-чудодей», музей петровской глиняной игрушки, мастерская русской вышивки, студия «Лоскутная фантазия», студия «Моделирования и плетения художественных изделий из бересты», студия изобразительного и декоративно-прикладного искусства при Центре научно-технического творчества «Истоки», музей ювелирного искусства.

Нельзя не сказать и о проблемах этого процесса. Уже далеко не все виды уникальных ремёсел могут быть возрождены, в частности, тончайшее и полихромное галичское кружево. Парадоксально, что некоторые виды ремёсел за счёт отхожих промыслов более известны за пределами области, нежели в самой Костромской. К примеру, кистевая роспись по дереву вызывает неподдельный интерес у исследователей и любителей народного искусства в Архангельске. Важной задачей сегодняшнего момента в условиях глобализации, доступности различной информации является сохранение подлинных костромских уникальных ремёсел от «растворения» в общероссийском материале в угоду потребительскому спросу. Необходима активизация научного изучения ремёсел, технологии, образного содержания, колористического своеобразия и проч., пропаганда уникальных особенностей костромских ремёсел, формирование ответственности за сохранение локального костромского варианта культуры.

¹ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 120.

² Итоги Всесоюзной переписи социалистической промышленности за 1938 г. – М., 1939. – С. 1-3.

³ Декреты Советской власти. – М., 1971. – Т. 5. – С. 103.

⁴ Кустарная промышленность и промысловая кооперация: Материалы 3-го Пленума ВСНХ РСФСР, 27 февр.– 1 марта 1928 г. – М., 1928. – С. 14.

⁵ Бузлаева А.И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. – М., 1969. – С. 49.

- ⁶ Кустарная промышленность и промысловая кооперация. – Указ. соч. – С. 14.
- ⁷ На путях обобществления мелкой промышленности СССР. – М., 1929. – С. 13.
- ⁸ Кустарная промышленность и промысловая кооперация. – Указ. соч. – С. 16.
- ⁹ Костин С. Промкооперация к XVI годовщине Октября. – М., 1933. – С. 65.
- ¹⁰ Экономическая энциклопедия. – М., 1975. – т.2. – С. 252-253.
- ¹¹ ГАКО (Государственный архив Костромской области). Ф.Р. – 1538. – Оп. 4. – Д. 389. – Л. 69.
- ¹² ГАКО. Ф.Р. – 1538. – Оп. 4. – Д. 389. – Л. 145.
- ¹³ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 20.07.1960 г. № 784 «О промысловой кооперации» [Электронный ресурс]//Режим доступа: tehnorma.ru; ЦДНИКО (Центр документации новейшей истории Костромской области). – Ф. 765. – Оп. 8. – Д. 146. – Л. 9; Д. 149. – Л. 41-42.

Ф.С. Татауров

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**СТАТУСНЫЕ ВЕЩИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ
СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVII - XVIII ВЕКАХ***

F.S. Tataurov

Omsk, brunch of Institute of archaeology and ethnography

of Siberian brunch of Russian Academy of sciences

**STATUS THINGS AS THE BASIS FOR COMPARISON OF RURAL AND
CITY SOCIETY OF WESTERN SIBERIA IN THE XVII-XVIII
CENTURIES***

Аннотация. Эта работа посвящена социальным группам и группам городских и сельских жителей Западной Сибири XVII-XVIII, их сравнению с помощью статусных вещей, полученных в ходе археологических раскопок.

Ключевые слова. Статусные вещи, городские и сельские жители, археологические источники.

Annotation. This work is devoted to social groups and groups of urban and country people of Western Siberia of XVII-XVIII and their comparison with the help of the status things received during archeological excavations.

Keywords. Status things, urban and rural residents, archaeological sources.

Появление в истории человека вещевого комплекса положило начало культуре в самом широком ее понимании, потому что вещь – это носитель информации. Она может рассказать, в том числе и о социальном расслоении

**Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-31-01023*

общества, выделить основные его группы. Такую вещь (предмет) можно назвать статусной и ее приобретают не в целях хозяйственных или бытовых нужд, а чтобы подчеркнуть благосостояние, социальное положение владельца.

Изучение комплекса статусных предметов, полученных в результате археологических исследований, поможет лучше понять, в каких условиях

жило сельское население Западной Сибири, какие выделяются социальные слои и, какую роль играли статусные вещи для каждого из слоёв.

В исторической литературе существует точка зрения, что русские переселенцы в Западной Сибири в XVII-XVIII веках жили гораздо лучше, чем жители Центральной России. Высокий уровень жизни объяснялся, в первую очередь, отсутствием крепостного права, а также земельным изобилием, которое давало возможность обрабатывать значительно большее количество земли, нежели в Европейской России¹.

К сожалению, пока не исследовано ни одной деревни XVII века, где жили бы преимущественно крестьяне, во всех раскопанных сельских памятниках большую часть населения до середины XVIII века составляли служилые люди, и лишь небольшое количество семей, возможно, были крестьянскими². В целом, анализируя с точки зрения предмета нашего исследования археологические материалы сельских поселений Омского Прииртышья Ананьино-I, Изюк-I и Бергамак-I, можно сказать, что население села жило не бедно и пыталось активно демонстрировать свой социальный статус. На памятниках были обнаружены фрагменты китайской фарфоровой посуды, серебряные серьга и перстень, обувь западно-европейских образцов, европейские бусы, бутылочное стекло, курительные трубки и оконная слюда. Большое разнообразие статусных вещей говорит о том, что село старалось не отстать от города, его жители пытались следовать моде, покупали дорогие импортные товары.

Развивая эту тему, следует отметить, что население городов XVII – XVIII вв. по своему благосостоянию мало отличалось от деревенского,

исключение составляли только купцы и чиновники царской администрации, офицеры-дворяне и крупные промысловики, имевшие более высокий доход и социальное положение. Но и они, для того, чтобы подчеркнуть свой статус использовали практически те же вещи, что и сельские жители, но в более расширенном ассортименте. Это подтверждается археологическим материалом (фарфоровая посуда, изразцы, оконная слюда, курительные трубки, перстни, пуговицы, сапоги), однако следует отметить, что в городах, например, пока не было найдено западно-европейских образцов обуви, подобных той, что была обнаружена на сельском памятнике Изюк-I.

Жители города имели тесные контакты с крестьянами близлежащих деревень: многие выезжали на сельские ярмарки и принимали родственников и знакомых во время городских ярмарок. Ярмарки играли особую роль в жизни сибиряков, особенно в Tobольской губернии, где они были более всего распространены. Они служили не только местом для обмена товарами и сельскохозяйственными продуктами, но и для общения, передачи информации.

В результате поездок тарских купцов на сельские уездные ярмарки расширялись не только деловые контакты с сельскими торгующими крестьянами и купцами, но и перенимался житейский опыт, элементы одежды, «домообзаводства», манеры, личностные качества³.

У городских жителей крестьяне перенимали модные виды одежды: пальто, брюки, юбку, фартук, картуз, фуражку, шаль, полушалок, сапоги. В западносибирской деревне раньше, чем в европейской части страны, широкое распространение получили женская пара (юбка и разные виды нагрудной одежды), платье, мужской жилет⁴.

Высокий уровень жизни сибиряков, будь-то горожан или крестьян, свобода и самостоятельность определили рождение нового, необычного для рядового жителя Европейской России, внешнего вида старожилов. В основе его были опрятность, чистота, достаток, обязательное наличие праздничной «покупной» одежды у каждого человека. Особенно это касалось сибирячек.

Они позволяли себе носить то, что обычно было достоянием «высоких» сословий горожанок Европейской России. Повсеместные находки на русских памятниках дорогой шёлковой и атласной ткани подтверждают это. Сибирский житель старался подчеркнуть свой статус, показывая своё лучшее положение по сравнению с жителями Центральной России.

Выше крестьян и посадских горожан по своему статусу были служилые люди, составлявшие средний слой сибирского русского общества между крестьянством и представителями купечества и царских чиновников. Они составляли и одну из самых обеспеченных категорий. Высокое жалование за службу (хоть и нерегулярно выплачиваемое), участие в военных походах и обширные земельные наделы формировали высокий доход. Появлялась возможность пользоваться в повседневной жизни предметами, которые не только несли в себе эстетическую функцию, но и подчёркивали статус обладателя.

Основную массу служилых в Сибири составляли казаки, пешие и конные, а также стрельцы. Наиболее многочисленной категорией были пешие казаки⁵. В деревнях Ананьино и Изюк (теперь археологические памятники Ананьино-I и Изюк-I), где по данным источников проживали казачьи семьи, было обнаружено большое количество статусных вещей. Служилое население стремилось показать свой статус, прежде всего в глазах высших слоёв, отмежевав себя от крестьянства. Статусные вещи приобретались, возможно, даже в ущерб хозяйственной деятельности.

Именно служилые люди, наряду с крестьянами-переселенцами, вносили наибольший вклад в хозяйственное освоение этих земель. Так, в сибирской столице - Тобольске - в середине XVII в. половину от общего числа торговцев, ремесленников и промышленных людей составляли именно представители служилого сословия, и это несмотря на загруженность своими прямыми обязанностями, вообще-то не предусматривавшими подобного рода деятельности⁶. Но эти занятия открывали доступ служилых людей к статусным вещам, которые они могли приобретать по сниженной цене, модным привычкам, например, курению табака.

Высший слой общества составляли царские чиновники. Занимая высокие посты, получая высокий доход как от государственной службы, так и от многочисленных взяток и поборов, эти люди могли обладать самым широким ассортиментом статусных вещей. Это подтверждается, например, археологическим материалом с раскопок воеводской усадьбы в Томске, где была найдена и фарфоровая посуда, и изразцы, перстни и другие статусные вещи⁷. При этом нельзя забывать, что в самом высшем социальном слое роль статусных вещей уменьшается, так как широкие полномочия воевод при знатности их происхождения, как писал С.В. Бахрушин, «создавали им в Сибири особый ореол власти. В глазах сибиряков воевода нередко заслонял собою фигуру далекого царя»⁸. Статус чиновников низших рангов, конечно, не был таким высоким, но и они старались использовать по максимуму своё положение, притом, что им, в отличие от воевод, больше всего хотелось подчеркнуть свой статус, с помощью статусных вещей поднять себя над остальным обществом.

В крестьянские слободы назначались особые приказчики пашенных крестьян. Наряду со служилыми людьми, чаще всего «детьми боярскими», на эти должности иногда назначались и посадские люди. Основная их обязанность заключалась в том, чтобы следить за исправным выполнением государевыми пашенными крестьянами повинностей и за расширением казенной запашки. В помощь приказчику крестьянский мир обязан был выбирать целовальников (для приема и хранения хлеба), старост, пятидесятских и десятских (для выполнения полицейских функций)⁹.

Все эти многочисленные чиновники обладали довольно высоким благосостоянием, стараясь его приумножить всеми средствами. Незаконное винокурение, взятки и контрабанда приносили большую прибыль. Эти люди были наиболее зависимы от моды и статусных вещей, здесь работали механизмы «демонстративного потребления» - люди тратили деньги на покупку вещей нехозяйственного назначения, играли в азартные игры, употребляли алкоголь.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что сельское население Западной Сибири жило в относительном благополучии и потому уделяло так много внимания нехозяйственной стороне своей жизни. Разнородное, недавно сформировавшееся русское сибирское общество в той или иной степени нуждалось в самоидентификации, в утверждении своего нового статуса. Прежние социальные рамки были сломаны, на смену нескольким старым культурам приходит одна новая. Все слои нового общества нуждались в статусных вещах, чтобы показать как своё положение в новом обществе, так и отличия от общества старого, особенно это касалось низших слоёв – крестьян и посадского населения, желавших провести отличие между нищим закрепощённым крестьянством Европейской России и собой.

К концу первой трети XVII века на смену периода выживания и сложной адаптации к условиям жизни в суровом климате и враждебной окружающей среде пришла пора обустройства и создания нового, «сибирского» имиджа.

¹Андыусев Б.Е. Сибирское краеведение. 2-е издание. – Красноярск, РИО КГПУ, 2003. – С. 287

²Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – Омск: Издательский дом «Наука», 2012. – С.136-144

³Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири (Штрихи к социально-психологическому портрету) // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. - Омск, 1998. – №6 - С. 314

⁴Шелегина О.Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX столетии // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Наука, 1997. – 192 с.

⁵Никитин Н. И. Указ.соч. – С. 81

⁶Никитин И.Н. Указ.соч. – С.33

⁷Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. - Томск, 2002. – 194 с.

⁸Бахрушин С.В. Воеводы тобольского разряда в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1 - М., 1955 - С. 253-262.

Л.В. Татаурова

*Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

**КУЛЬТУРА И СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ
ДЕРЕВНИ XVII-XVIII ВВ. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ***

L.V. Tataurova

*Omsk, brunch of Institute of archaeology and ethnography
of Siberian brunch of Russian Academy of sciences,
State university F.M. Dostoevsky*

**CULTURE AND LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE SIBERIAN VILLAGE
OF THE XVII-XVIII CENTURIES. ACCORDING TO ARCHEOLOGY***

Аннотация. В статье используются возможности археологического материала в качестве основы для исторической реконструкции культуры и системы жизнеобеспечения в сибирской деревне XVII-XVIII веков.

Ключевые слова. Культура жизнеобеспечения, сибирский регион, археологические источники.

Annotation. Possibilities of an archaeological material as bases for historical reconstruction of culture and a life support system of the Siberian village of the XVII-XVIII centuries are considered.

Keywords. Culture livelihood, Siberian region, archaeological sources.

Для Сибирского региона XVII век стал не только началом Нового времени, но и периодам формирования нового сибирского населения на основе русских, славянских и других переселенцев из Европы и Европейской России, и аборигенных народов. Расселяясь по просторам Сибири пришлое

**Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-31-01023*

население основывало под защитой городов и острогов свои села и деревни и создавало культуру и системы жизнеобеспечения в соответствии с традициями, принесенными с мест выхода. Но этот процесс, занявший два столетия, не был замкнут в рамках принесенной традиции, в него активно включались элементы системы жизнедеятельности коренных сибирских народов, которые были более приспособлены к климатическим и ландшафтным условиям Сибири.

Культура и системы жизнеобеспечения сибирской деревни XVII-XVIII веков, да и последующего времени, как правило, рассматриваются исследователями на основании письменных источников и этнографических материалов¹. Однако письменные источники, в основном, касаются политической истории, демографии, размеров земельных наделов, количества скота и т.д. Этнографические материалы получены не ранее XIX века, и представляют отдельные элементы культуры и системы жизнеобеспечения: поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежду, пищу, некоторые типы хозяйства, знания о которых транслируют и на период XVII-XVIII вв., что не всегда правомерно.

На сегодняшний момент мы можем сказать, что имеем более адекватный исследуемому времени источник по изучению культуры и систем жизнеобеспечения сибирской деревни – археологический. Несмотря на свою специфику, он более полно представляет многообразие жизнедеятельности человеческих коллективов.

Прежде чем рассмотреть возможности археологического материала как основы для исторических реконструкций жизни сибирской деревни XVII-XVIII вв., необходимо представить опорные понятия.

Культура жизнеобеспечения как явление, свойственное человеческим сообществам, рассматривалась в конце прошлого века многими учеными, не ставя целью историографический обзор, остановимся на определении, данном в монографии «Культура жизнеобеспечения и этнос»: под культурой жизнеобеспечения понимается «процесс экологической адаптации общества

к природной среде путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах, путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды»; «особая роль культуры жизнеобеспечения состоит в физическом обеспечении жизнедеятельности людей»². «Система жизнеобеспечения в ней, это результаты формирования региональной традиционной культуры, адаптированной к ландшафту, механизмы закрепления и воспроизводства разных элементов материальной и духовной составляющих модели региональной традиционной культуры»³.

Эти два определения тесно сопряжены между собой, где система является составляющей частью культуры жизнеобеспечения. Закрепляя за системой региональный компонент культуры, можно заключить, что совокупность региональных систем формирует традиционную культуру жизнеобеспечения этнической общности, проживающей на определенной территории, например, в Сибири.

Основной массой переселенцев в Сибирь были русские, поэтому освоение территории и создание системы жизнеобеспечения происходило в традициях русской культуры, но с теми региональными особенностями, которые принесли переселенцы, и которые появились в условиях адаптации к новым территориям и взаимодействия с коренным населением. И эти новации при комплексном использовании различных источников можно проследить в археологическом материале, например, в орнаментации керамики, бытовом инвентаре⁴.

В культуре жизнеобеспечения выделяют материальную и духовную сферы. И если письменные и этнографические источники при анализе культуры дают нам представления о некоторых типах жилищ и хозяйственных построек, пище и одежде, планировочных структурах поселений, то археологический материал наполняет эти описания реальным содержанием. Например, для XVII века основным типом жилища была изба-связь⁵, археологические материалы, полученные с территории Омского

Прииртышья, подтверждают и дополняют эту информацию. Кроме избы-
связи строили так же одностопные избы, пятистенки и пятистенки с
прирубом. Существенные дополнения дает археология в плане изучения
техники домостроения. Если в этнографической литературе,
характеризующей XVII-XVIII век, информация по этому поводу крайне
скупа: «бревна в венцы соединяли с выпуском концов «в угол», иначе – в
«обло», или «чашу»... известны и другие приемы рубки, например, «в
замок»⁶, то при исследовании автором жилых и хозяйственных построек на
поселениях Ананьино, Изюк, Бергамак, в Омском Прииртышье, даты
основания которых приходятся на начало, середину и конец XVII века, –
зафиксированы практически все домостроительные приемы, которые в
этнографических материалах характеризуют XIX-XX век⁷.

Важное место в системе жизнеобеспечения имеет утварь, бытовые
предметы, а также хозяйственный инвентарь, который для периода XVII-
XVIII вв. широко представлен только в археологических коллекциях. Они
дают возможность изучить не только ассортимент, например, посуды, ножей,
кресал, предметов индивидуального пользования (гребни, предметы личного
благочестия, элементы костюмных комплексов - украшения, обувь) и т.д.,
используемых в быту, но и исследовать технологию, качество изготовления
и, соответственно, уровень производства изделий, пути распространения и
проч. Выйти на уровень реконструкций, например, структуры питания: на
основе изучения типов посуды и связанного с ними назначения и
применения, а также в совокупности с данными по палеозоологии,
карпологии, сведениями по видам ловимой рыбы, и т.д. Изучение
хозяйственного и промыслового инвентаря позволяет рассмотреть структуру
хозяйства и промыслов, направленных на обеспечение жизнедеятельности
людей⁸.

Даже ограниченные возможности археологических материалов в плане
изучения духовной культуры позволяют реконструировать некоторые ее
стороны, а так как большинство элементов культуры полифункционально, то

через материальные предметы можно воспроизвести некоторые духовные традиции. Например, элементы досуга, к которым относятся детские игры (в том числе обучающие и развивающие)⁹. Кроме того, на основании данных погребальных комплексов, возможно моделирование сюжетов похоронной обрядности¹⁰. Антропологический материал погребений позволяет выполнить биоархеологические реконструкции образа жизни и состояния здоровья сельских жителей, проследить маркеры агрессивности окружающей среды и неблагоприятной социальной атмосферы в популяции¹¹.

Подводя итог можно сказать, что комплексное изучение археологических материалов в совокупности с письменными и этнографическими источниками позволят реконструировать культуру и системы жизнеобеспечения сибирской деревни XVII-XVIII вв., проследить изменения в этих системах, наполняя их конкретным «вещным» материалом.

¹Например: Этнография русского крестьянства Сибири XVII – XIX вв. – М.:Наука, 1981. Традиционная культура русских Западной Сибири XIX-XX веков. Очерки истории и быта. – Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003; Липинская В.А.Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) – Новосибирск: Наука, 1992; Шелегина О.Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX столетии //Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Наука, 1997; Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты.XVII-XX вв.): Учебное пособие. – М.:Логос,2001 – Вып. 1; 2002. - Вып. 2. И др.

²Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) – Ер.: Изд-во АН Арм.ССР, 1983. – С. 36.

³Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX - начале XX вв.: Система жизнеобеспечения. - Автореферат дисс. на соиск. учен степени д.и.н., - СПб., 2003. – С. 3.

⁴Татаурова Л.В. Орнаментальное творчество на посуде русских сибиряков в XVII-XVIII вв. (по материалам археологических исследований) // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Издательский дом «Наука»,2013. – С. 217-222.

⁵Этнография русского крестьянства Сибири XVII – XIX вв. – М.:Наука, 1981.- С. 102-106.

⁶Этнография русского крестьянства Сибири XVII – XIX вв. – М.:Наука, 1981.- С 112.

⁷Майничева А.Ю., Люцидарская А.А. Традиции строительного дела, верования и обрядность русских старожилов Приобья в конце XIX – начале XX вв. //Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX вв. (Очерки истории и быта). – Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. – С. 85-106.

⁸См., например, Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам)// Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1998а. – Т. 3. – С. 88-89; Татаурова Л.В. Реконструкция структуры питания русских Среднего Прииртышья в XVII-XVIII вв. по археологическим материалам //Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Наука-Омск, 2003. - С. 122-125. Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. - Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. С. 356–367.И др.

⁹Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения среднего Прииртышья в XVII-XIX вв. (по данным археологии) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интеграции и реконструкции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. - С. 197-200.

¹⁰Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII-XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Изд-во Апельсин, 2010 – 284 с.- илл.

¹¹Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первопоселенцев Тарского Прииртышья (по материалам могильника Ананьино – 1) //Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень, 2012 - №3 (18) – С. 92-101. <http://www.ipdn.ru/rics/va>

К.Н. Тихомиров

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСТРОЙСТВА ПЕЧЕЙ НА ПИТАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОТАЁЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕГО
ПРИИРТЫШЬЯ В XX ВЕКЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ***

K.N. Tikhomirov

Omsk, branch of Institute of archaeology and ethnography of SB RAS

**EFFECT OF DEVICES FOR OVENS NUTRITION OF THE SOUTHERN
TAIGA DISTRICT OF AVERAGE PRIIRTYSHE IN THE XX CENTURY
ON THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS ***

Аннотация. В статье представлены данные о тенденциях в питании населения южнотаежных районов Западной Сибири на протяжении XX века. На основании археологических данных изменений, происшедших в устройстве русской печи, делается вывод об изменении структуры питания в целом.

Ключевые слова. Южные районы, Западная Сибирь, устройство печи, изменения в питании, археологические данные.

Annotation. The article presents data on developments in the nutrition of the southern taiga of Western Siberia during the 20th century. On the basis of archaeological research design changes Russian oven, concludes that changes in diet influenced by this change.

Keywords. Southern regions, Western Siberia, the unit furnace, changes in diet, the archaeological evidence.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00187*

Прошедший XX век был богат на различные исторические потрясения, значительно изменявшие повседневную жизнь людей. Конец XIX — первая половина XX века характеризуются тем, что наблюдается приток населения в таёжные районы, связанный с добровольным переселением, ссылкой и эвакуацией во время Второй мировой войны. Вторая же половина характеризуется обратным движением населения, вызванным как прекращением действия некоторых факторов (прекращение войны, репрессий), так и урбанизационными процессами, которые часто стимулировались действиями государства (укрупнение деревень, признание деревень перспективными), негативными последствиями войны (потери мужского населения, послевоенный голод). Эти демографические процессы привели не только к миксации населения, но и трансформации культурных черт.

Важным фактором изменения повседневности стала гласная и негласная политика раскрестьянивания населения, превращение крестьянина в сельскохозяйственного рабочего. Появление сельскохозяйственного рабочего вело к определенным последствиям с характерными атрибутами (установленным рабочим днём, зарплатой). Следует сказать и о запрещении приусадебных участков и личного хозяйства. Это влекло за собой то, что в колхозах, совхозах, рабочих поселках появились столовые, готовые обеды стали возить на «поля», появились столовые на полевых станах, при больницах и т. д. При этом занятие собственным хозяйством стало не обязательным или даже не выгодным. Всё необходимое люди часто получали на работе (включая и питание, и одежду). А при необходимости могли купить всё необходимое, включая продукты питания, на причитающуюся им зарплату в магазинах (особенно с 1960–1970-х годов). Это привело к упадку личного хозяйства, а также к изменениям в традиционном питании. Так в рацион вошла морская рыба как в виде консервов, так и свежемороженая. И к концу XX века она значительно потеснила традиционную озерную и речную рыбу. Всё это в совокупности с доступностью товаров в магазинах

изменяло как традиционные способы добычи продуктов питания, так и сам набор блюд. Например, повсеместно распространяются фабричные макаронные изделия, конфеты и т.д. Ещё Вильям Похлёбкин писал, что метисация культур народов Советского Союза привела к метисации кухонь, чему во многом способствовало включение их в меню пунктов общественного питания, где их рецептура была изменена, упрощена и унифицирована¹. Более того, значительное влияние на рацион оказало и то, что на кухнях указанных точек питания приготовление происходило на плитах с использованием определённой посуды (котлов, кастрюль, сковород и т.д.). Что способствовало включению в систему питания не только блюд, приготовленных на плите, но и распространению плит.

Несмотря на то, что систему питания крайне трудно проследить по материалам археологических исследований, некоторые изменения в системе питания населения Среднего Прииртышья в конце XIX–XX в. можно зафиксировать. Методами получения сведений о таких изменениях в основном будут данные исследования культурных напластований указанного времени и материалы, полученные в результате наблюдений при археологических обследованиях местности. А такие наблюдения могут предоставить такие сведения, какие не попадают этнографам или социальным историкам. Примером таких хозяйственных сооружений может стать обнаружение остатков смолокурен, мельниц, стационарных рыболовных сооружений разного типа в ходе археологического обследования местности в Знаменском, Тевризском, Тарском, Муромцевском и Седельниковском районах Омской области.

В данном случае мы сосредоточим своё внимание на одном из проявлений такой трансформации повседневности. А именно об изменении способа обработки пищевых продуктов по археологическим материалам.

Проводя исследования в различных деревнях Знаменского района (д. Айлинка, р.п. Усть-Шиш, с. Новоягодное и др.) на протяжении ряда лет были сделаны наблюдения над этапами разрушения жилых построек.

В результате выявились следующие закономерности. Первым этапом разрушения становится снятие пола и печных частей приборов (плит, колосников, реже вьюшек и т. д.) причём часто печи довольно значительно разрушались. Наблюдения над разрушенными и целыми печами позволило сделать наблюдения над конструкциями печей, изменениями их устройства, особенностями приготовления блюд.

Все встреченные печи были в основном «русские» и утермарки (контрамарки). Первые использовались для приготовления, вторые для отопления. Следует отметить, что в нашем случае не встречались печки чисто русские, все они подверглись большей или меньшей переделке, связанной, возможно и с тем, что многие исследованные дома были построены уже в 1950 — 1970-е годы.

Преобладающими печами явились русские печи с вмазанной вместо шестка чугунной плитой и встроенной голландской печью. Данные печи как сохранили некоторые особенности русской печи, так и приобрели новые характеристики. Например, во всех печах сохранились варочные камеры от русской печи (горнила), и прямоугольная, приближающаяся к квадрату форма. Новые печи строились, как правило, уже без сруба, прямо на полу. Для предотвращения прогиба пола под фундаментом устраивался дополнительный брус или столб. В то время как печи со срубом могли устраиваться на столбах, вкопанных в материк. Такое устройство печи вело к устранению подпечка. Устранение подпечка было вызвано тем, что вместо шестка устраивалась плита, а под ней располагалась топка, а чем больше её объем тем она эффективнее. Кроме того пристройка голландской печи вызвала необходимость устройства большого количества печных приборов (вьюшек, колосников и т. д.). Появление в торговых точках таких приборов несомненно способствовало распространению таких печей. Сохранившуюся в настоящее время ценность таких приборов подтверждают наблюдения, согласно которым первыми делом из заброшенных домов, из печей забирали чугунную плиту, колосник и

некоторые другие приборы. Даже у печи утермарка забирали печные приборы, оставляя всё остальное.

Все внесенные изменения были вызваны стремлением увеличить эффективность печи, отражали изменения в быту сельского населения. Так распространение пятистенков сделало недостаточно рациональным использование русской печи в качестве единственной печи в жилищах. Это послужило распространению во втором помещении (горнице) отопительных печей, из которых большинство составляли печи утермарка (контрамарки). Которые позволяли быстро и безопасно отопить помещение, с минимальным загрязнением. В свою очередь снятие задач преимущественного отопления всего помещения привело к тому, что большая массивная печь, занимающая много места на кухне и требующая большого количества дров и времени на протопку, стала неэффективна. Это привело к тому, что размеры печи уменьшаются и к ней пристраивается голландская печь, а шесток заменяют плитой. Такая конструкция была довольно эффективной. Она позволяла готовить традиционные блюда русской кухни в горниле (щи, каши, хлеб и т. д.). В то же время наличие чугунной плиты позволяло быстро готовить (варить и жарить) некоторые блюда. Пристройка голландской печи позволяла быстро и эффективно отапливать помещение. В целом такая печь требовала меньшего количества дров и занимала меньше места в помещении. Поэтому не удивительно, что такие гибриды получили широкое распространение.

В свою очередь, распространение встроенных в печь плит вызвало изменения требований к посуде. Плоская поверхность плиты для наиболее эффективного приготовления требовала посуду с плоским дном большой площади, плотно прилегающей к плите. Это привело к широкому распространению различного рода кастрюль и сковород. Наблюдения за оставленными вещами в заброшенных домах и поселениях фиксируют большое количество негодной эмалированной посуды. Чему способствовала её доступность и недолговечность. Так как при сколе эмалевой поверхности она быстро приходила в негодность для готовки и в дальнейшем получала

вторичное использование как ёмкость для сухих продуктов и других надобностей. Приготовление пищи в этой посуде требовало изменений готовки, например, использование жира или масла при жарке. Это привело к тому, что произошли изменения в традиционной кухне.

Таким образом, под воздействием различных событий на протяжении XX века, традиционные способы жизнеобеспечения населения южнотаёжных районов Среднего Прииртышья поменялись. Если в начале XX века здесь доминировала система, направленная на самообеспечение, то к середине века она уже во многом ориентировалась на государственное обеспечение, которое, в свою очередь, повлияло на повседневность сельского жителя. Например, широкое распространение в продаже чугунных печных приборов способствовало широкому распространению переделки русских печей путём встройки в них голландских печей и плит. А это повлекло изменения в кухонной посуде, способов тепловой обработки продуктов, трансформации их рецептуры и даже изменения номенклатуры блюд.

¹ Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. Центрполиграф. Москва, 2004. 640 с.

М.Н. Тихомирова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ В ПИТАНИИ ТАТАР БАРАБЫ

(XX ВЕК – 2010 ГОДЫ)*

M.N. Tikhomirova

*Omsk, branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Science*

DAIRY PRODUCTS IN FOOD OF TATARS OF BARABY

(XX CENTURY – 2010 YEARS)*

Аннотация. В статье исследуются молочные продукты татар, живущих в Барабинской лесостепи (Новосибирская область). Татары Барабы являются группой татар Западной Сибири. Молочные продукты (сливки, сметана, творог, варенец и т.д.) готовились барабинскими татарами в XX веке – 2010-х годах. Рассматриваются этнокультурные особенности молочных продуктов (красный творог, айран, кумыс из кобыльего молока). Специфика вызвана двумя компонентами - местными (барабинских татар) и чужеродными (потомков переселенцев татар из Волго-Уральского региона России).

Ключевые слова. Барабинские татары, молочные продукты, этническая специфика.

Annotation. In research a dairy products of the Tatars living in the Barabinsk forest-steppe (the Novosibirsk region) is considered. Tatars of Baraby are division of Tatars of Western Siberia. The dairy products (cream, sour cream, cottage cheese, varenets, etc.) are listed in article, by Tatars of Baraby prepared in XX century – 2010. The ethnocultural specifics of dairy products (red cottage

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 13-01-00187 «История еды и питания в XX в.: «национальные», этнические и локальные идентичности (на материалах татар Западной Сибири)».*

cheese, ayran, koumiss from mare's milk) are considered in work. The specifics is caused by two components – local (Barabinsk Tatars) and alien (descendants of migrants of Tatars from the Volga-Ural region of Russia).

Keywords. Baraba Tatars, dairy products, ethnic specificity.

В данной работе предполагается рассмотреть традиционные молочные продукты татар Барабы в период XX века - 2010 гг., а также выявить самобытные черты в данном виде пищи, присущие локальным этническим группам.

По современному территориально-административному делению Бараба или Барабинская лесостепь находится на территории Новосибирской области, где татарские населенные пункты располагались в нескольких граничащих друг с другом районах. В северной и западной части области они находились в Северном*, Кыштовском, Усть-Тарском, Венгеровском, Чановском, далее, восточнее, – в Куйбышевском и Барабинском районах. Самыми восточными районами расселения татар Барабы являются Убинский и Каргатский.

Татары Барабы до настоящего времени представляют собой массив не однородный по этническому составу, где выделяется местный и пришлый компоненты. Большую роль в современных этнических и этнокультурных процессах у коренных татар Барабы сыграли переселенцы из Волго-Уральского региона России, которые в большом количестве расселялись в последней четверти XIX – первой трети XX вв. Для этнического развития фиксируются процессы смешения и ассимиляции, причем в отношении обоих компонентов, превалирование пришлых татар над барабинцами¹. Для традиционной культуры – взаимный процесс аккультурации. О культуре

* К настоящему времени в Северном и Усть-Тарском р-нах татарские населенные пункты не существуют. Но, так как в работе хронология исследования охватывает XX в., то мы решили их указать.

татар Барабы в настоящее время можно говорить как о смешанном типе, при котором местный компонент утратил значительное количество самобытных и специфических черт.

В результате массовых миграций татар из Волго-Уральского региона в Убинском и Каргатском районах Новосибирской области сложилась особая группа из переселенцев – каргатско-убинская², сохраняющая специфику в культуре в целом и, в частности, в питании.³

Источником для написания работы послужили материалы этнографических экспедиций автора с 2003 по 2008 гг. Сбором были охвачены практически все населенные пункты во всех перечисленных районах Новосибирской области, а также материалы этнографических экспедиций ТГУ (1971, 1973 гг.), ОмГУ (1975 г.), сведения из научной литературы⁴.

Молочные продукты в питании татар Барабы играли заметную роль в сельских населенных пунктах. Нельзя сказать, что исторически традиционное питание коренных татар базировалось исключительно на молоке и его продуктах, так как в животноводстве не преваляло молочное направление. Такой вывод можно сделать по косвенным данным. В частности, в конце XIX в. у татар Барабы преваляло коневодство. Только в двух инородческих волостях было наиболее развито разведение крупного рогатого скота - Теренинской и Чайской (в настоящее время это территория Каргатского и Убинского р-нов – Авт.) - 5,29 на двор. В других инородческих волостях Барабы скота было 1,17/1,72/1,89 на двор. Такая разница в количестве крупного рогатого скота, по мнению Д.А. Мягкова, связана с бóльшим количеством рабочих лошадей в хозяйстве жителей аулов Теренинской и Чайской инородческих волостей, что повышало их возможности в заготовке кормов⁵. Данными о видовом составе крупного рогатого скота к настоящему моменту мы не располагаем, поэтому нельзя сказать, сколько было коров в хозяйстве жителей аулов этих волостей.

Нет статистических сведений о состоянии животноводства в личном подсобном хозяйстве татар Барабы на протяжении XX в. Согласно нашим полевым наблюдениям, в 2000-х гг. коровы имелись в большинстве хозяйств. Изготовление традиционных молочных продуктов и блюд на основе молока в это время не зависело от удаленности или близости к городским и районным центрам Новосибирской области.

Во второй половине 2000-х гг. в татарских населенных пунктах Барабы производились почти все известные у татар Западной Сибири молочные продукты⁶: сливки, сметана, творог, сквашенный в особых условиях *катык*, а также изготавливали сливочное масло. Татары Барабы употребляли молозиво в вареном виде. Молоко использовали в качестве напитка, им забеливали чай, на его основе варили каши и молочный суп.

К настоящему времени татары Барабы практически перестали готовить ряд молочных продуктов, которые обладали этнокультурной спецификой: красный творог, кумыс, приготовляемый из кобыльего молока.

Красный творог – имел разное название у коренных (барабинских татар) и мигрантов из Волго-Уральского региона. У барабинских татар он назывался *ачегей/ ацегей*. По рассказам жительниц Кошкуля, М. Тебиса (Чановский р-н), Тандова (Барабинский р-н), Усманки (Кыштовский р-н) его варили из творога в толстостенном котле, в котором масса не пригорала. В процессе варки обычно добавляли свежее, реже кислое молоко. При желании могли убрать лишнюю сыворотку, чтобы она не придавала кислого вкуса готовому блюду. Его употребляли в свежем виде с сахаром или сливочным маслом, для длительной сохранности продукт сушили. В 2000-х гг. его практически полностью перестали готовить в населенных пунктах коренных татар Барабы, хотя в исключительных случаях пожилые женщины при желании его делали. Приведем в качестве примера рассказ жительницы аула Тебис (Чановский р-н) барабинской татарки М.Т. Тугусовой, 1934 г.р. Она сообщила нам, что *ачегей* она готовила недавно (2003 г. – Авт.) из «...6 кг творога без сыворотки и кислого молока (*ачеган сют*) [...]». *Варить до того,*

как сыворотка не закончится. Остается немного сыворотки, буквально на дне, добавишь чашечку муки и тогда сыворотки не останется. Постепенно мешаешь, чтобы не прилипал к стенкам котла. Если нужно, чтобы был вкусный, то наливаешь свежего молока. Сахара не добавляла, а вот от людей слышала, что добавляли».

Красный творог можно было готовить иначе, из свежего молока, добавляя котыка (по консистенции и вкусу напоминает варенец – Авт.), и немного сахара. Повсеместно в населенных пунктах татар Барабы красный творог, приготовленный таким способом, назывался *кызыл эремчик*.

При таком способе готовый продукт получался менее кислым, его, как правило, не сушили. Этот способ приготовления был известен в населенных пунктах коренных татар, но чаще всего его готовили потомки татар-переселенцев, проживающие на территории Убинского и Каргатского р-нов Новосибирской обл. (Заречно-убинская, Нов. Качемка, Мусы), которые, как мы писали выше, сформировали здесь особую каргатско-убинскую группу.

Особенностью татар каргатско-убинской группы является то, что еще в конце 2000-х гг. женщины готовили *кызыл эремчик*. Поэтому в 2008 г. мы записали подробнейший рецепт, зафиксировали визуально и попробовали на вкус (Мусы Каргатского р-на)⁷. Готовый продукт получается коричневого цвета, плотный сгусток. Из-за пористой структуры он напоминает резиновую губку, но хорошо режется ножом.

Еще одной этнокультурной спецификой в молочных продуктах у татар Барабы является наименование «пахты» *айраном*. В других подразделениях татар Западной Сибири (например, у тарских татар) термин *айран* также применялся к пахте, однако более часто он означал кисломолочный напиток, изготавливаемый путем смешения котыка с водой. Однако в Барабе данный термин имеет преимущественно всего одно толкование, которое фиксируется повсеместно.

У барабинских татар (то есть коренного населения), в отличие от групп, расселенных западнее - на территории Омской и Тюменской обл.,

встречается термин *пышлак*, означающий «творог». Кроме него в Барабе, используется общераспространенный среди татар термин, обозначающий «творог» - *эремчик*.

Фрагментарно, в материалах экспедиций 1970-х гг. ТГУ и ОмГУ, встречается информация об употреблении ранее барабинскими татарами в пищу кобыльего молока – *кумыса*. Жительница аула Кошкуль Б.М. Тукаева, 1911 г.р. в 1973 г. сообщала, что ее бабушка доила кобылу. Она вспоминала, что *«молоко наливали в маслобойку, а сверху вливали кислое молоко (из небольшой крыночки). Потом скиснет и пьют. Затем оставляли закваску для следующего кумыса. По чашкам деревянным кумыс разливали и пили. Он крепкий и очень полезен, как лекарство»*. Многие из опрошенных жителей населенных пунктов Чановского, Барабинского р-нов отмечали, что все же изготовление кумыса для татар не характерно, а, в основном, встречается у *киргизов* (казахов – авт.).

Мы предполагаем, что кумыс готовили в населенных пунктах, расположенных в контактной зоне с аулами казахов Барабы – Чановский, Барабинский р-ны. Поскольку коневодство превалировало над животноводством у коренных татар Барабы, то, скорее всего, не многочисленные, а единичные случаи приготовления кумыса встречались не только XX в., но и раньше.

Итак, мы рассмотрели молочные продукты в питании локальных групп татар Барабы на протяжении XX в. по 2010 гг. Во-первых, выявляется общетатарский пласт традиционных блюд. Способ их приготовления типичен для татар Западной Сибири и часто определяется технологией производства. Во-вторых, выделяется пласт молочных продуктов, которые обладают спецификой, обусловленной особенностями происхождения локальных групп татар Барабы, этническими и культурными взаимодействиями в данном регионе. В изготовлении красного творога фиксируются различия у барабинских татар и потомков групп из Волго-Уральского региона. Приготовление кумыса барабинскими татарами

фиксировалось, в основном, в районах совместного проживания с казахами. У коренных татар выявляются особенности используемой лексики молочных продуктов (*айран, пышлак*).

¹ Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских татар и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999. – С. 56.

² Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая самоидентификация татар Барабы (на примере каргатско-убинской группы) // Народная культура Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 80.

³ Тихомирова М.Н. Особенности традиционной пищи каргатско-убинской группы татар Барабы (по материалам полевых исследований 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2008. – Т. XIV. – №1. – С. 371-372.

⁴ Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографические очерки) // Из истории Сибири. Западносибирский сборник. – Томск, 1976. – Вып. 19. – С. 108-147; Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. – Вып. 16. – Томск, 1975. – С. 178-206 и др.

⁵ Мягков Д.А. Животноводство барабинских татар в конце XIX (по материалам статистики) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск, 2008. – С. 252-253.

⁶ См. описание молочных продуктов: Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск, 2006. – С. 30-37.

⁷ Тихомирова М.Н. Особенности традиционной пищи... – С. 371-372.

И. Топп-Вуйтович

Вроцлав, Институт культурологии Вроцлавского университета

**ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ И
ИДЕНТИЧНОСТИ «ПОЛЬСКИХ ДЕРЕВЕНЬ» В СИБИРИ.
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРШИНЫ И ПИХТИНСКА**

I. Topp-Wójtowicz

Wrocław, Institute of Cultural Studies; University of Wrocław

**TRANSFORMATIONS OF RELIGIOSITY IN “POLISH VILLAGES” IN
SIBERIA. COMPARISON STUDY ON VERSHINA AND PICHTYNSK**

Аннотация. Статья рассказывает об изменениях, которые произошли в религиозной жизни "польских деревень" в основном в период после перестройки. Это сравнительное исследование католиков в Вершине и лютеран в Пихтинске, двух деревень Иркутской области, где польский язык и некоторые обычаи еще сохранились.

Ключевые слова. Польские деревни, Сибирь, религиозное мировоззрение.

Annotation. This article is concerned on changes which took place in the religious life of “polish villages” , mainly in post *perestroika* period. It is comparison study of two villages in Irkuck region, where polish language and some folkways are still preserved: the Catholics in Vershina and the Lutherans in Pichtynsk.

Keywords. Polish village, Siberia, the religious outlook.

Текст выступления посвящен идентичности жителей "польских сел" в Сибири в период структурных изменений, произошедших в России и в Польше в девяностые годы XX в. Большинство из них возникло как эффект добровольного переселения земледельческого населения с территории

бывшей Польши в XIX - начале XX вв. Их история вписывается в процесс колонизации Сибири, а миграция имела экономические причины. Полагают, что она охватила 30 - 50 тыс. человек, а её усиление приходилось на период столыпинских реформ (1906-1911 гг.)¹. До настоящего времени дожили немногие из этих сел, в разной степени храня культурные корни страны происхождения.

Выживание польского языка и обычаев в сообществе сельских поселенцев в Сибири в бурном столетии, на которое пришлось две мировые войны, радикальные изменения уклада: от царизма через советский тоталитаризм к перестройке, является феноменом, который будит интерес и ставит вопрос о его причинах. Одной из них может быть характер сельской идентичности, основанный на традиции. Он описывается в этнографии и социологии перелома XIX - XX вв. как связанный образ жизни, в котором язык, религия и обычай взаимно толкуются и дополняют друг друга. Способствовать этому должна была небольшая общественная подвижность, оседлый образ жизни и закрытая модель идентичности, построенная на исключении чужаков. Культура сельских сообществ, следовательно, описывалась более в категориях стойкости, чем изменения. В этой перспективе миграции рассматривались как культурное столкновение, которое в большей степени освобождает тенденцию к сохранению/защите собственной идентичности в прежней форме, чем введения в действие механизмов её адаптации или модификации.

Прежние антропологические, языковедческие, музыкологические или исторические исследования и интерес к «польским селам» в Сибири, даже тогда, когда исследовали современное их преобразование, в значительной степени продолжают статичную, "скансеновую" модель их описания². Точкой отсчета считают степень сохранения традиций, регистрируемых в XIX и XX вв. в форме архаизмов или культурных пережитков. Без сомнения, стоит отмечать и документировать то, что связано с ритмом политических и культурных изменений. Не менее важным, однако,

является изучение динамики, которая ставит перед нами вопросы сегодняшнего дня и будущего. Так как сегодня Сибирь – это место контрастов, столкновение традиций и сложных процессов, которые внесли свой вклад в радикальную трансформацию старых образов мира и связанных с ними значений.

Современные изменения, которые происходят в сфере религии, связываются с последствиями политической и экономической модернизации Сибири. Наверное, это касается также "польских сел" и идентичности их жителей. В период переселения в Сибирь религия являлась главным фактором, объединяющим крестьянское сообщество и его культуру, а также важным знаком национально-этнической идентификации. Большинство сообществ мигрантов вскоре по прибытии на место поселения, начинали хлопотать о строительстве костела, что имело одинаково, как практическое, так и символическое значение - освоение чужого пространства и экспрессия собственной идентичности. Сохранение обрядовых практик в неизменной форме - особенно для католиков, которые представляли подавляющее большинство среди сельских поселенцев, - в традиционной культуре, основанной на повторении закрепляемых образцов, оказалось условием выживания сельского сообщества и его идентичности в условиях изменений, связанных с переселением в Сибирь.

Стоит заметить, что с самого начала переселение сопровождалось меньшей доступностью пастырской опеки и таинств (ксендзы, инспектировавшие парафию, проживали, обычно, в больших городах). Отрыв религии от института католической церкви, который в "польских селах" сохраняется и после перестройки, признается исследователями за результат плановой атеизации времен советского освобождения от церковного влияния. Радикальное ограничение свободы вероисповедания после Октябрьской революции, политические преследования священников и верующих повлекли не только конспирацию религиозных практик, но также изменение их характера. Недостаток возможности исполнения таинств вел к

формированию заменяющих форм обрядов, которые санкционировали ритм перехода о фундаментальном значении для сообщества. Дольше всего выживали крещение "с воды" и похоронные торжества, проводимые сельскими религиозными лидерами. Польская сельская религиозность, которая характеризовалась на переломе XIX и XX вв. как разновидность магического ритуализма³, пережила период атеизации, все более отрываясь от рефлексивного религиозного сознания. Постепенный процесс секуляризации обрядов и праздников основывался на автономизации ритуалов, трактовавшихся как часть культурного наследия. Сохранение такой формы обрядов можно, следовательно, признать видом деконструкции и фрагментации совокупности, за которую ранее принимали традиционную народную культуру.

Сможет ли свобода вероисповедания, вернувшаяся после перестройки, задержать в немногочисленных уже на Сибири "польских селах" процессы секуляризации и углубить религиозность, которая превратилась в культурную традицию? Ответ на этот вопрос не прост и требует учета ряда факторов, в том числе изменений, какие происходили в образе жизни сибирской деревни. Я хотела бы их обрисовать на примере двух деревень, которые были предметом полевых исследований в 2006 г.⁴ Вершина и Пихтинск - это деревни в окрестностях Иркутска, заселенные потомками крестьян, которые эмигрировали в Сибирь в начале XX в. по экономическим причинам. Путешествие означало не только преодоление почти пяти тысяч километров, но также столкновение с другим пейзажем и культурным окружением, и представляла вызов для идентичности, и их судьбы оказались почти такими же драматическими, как судьбы политических ссыльных.

Особый случай в этом отношении представляет село Вершина, которое часто определяется, как анклав польскости в Сибири, и в связи с этим выполняющая сегодня функцию развлечения, притягивающего сюда туристов из Польши. Более чем три поколения пережил здесь язык и народная культура региона Домбровского бассейна, из которого происходит

большинство поселенцев. Это уникальное явление. Потому что чаще всего мы встречаемся с процессами адаптации к русскому большинству, и не только в городских центрах, где владение русским языком является обязательным условием для профессиональной карьеры. В Вершине к исчезновению памяти о своих корнях даже не привел драматический опыт, связанный со временем этнических чисток и войн. Как отмечала Эва Новицка, соредактор антропологической монографии о Вершине⁵, польская идентичность была для его жителей синонимом происхождения и выражалась в собственных особых обычаях и языке. Эта обособленность выразительно подчеркивалась окружением, которое создавали проживающие в Вершине и её окрестностях буряты. Взаимная непереводаемость языка и культуры, отчуждение в контактах с неславянской бурятской традицией, способствовали выживанию в почти не изменившейся форме диалекта поселенцев. Стоит отметить, что, хотя идентичность поляков из Вершины связана с сохранением языка, это было бы трудно совместить с идеей национального государства. Вершининцы, за ними их деревня не стала обязательным пунктом на трассе сибирского путешествия современных поляков, они не признавали ни национальных цветов, или польский национальный гимн. Тем не менее понятны были преследования, какие их коснулись с 30-х гг. XX в. по причине их национальной принадлежности. Может быть, однако эти репрессии усилили чувство изоляции эмигрантского общества и тем самым увековечили идентичность, в основе которой было чувство собственной особенности. Ее проявлением по-прежнему являются язык и обычаи, сохранившиеся, в основном, у старшего поколения жителей. Тем не менее, в повседневном общении оно использует слегка модифицированный диалект Домбровского бассейна девятнадцатого века. Однако среднее поколение лучше, чем диалект, использует русский язык, а младшее – обучается литературному польскому языку в местной школе. В то же время уроки польского языка не рассматриваются как изучение языка предков (потому что так говорят бабушки и дедушки), но как язык

социального продвижения, билет в лучший европейский мир, дающий возможность выехать, учиться и остаться в Польше.

Стоит обратить внимание на внутреннее разделение языка современных жителей Вершины, в основном на двуязычных, использующих русский язык в официальных ситуациях и при контактах в русскоязычной среде, и пользующихся в повседневной жизни, в зависимости от принадлежности к определенному поколению, архаичным польским диалектом или литературным языком, сформированным школьной практикой. Функционирование языка хорошо характеризует смешение 1) элементов давней, выводящейся из XIX в. традиции, 2) форм, являющихся результатом его адаптации к местным условиям и соответствующим процессам заимствования и 3) глобализованному образу польской культуры, транслируемому и распространяемому польскими организациями по общей модели, которая бытует во всем мире. Бытующая общепольская модель культуры заимствует элементы народной культуры и трансформирует их в общенациональный символ, что приводит к превращению местных традиций в фольклорное зрелище, эстетически рафинированное и музееобразное. Примером такого бытования фольклора является в Вершине деятельность местного ансамбля «Jarzumbek», в репертуаре которого представлены песни Малопольского региона (старые песенки), песни разученные из песенников, распространяемых польскими организациями, исследователями и туристами, в том числе произведения патриотического характера (новые песни), а также хиты современной эстрады⁶.

Религиозность жителей Вершины является элементом их этически-национальной самоидентификации. Первоначально она была связана и с обрядностью, вписывая цикл праздников в существующий крестьянский календарь, включала в себя христианизированные языческие элементы праславянских верований, что и до сегодняшнего дня является характерной

чертой народной религиозности в Польше. Однако, хотя большинство жителей Вершины и сегодня называют себя католиками, но держатся вдали от религиозных институтов, каким, например, является костёл. Это самый явный результат атеизации советского времени. Хотя после 1991 г. в Вершине возрожден католический приход, служат харизматичные священники, благодаря взаимодействию местных властей и иркутской епархии был отремонтирован и оснащен всем необходимым местный костёл – результат этих действий, измеряемый участием в церковной практике воскресной и праздничной очень невелик. Религия воспринимается здесь как часть унаследованной традиции, и, как и традиция, все реже играет заметную роль в жизни местного деревенского сообщества. Процесс фольклоризации, принятие музейных форм, отношения к обряду как некому театральному действию, имеют общие корни с десакрализацией народной религиозности – это автономизация явлений ранее с собою тесно связанных. Язык, обычай и религия не составляют ныне целостности, на которой базируется самоидентификация общности. Хотя еще рано говорить о том, что религия вышла из круга ценностей членов общности Вершины, но многое указывает, что вера и здесь является частным делом (это является отражением изменений религиозности, если не в глобальном измерении, то, как минимум, характерно для Европы и Северной Америки).

Особенный пример связи религиозности и польскости, а также их современной трансформации связан с группой «надбужанских олендров». Они сегодня проживают в трех деревнях: Пихтинск, Средний и Дагник, которые были основаны более ста лет назад, расположены в 280 км на юго-запад от Иркутска. Хотя с XVIII в. польский язык был языком их молитвы, «надбужанские олендры» были на землях давней Польши этническим и религиозным меньшинством. Первоначально это была немецкая лютеранская община, которая переселилась на берега Буга в XVI в. для построения цивилизованного хозяйства в лесных и болотистых землях. Через столетие «олендры» слились с местными жителями, в повседневной жизни стали

использовать местный диалект, т. н. хохлацкий, а в письменной речи и религиозных обрядах использовали польский язык. Следует подчеркнуть, что хотя польский язык с XVIII в. был элементом их самоидентификации, но ощущение их обособленности было связано с их религиозной принадлежностью, а также с местом проживания. Когда в нач. XX в. «олендры» приняли участие в колонизации Сибири, так же как и польские крестьяне, в то время они были подданными российского царя, вера и привязанность к надбужанским пейзажам, а также связь с оставшимися над Бугом сородичами будут базой их самоидентификации и самоопределения. Польскость жителей Вершины еще в меньшей степени, чем в приведенном примере, являлась для них отправной точкой. Так же как и в Вершине, «надбужанские олендры» в Сибири до сих пор сохранили язык, обычаи и обрядность, характеризующие их локальную культуру на рубеже XIX и XX вв. несмотря на то, что ее культивирование в советское время преследований по этническому признаку, было связано с огромным риском. В их образе жизни все еще присутствует традиция, которая пережила времена разборов и тоталитаризма, подвергаясь при этом не столько изменению, сколько фрагментаризации, разбивке на отдельные независимые элементы. Ранее отражала она культурную разнородность Польши. Сегодня вдали от главных дорог, по-прежнему затерянная в сибирской тайге общность давних сибирских эмигрантов, традиция по-прежнему является базой местной самоидентификации, хоть и происходит это и иным нежели устоявшимся веками способом.

Переселение группы «надбужанских олендров» в Сибирь включало сначала восемнадцать, затем еще около сорока семей. Они взяли с собой все что имели, что было необходимо им для работы и что служило при молитве. Часть орудий труда, большинство книг, молитвенников, песенников, все еще спустя почти столетие служит общине. Среди багажа, собранного в это долгое путешествие, мы найдем все необходимое для совершения домашнего богослужения, в популярных на рубеже XIX-XX вв. изданиях. Относительно

редко будет это *Библия* или *Проповеди Святого Евангелия на воскресенье* Самуэля Дамбровского. Наиболее распространенной книгой религиозного содержания для «надбужанских олендров» будет *Новое издание Прусского Канционала*, называемый также канционалом мазурским, повсеместно используемым в общинах христиан-евангелистов. Не удивляет наличие песенников и сегодня едва ли не в каждом «олендерском» доме. Можно встретить *Песенник для Евангелическо-Габсбургской Церкви в Царстве Польском*, с кратким учением об основах религиозных практик и веры евангелистов.

Собрание этих книг и их количество, находящееся ныне в руках сибирских «олендров», свидетельствует не только об их религиозных нуждах, но и о том, что они отправлялись в путь с осознанием, что свою религиозную жизнь будут вынуждены обеспечить себе самостоятельно. Их не сопровождал пастор, что не обозначает, что в Сибири они были лишены духовной опеки. Уже в 1912 г., вскоре после прибытия первых переселенцев, их посетил суперинтендант Восточной Сибири, а лютеранский пастор приезжал из Иркутска в Пихтинск до 1932 г. (т. е. до начала атеистической пятилетки), но это были чрезвычайные ситуации. «Олендры» не построили молитвенного дома, хоть и предпринимали подобные попытки в 1914 г., обстоятельства не благоприятствовали: сначала препятствием было трудное время начала ведения хозяйства среди тайги, затем Первая мировая война и рекрутация в армию, наконец, атеистическая программа нового государства. Они проводили домашние богослужения без присутствия пастора, езда совершать венчания в Иркутск.

На религиозную жизнь «надбужанских олендров» в Сибири в течение столетия со времени их переселения, несмотря на пространственную изоляцию, влияние оказывали исторические события. Немецкое звучание фамилий стало причиной преследований «олендров» в сороковых годах как национального и религиозного меньшинства и поводом определения их в трудлаги вместе с немцами во время Второй мировой войны. После войны до

1955 г. значительная часть «олендров» должна была обязательно отмечаться в местных органах власти и не могла по собственному желанию покидать место жительства.

По свидетельству тех, кто пережил военное время и сталинизм, травмирующий опыт привел к тому, что общность «олендров» приняла решение перестать передавать следующему поколению язык, который, хоть и не был связан с национальной самоидентификацией, был базой их самоопределения. Безусловно, причины исчезновения из употребления польского языка в этой общности, имеют более сложный характер, они связаны с процессами адаптации, с употреблением государственного русского языка. То, что он никогда не был для «олендров» языком повседневного светского общения, благоприятствовало маргинализации употребления польского языка по мере лаицизации общности, которая, без сомнения, имела место. В результате сегодня читают и молятся по-польски только представители самого старшего поколения (70-, 80-летние). Их дети и внуки относятся к нему, а также к молитве, как к достойному уважения наследству прошлого, которого, однако, не продолжают. Они не участвуют в домашних богослужениях, не поют ни религиозных, ни обрядовых песен, не поддерживают традиций, которые еще сохраняли их родители и бабушки с бабушками. Вместе с тем, демонстрируемые в местном музее⁷ история и фольклор местных «олендров» остаются поводом для гордости и удовлетворения младшего поколения. Прошлое в музее является подтверждением особенности, определяет их сибирскую идентификацию, является точкой отсчета для сравнения с русскими и православными традициями и обычаями. Интерес историков и этнографов, для которых «олендры» в Сибири являются интересной исследовательской темой, благоприятствуют открытию собственных корней.

Это не изменяет того, что традиционным способом живет сегодня все меньшая группа самых старых жителей Пихтинска. Молодые строят дома уже по типовым сибирским образцам, работают в соседних поселках, не

участвуют в религиозной жизни общины, не учат детей польскому языку и сами его уже не знают. Разглядывая собранные в музее документы, принадлежавшие их отцам и дедам, пятидесятилетние, как и подростки, вынуждены переводить написанное на русский язык. Участвуя в свадьбах, которые еще проходят по бытовавшему в XIX в. сценарию, необходимые слова они читают по записанному кириллицей фонетическому звучанию польских слов и хохлацкого диалекта. Это выглядит скорее как признак уважения, отдаваемого традиции, нежели ее продолжением. За правильностью исполнения свадебных обрядов — пока еще больше обряда, чем фольклорного зрелища — следят свадебные старшины и религиозные лидеры. Они исполняют не только традиционные свадебные песни, но и религиозные и молитвы, скорее всего введенные в качестве аналога сакраментального венчания, который еще в сороковых годах светской церемонией. Невозможно предугадать в какой форме эта обрядовость сохранится и когда исчезнет. Молодыми она ценится как род церемонии, фольклорной декорации, придающей красоту.

Польский язык по-прежнему является языком домашних богослужений, в которых участвует сегодня от 8 до 12 человек в каждой из двух «олендрских» деревень. Хотя они принадлежат к старшему поколению, которое получило религиозное воспитание в семье, которое также включает науку чтения и письма на польском языке, то использование ими польского языка происходит с возрастающей сложностью. Польский язык как религиозный язык «олендров» с XVIII в. представлял собою вариант языка, называемого *polszczyznę kancjonałową*, чей словарный запас и грамматика ограничена с версией, которая использовалась в религиозных песенниках (kancjonały). Этот язык не подвергся изменениям, что во многом объясняет ситуацию, в которой язык, используемый в практике отправления религиозных культов и языка повседневного общения не учитывает оттенков того самого национального языка. Сегодня для «надбужанских олендров» польский язык является языком священным наподобие средневековой

латыни, и звучание языка окружено культом. Однако - в отличие от латыни - все еще понимают, если спрашивали о чтении и пении песен, участники богослужения могли их развивать и комментировать (на русском языке). Функционирование языка и интерпретация религиозных текстов в группе «надбужанских олендров» в Сибири – это вопросы, которые требуют дальнейшего исследования. Следует подчеркнуть, что, помимо лингвистического анализа необходимо учитывать множественность способов, которыми язык сегодня присутствует в религиозном и культурном опыте.

Дополнения требует описания трансформации религии «надбужанских олендров», в частности, роль, которую играют в этом процессе их контакты: с 1970-х гг. – с адвентистами и пятидесятниками, а с 1995 г. - с харизматическим католическим приходским священником в Иркутске, о. Игнацием Павлусем⁸. Деятельность ксендза, направленная на возрождение религиозной жизни сибирской колонии, в том числе описываемых выше жителей Вершины, была описана в местных средствах массовой информации. Приглашение католического ксендза охватить пастырской заботой потерянных в сибирской тайге лютеран, кроме необходимости прямого контакта со священнослужителем, оправдано их озабоченностью прибытием в Пихтинск баптистов, пятидесятников и Свидетелей Иеговы (признаваемых местными лютеранами за опасных еретиков). Однако кажется, что это было, прежде всего, беспокойством о собственной идентичности, основанной на локальной форме религиозного опыта, опыта соединения лютеранского исповедания с польским языком. Его сопровождало беспокойство за будущее детей и внуков, для которых этот опыт больше не был доступен⁹. Без сомнения, столь значимые события, которые произошли в последние годы - в первую очередь, помощь в восстановлении религиозной жизни "олендров" лютеранского пастора, который с начала 2008 г. посетил верующих в Пихтинске¹⁰. Религиозная основа идентичности «надбужанских олендров» в рамках этих мероприятий

получает шанс на продолжение. Иначе с польскостью. Даже если при поддержке польских властей и полонийных организаций дойдет до введения изучения польского языка в пихтинской школе, это будет литературный польский язык, а не поддерживавший в течение веков культурную обособленность «олендров» язык религиозных песенников XIX в.

Сравнивая две представленные выше деревни, следует помнить о том, что с точки зрения исследования религии они сильно отличаются: католичество на примере Вершины и лютеранство в Пихтинске. Это имеет свои дальнейшие последствия: народная религиозность польского католицизма была организована вокруг обрядовых практик, в то время как лютеранство, чтобы поддерживать жизнеспособность веры, требовало понимать чтение. Выживание польского диалекта в католической общине Вершины связано с восприятием языка как признака этнонациональной идентичности. В лютеранской общине польский язык сохранился в качестве языка сакрального. Обе деревни в результате той же самой миграции, прежде всего из-за принудительной атеизации в советский период, почти 70 лет оставались вне институциональной организации церкви. В обоих случаях это привело к секуляризации и фольклоризации религиозных ритуалов.

Католики в Вершине, даже если они были охвачены пастырским попечением после 1991 г., лишь в незначительном объеме возобновили церковные практики, признавая веру в качестве индивидуального выбора, имеющего значение для личной жизни. Лютеране сохранили общие религиозные обряды (воскресные богослужения) в течение всего существования в Сибири, хотя по-прежнему регулярно их практикуют лишь незначительная группа старейших жителей Пихтинска, которые продолжают оставаться вне церковной организации.

Какие последствия будут иметь попытки возрождения религии и отношения с церковью в наиболее секуляризованном среднем поколении, а также среди самых молодых жителей «польских деревень»? Ответ на этот вопрос принадлежит будущему, которое все меньше и меньше зависит от

унаследованной традиции. Изоляция в пользу сохранения древних форм культуры стала иллюзией в глобальной, созданной современным медиа реальностью - даже в сибирских деревнях. Политическая трансформация и экономические изменения, с одной стороны, открывают новые возможности для людей, а с другой - рождаются разочарования в лице распада нынешней модели мира. Вопрос о трансформации сельской религиозности в Сибири, таким образом, связан с неопределенностью, выживут ли те самые деревни в условиях их прогрессирующего старения и депопуляции.

¹ Masiarz W. Migracja chłopów polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku; Kaczyńska E. Polacy w społecznościach syberyjskich (1815-1914). Zagadnienia demograficzno-socjologiczne // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, 2002; Nowicka E., Grajper M. Wierszyzna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii. Kraków, 2003.

² Подробнее о причинах и последствиях см.: Głuszkowski M. Relacje mieszkańców Wierszynu- polskiej wsi na Syberii // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2009. Nr 13. S. 67 – 80.

³ Так описывал её Стефан Чарновский, польский социолог культуры школы Е. Дюркгейма (Czarnowski S. Kultura religijna wiejskiego ludu polskiego. Dzieła. T. 1.).

⁴ Эти исследования проводились в научной экспедиции этномусыковедов и культурологов Вроцлавского университета и Университета Адама Мицкевича в Познани, посвященной, прежде всего, исследованию музыкальных традиций поляков в Сибири, а руководила ими профессор Б. Машкальска.

⁵ Nowicka E., Grajper M. dz. cyt.

⁶ Это явление подробно описывает Лукаш Смолух в неопубликованной кандидатской диссертации «Польские музыкальные традиции на юго-восточной Сибири и их роль в формировании этнонациональной идентичности» (Архив исторического факультета, кафедра музыковедения Университета Адама Мицкевича).

⁷ Музей возник в 1992 г. по инициативе местных властей в постреформационной России в рамках политики «национального возрождения».

⁸ Отец Игнацы Павлусь. *О Пихтинских в Пихтинске* // Тальцы. 2004. 4(23).

⁹ Ксендз Павлусь принял приглашение и в течение более чем двенадцати лет регулярно посещал пихтинских «олендров», предпринимал усилия для поиска для них лютеранского пастора, а свою религиозную службу выполнял в полном соответствии с их верой. Со старшими молился на польском языке, катехизацию детей проводил на русском языке, а мессы отправлял, используя оба языка. Когда в 2006 г. он был отправлен в Санкт-Петербург, прибывающим из Усолья польским католическим ксендзам было трудно заменить харизматичного священника, который был другом местным «олендрам».

¹⁰ Принимая во внимание пастырское влияние на все сообщество, в котором только несколько самых старых жителей говорят по-польски, он проводит богослужения с их согласия на русском языке, также он организовал в Пихтинске объединенный лагерь для детей и молодежи из протестантских обществ Сибири (Т. G. Grote, *Życie w podwójnej diasporze – polscy luteranie w syberyjskiej tajdze* /w:/ „Zwiastun Ewangelicki”, nr 24, 2008).

О. А. Филинович

Омск, государственный историко-краеведческий музей

**СПЕЦИФИКА ДЕРЕВЕНСКОЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ
ИГР XIX ВЕКА**

О.А. Filinovich

Omsk, State Museum of History and Regional Studies

**SPECIFICS OF RURAL GAME CULTURE ON THE EXAMPLE OF
GAMES OF THE XIX CENTURY**

Аннотация. В статье представлены основные направления сельской игровой культуры. На примере игры прослеживается специфика сельской игровой культуры XIX века. Главный вывод: игры в российских деревнях были тесно связаны с сельским хозяйством и жизнью, оставившей след в игровой культуре.

Ключевые слова. Игровая культура, русское село, особенности.

Annotation. In this article the main lines of rural game culture are considered. On the example of games of the XIX century specifics of rural game culture are traced. The main conclusion of article consists in the following, - games in the Russian villages were closely connected with agriculture and a life that left the mark on game culture.

Keywords. Gaming Culture, Russian village, features.

Цель данной статьи - показать специфику деревенской игровой культуры. Задача - выделить основные черты сельской игровой культуры.

Деревенская игровая культура развивалась в соответствии с русской культурой и её традициями, отражала наиболее характерные для русского человека черты, среди которых стремление к коллективизму, веселость, подвижность. Коллективизм в игровой культуре проявлялся через участие в

хороводах, которые зачастую сопровождались не только танцевальными движениями и песнями, передающими озорство и веселье русской души, но и игровыми действиями.

Естественно, черты деревенской игровой культуры более ярко выражены в подвижных играх, нежели в хороводах. Подвижные игры были тесно связаны с сельским хозяйством и бытом. В игровой обиход прочно вошли названия овощных, злаковых культур и травянистых растений (репа, картошка, просо, мак, лен и др.). Подобные игры нередко отражали какое-то определенное сельскохозяйственное занятие.

К примеру, врач-педиатр и этнограф Е.А. Покровский в монографии «Детские игры преимущественно русские» описывал распространенную в русских губерниях в XIX веке игру «в мак». В этой игре принимали участие только девочки. Они становились в круг и пели песню о маке, в то время как одна из девочек сидела в центре круга. Своими игровыми действиями они имитировали процесс посадки этого растения. Садить воображаемый мак должна была именно девочка, находящаяся внутри круга. Завершением игры был сбор мнимого урожая. Собравшиеся дети подбрасывали девочку, которая сидела в круге, и начинали трясти. Место её занимала та, которую она целовала. А дальше игровые сценки с посадкой и сбором мака продолжались¹. Такие игры подготавливали маленьких девочек к предстоящей жизни, к тем реалиям, с которыми им придётся столкнуться. Чтобы у них было представление о крестьянском труде, и в то же время дети уже на раннем этапе должны были осознавать свою роль, свои обязанности. Безусловно, никто не навязывал детям игровые сюжеты, они сами подсознательно стремились подражать взрослым через игровое воплощение их основных занятий.

Сельские игры были тесно связаны не только с сельским хозяйством, но и с русским фольклором. Конечно же, игровые сюжеты не повторяли один в один событийную канву известных нам сказок, но нет никаких сомнений в том, что многие элементы игры взяты из русского фольклора. Например, описанная этнографом Г.С. Виноградовым игра «В волка» по сюжету

напоминает сказку «Красная Шапочка». В игре главные действующие лица – волк и дети. В то время как дети ходят собирать ягоды, человек, объявивший себя волком, ловит детей и утаскивает в кусты. Финал наступает в тот момент, когда волку удаётся поймать последнего². Другая игра, «в репку», ещё более похожа на известнейшую нам сказку. В данной игре принимают участие несколько человек, один из них символизирует репку. Он должен обхватить столб или дерево. К этому игроку прицепляется ряд других, которые держаться за талию впереди стоящего. Последние находящиеся в ряду должны репку вытянуть. Не устоявшие на ногах объявляются проигравшими, т.к. они не «попробовали» репки³.

Несмотря на явную ироничность игры, субъекты игрового процесса могли преследовать вполне рациональные цели, касающиеся не только духовного насыщения, получения эстетического удовольствия, но и возможности проявить себя. Показать себя можно было в любой подвижной игре, в которой необходимо было продемонстрировать свою силу, ловкость, выносливость. Среди таких игр, заметно выделяется всем нам знакомая игра в казаков-разбойников. Пожалуй, самое сложное в этой игре это не поиск своих противников, а умение противостоять нападкам недругов, находясь в воображаемом плену и отказываясь выдавать своих друзей вопреки всем придуманным испытаниям.

Большим многообразием отличались праздничные игры, особенно на Пасху и Рождество. Важными категориями в таких играх выступали веселье и печаль, как противопоставление жизни и смерти. На пасхальный день, сразу же после поминания усопших, нередким явлением была игра, с присущими ей радостью и плясками. Наряду с представлениями о жизни и смерти довольно часто в играх фигурировали понятия начала и конца: начало и конец посева, начало и конец жатвы⁴, что ещё больше подчеркивало связь с сельским бытом.

Не устаревающее до сих пор гадание на Рождество тоже можно причислить к игре, учитывая, что гадающие не воспринимали происходящее

как ритуал. И относились к гаданию как к игре со своей судьбой⁵, в этом заключалось насмешливое отношение к данному процессу. Тем не менее, несмотря на некоторый скептицизм, предпринимались различные действия для того, чтобы итог был положительным. Достаточно серьезно относились к исходу гадания, например, считалось опасным выходить замуж за человека, если в гадании виделся совсем другой⁶.

Основной отличительной особенностью русской игровой культуры является архаизм. Нет никаких сомнений в том, что историческое развитие нашей страны было тому причиной.⁷ Многие игры, популярные в период дореволюционной России, до сих пор остаются востребованными. Среди таковых игр не только прятки, жмурки, но и казаки-разбойники. Перечисленные первые две игры актуальны благодаря тому, что количество участников может варьироваться от совсем малого до большого и к тому же в этих играх отсутствует сюжет, что ещё больше облегчает процесс игры.

Во многих играх был ярко выражен процесс деления пространства на «своё» и «чужое», сопровождаемый как использованием символических условных обозначений дома, так и строительством настоящих домиков, шалашей. Символический дом использовали в подвижных играх среди общеизвестных: войнушка, лапта. А постройка шалашей была необходимой для проведения своего обычного досуга. Жилища подобного типа копировали обстановку собственного дома или охотничьего. Для шалашей характерен доступ ограниченного количества лиц и умалчивание о таких негласных собраниях для постороннего круга⁸.

Конечно, многие из вышеупомянутых особенностей деревенской игровой культуры свойственны и для города. Прежде всего это архаизм, символические дома и постройка шалашей, а также заигрывание с судьбой в виде гаданий и предсказаний. Тем не менее, главная отличительная особенность заключалась в том, что деревенские игры были более привязаны к деревенской культуре и быту. И вся специфика этих игр состояла в неразрывной связи с сельским хозяйством.

-
- ¹Покровский Е.А. Детские игры преимущественно русские. Спб., 1994. С. 187.
- ²Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. С 639 – 640.
- ³Покровский Е.А. Указ. соч. С. 174.
- ⁴Морозов И.А, Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX – XX вв.). М., 2004. С. 41 – 43.
- ⁵Морозов И.А., Слепцова И.С. Указ.соч. С.643.
- ⁶Морозов И.А, Слепцова И.С. Указ.соч. С. 714.
- ⁷Морозов И.А, Слепцова И.С. Указ.соч. С. 10.
- ⁸Морозов И.А, Слепцова И.С. Игра как фактор формирования личности и жизненных стратегий в этнографических и этнокультурных контекстах// Вестник РГНФ. 2011. № 1 (62). С. 20 – 21.

В.В. Филиппова

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения РАН*

**СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ
ВЕРХНЕКОЛЫМСКИХ ЮКАГИРОВ***

V.V. Filippova

*Yakutsk, Institute of Humanities and the Indigenous Peoples of the North, Siberian
branch, Russian academy of Science*

**MODERN STRUCTURE OF INTERMARRIAGE OF THE YUKAGHIRS
IN KOLYMA REGION***

Аннотация. В статье на основе первоисточников рассматривается современная структура смешанных браков юкагиров, живущих в деревне Нелемное в Верхнеколымском районе Якутии. Изучаются этнический и возрастной состав, соотношение полов.

Ключевые слова. Межнациональные браки, юкагиры, Верхнеколымский район Якутии.

Annotation. Modern structure intermarriage of the Yukagirs, living in the village Nelemnoye of Verkhnekolymsky district of Yakutia, is considered in article on the basis of primary sources. Ethnic and age composition, sex ratio are studied in article.

Keywords. Intermarriage, Yukagirs, Verkhnekolymskiy District of Yakutia.

В данной статье рассматривается современная структура межнациональных браков юкагиров, проживающих в селе Нелемное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия). Выбор территории

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №13-11-14002 а/р

исследования обусловлен тем, что в настоящее время только два населенных пункта в России включены в перечень районов компактного проживания юкагиров – с. Андриюшкино Нижнеколымского района и с. Нелемное Верхнеколымского района, находящиеся в Якутии.

Данные переписи населения показывают увеличение численности верхнеколымских юкагиров на протяжении второй половины XX века. За межпереписной период 1959-2010 гг. численность верхнеколымских юкагиров увеличилась в 2,4 раза¹, в то время как в межпереписные периоды их прирост колебался с 1,0 до 1,6. Многими исследователями установлено, что за последнюю четверть века увеличение численности коренных малочисленных народов Севера произошло за счет демографических факторов.

Село Нелемное находится в 42 км от районного центра Верхнеколымского улуса п. Зырянка. Нелеменский сельский совет был образован в 1954 г. Национальный состав села представлен юкагирами, якутами и русскими. По таблице 1 видно увеличение удельного веса юкагиров в общей численности населения села.

Таблица 1

Национальный состав населения с. Нелемное

Периоды похозяйственного учета населения	Юкагиры	Якуты	Эвены	Русские	Другие
1952-1954 гг.	65,2	23,6	5,6	1,7	3,9
1955-1956 гг.	45,2	27,8	6,5	17,8	2,6
1957-1959 гг.	47,5	31,3	5,8	10,8	4,6
1963-1965 гг.	45,2	31,7	4,5	13,6	5,0
1966-1968 гг.	42,0	38,9	4,0	10,2	4,9
1969-1971 гг.	43,4	34,9	3,7	13,6	4,4
1976-1978 гг.	50,5	23,1	4,4	16,3	5,8
1980-1982 гг.	51,6	26,0	4,2	13,0	5,2
2002-2006 гг.	64,8	19,5	0,7	12,9	2,1
2009-2011 гг.	66,3	17,0	2,0	12,1	2,6
2012-2013 гг.	67,0	18,6	1,4	9,8	3,2

Половозрастная структура нелеменных юкагиров характеризуется преобладанием мужчин-юкагиров (55,5%) и высокой долей лиц репродуктивного возраста (50,3%) и низкой долей лиц старше 50 лет (16,7% от всего населения).

В предлагаемой статье анализируются межнациональные браки юкагиров с Нелемное как фактор, влияющий на увеличение их численности за счет детей, рожденных в смешанных браках. Основными источниками для исследования послужили актовые записи архива и книги похозяйственного учета населения Нелеменского муниципального образования (Суктула) за период с 1971 по 2013 гг., которые содержат сведения об этнической принадлежности супругов.

Изучение структуры межнациональных семей, один из супругов которых является юкагиром, показывает уменьшение доли однонациональных юкагирских семей в общей численности семей села. За период с 1971 г. по 2013 г. в Нелеменском муниципальном образовании (Суктуле) было зарегистрировано всего 76 браков, в том числе 11 однонациональных и 58 юкагирских смешанных браков².

По состоянию на начало 2013 г. в Нелемном было 102 домохозяйства. В селе зафиксировано 16 полных однонациональных семей (11 юкагирских, 5 якутских) и 26 полных смешанных семей. Из 26 межнациональных браков 38,5% составляли юкагино-якутские семьи, 34,6% – юкагино-русские, 15,4% - семьи браков юкагиров с представителями других национальностей, по 3,8% составляли якутско-русские, украино-русские и русско-эвенские семьи³.

Из представленных данных видно, что брачными партнерами юкагиров в основном выступают якуты и русские. Выбор в качестве брачных партнеров якутов и русских является результатом продолжительного этнокультурного контакта. Удельный вес браков юкагиров с представителями других национальностей за рассматриваемый период составляет 61,9%. Мужчины юкагиры чаще женятся на якутках (80% от юкагино-якутских семей), юкагирики чаще выходят замуж за русских (66,7%).

Низкий удельный вес мононациональных юкагирских браков обусловлен ограниченностью брачных партнеров среди представителей своей группы. Юкагиры, проживающие в селе Нелемное, к настоящему времени являются друг другу родственниками. Создавшееся положение объясняется также и обособленностью этнических групп юкагиров. Так, нелеменские юкагиры, являющиеся представителями таежных (лесных) юкагиров не имеют контактов с тундрными юкагирами Нижнеколымского района Якутии и другими юкагирами, проживающими в Магаданской области и на Чукотке.

Удельный вес неполных семей в селе составил 58,8% от общего числа домохозяйств. Из общего количества неполных семей 63,3% составили семьи, в которых глава семьи был юкагиром (соотношение главы-мужчины и главы-женщины равно).

Среди неполных семей доля матерей-одиночек юкагирок составила 93,7%. Растет удельный вес детей-юкагиров, у которых отец – представитель другой национальности (в 1980 г. - 71,4%, в 1992 г. – 77,2%).⁴

Межнациональные браки оказывают существенное влияние на воспроизводство юкагиров, численность которых зависит от того, какую национальность выберут дети смешанных семей. Сведения из книг похозяйственного учета населения показывают, что в смешанных семьях, в которых один из родителей является юкагиром, предпочитают в настоящее время записывать детей юкагирами.

Таким образом, анализ современной структуры межнациональных браков нелеменских юкагиров показывает численное преобладание мужчин-юкагиров, ограниченность брачных партнеров среди представителей своей национальности и высокий процент эндокальных браков.

¹ Филиппова В.В. Динамика численности верхнеколымских юкагиров (1954-2013 гг.) // Теория и практика общественного развития – электронный доступ: www.teoriapragmatica.ru/-11-2013/history/filippova.pdf - дата обращения 11.12.2013 г.

² Актовая запись о браках // Текущий архив Суктула «Нелеменский юкагирский наслег».

³ Книга похозяйственного учета населения с. Нелемное за 2013 г. // Текущий архив Суктула «Нелеменский юкагирский наслег».

⁴ Проблемы возрождения исчезающих юкагиров / Донской Ф.С., Курилов Г.Н., Слепцов Я.Г. и др. – Якутск: Изд-во «Северовед», 1996. С. 29.

Н.Ф. Хилько

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

**МЕДИЙНЫЕ ФОРМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ**

N.F. Hilko

Omsk, Siberian branch of the Russian institute of cultural science

**MEDIA FORMS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN
POLYCULTURAL SOCIETY**

Аннотация. В статье определяется ключевая роль медиаобразования в процессе формирования этнокультурной идентичности как части современной национально-культурной политики. При этом делается упор на противоречивость идентификации как инструмента «диалога» культур и межкультурных коммуникаций, благодаря чему сохраняется национальная самобытность в формах народного аудиовизуального творчества.

Ключевые слова. Этнокультурная идентичность, диалог культур, массовое медиаобразование, народное аудиовизуальное творчество, национальная самобытность, межкультурные коммуникации.

Annotation. In article the key role of media education in the course of formation of ethnocultural identity as parts of modern national and cultural policy is defined. Emphasis on discrepancy of identification as instrument of "dialogue" of cultures and cross-cultural communications thanks to what national originality in forms of national audiovisual creativity remains is thus placed.

Keywords. Ethnocultural identity, dialogue of cultures, mass media education, national audiovisual creation, national identity, intercultural communication

Проблема этнокультурной идентичности во многом связана с идеей так называемых «духовных скрепов», что является важной составной частью

национальной безопасности России. По этому поводу в проекте «Национальной стратегии информационного развития России» говорится, что национальная стратегия России по вопросам построения информационного общества должна способствовать «формированию «российского сегмента информационного общества» и его интеграции в киберпространство», через которое представляется возможным заявлять о национальных приоритетах и прорывных направлениях Российской Федерации в рассматриваемой области»¹. При этом развитие межнациональных отношений происходит в рамках «общероссийских тенденций, характерных для регионов с доминирующим русским населением»².

Преодоление этнокультурной отчужденности через национально-культурный облик граждан во многом зависит сейчас от разумного и рационального использования медиасферы. Следует иметь в виду, что «готовность и желание обогащать собственно культуру с помощью творческой адаптации элементов чужих культур и в то же время стремление пропагандировать свои собственные культурные ценности, дает нации преимущество над этнической группой в ходе ассимиляции», а *«... собственная этническая группа... становится для человека самой широкой сферой его культурной адекватности»*³.

Однако действительная острота проблемы состоит в том, что в России в настоящее время отсутствует «национальная политика создания контента и обеспечения открытого и равноправного доступа к нему на федеральном и региональном уровнях, отсюда напрашивается вывод, что «если не будет сформирована и реализована национальная политика России в области создания и поддержки информационных ресурсов», то будет открыта дорога стихийно сложившейся системе информационного потока весьма сомнительного качества»⁴.

При этом надо иметь в виду, что национально-ориентированные информационные ресурсы, националистические сетевые сообщества имеют в

некоторых случаях экстремистскую направленность. Ключевым звеном этой проблемы являются вопросы языковой политики, которые не могут быть не увязаны с проблемами информационной безопасности, поэтому «нельзя допустить, чтоб использование языка межнационального общения привело к исчезновению какого-либо из редко используемых языков, а в дальнейшем – и к межнациональным конфликтам на этой почве. Сегодня без понимания особенностей культуры и национального менталитета того или иного народа невозможно решать оптимальным образом ни одну из экономических и политических задач России. Лингвистическое неравенство относится к социальным аспектам проблемы информационной безопасности страны»⁵.

Практическая реализация проектов по этнокультурной идентичности довольно проблематична. На этот счет справедливо замечание О.Д. Федяевой относительно того, что для предотвращения распада государства необходимо акцентировать внимание на росте интереса к подобной культуре. Ни у одной из диаспор Омского Прииртышья национальной школы нет. Существуют проблемы с национальными редакциями СМИ.⁶

Следует отметить, что существо данной проблемы в наиболее общем виде разрабатывается исключительно в отечественной науке и преимущественно в пространстве философии культуры, социологии и этнокультурологии. Например, с глобальной точки зрения места России в полицентричном мире. Проблема практически не разработана в этнопедагогической плоскости. Исключение составляют труды Е.М. Громовой по *этнокультурной идентичности* современных российских подростков,⁷ которые поднимают данную проблему на медийном уровне. Отсюда вырисовываются аспекты проблемы, связанные с приоритетами этнокультурных идеалов в ценностной картине мира молодежи, а также - *механизмами* влияния традиционных средств сохранения духовности на этнокультурное воспитание.

В этом плане актуальной становится празднично-зрелищная культура. Ведь «именно совместные праздники являются одним из существенных

факторов, влияющих на формирование толерантности, способствующие этнокультурной компетенции, взаимопроникновению и взаимообогащению различных этнических культур».⁸

Вместе с тем существует одно из ведущих направлений в теории медиаобразования, на котором может базироваться в некоторой степени этнокультурная медиапедагогика, сродни которой педагогика народной художественной культуры. Оно связано с рассмотрением медиаобразования как способа национальной ориентации содержания информационных потоков, медиавосприятия и аудиовизуального творчества в пространстве межкультурного диалога.

В этом направлении особое место занимает направленность нравственных ориентаций как основополагающих механизмов развития массового медиаобразования и медиакультуры. Актуализируется положение о ценностно-интегрированной медиаобразовательной среде в поликультурном социуме, приводящее к пониманию многообразия форм деятельности национально-культурных объединений и автономий в Сибири.

¹ Демидов А.А. Проект «Национальной стратегии информационного развития России» // <http://edu.of.ru/mediaeducation> page=(дата обращения 18.09.2012).

² Рафиков Р.Г. Международные отношения в Красноярском крае на современном этапе // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. научных трудов. Омск: Изд-во КАН, 2011. С. 244.

³ Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. научных трудов. Омск: Изд-во КАН, 2011.

⁴ Демидов А.А. Проект «Национальной стратегии информационного развития России» // <http://edu.of.ru/mediaeducation> page=(дата обращения 18.09.2012).

⁵ Бондаренко С.В. Национальные сообщества и проблема лингвистической стратификации в киберпространстве. // Человек и этносы в трансформирующемся обществе: социальные девиации и пути их преодоления. Тезисы докладов и выступлений на международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2004. С. 64-67.

⁶ Федева О.Д. Национальная культура и образование в постсоветский период: время надежд, достижений, потерь // Население Сибири: межнациональные отношения, образование культурная идентичность, сб. научных трудов. Омск: Изд-во КАН, 2011.

⁷ Громова Е.М. О проблеме этнокультурной идентичности в современном образовании // www.science-education.ru. page=(дата обращения 21.12.2012).

⁸ Жигунова М.А. Население Сибири: межэтнические контакты и проблемы региональной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. научных трудов. Омск: Изд-во КАН, 2011. С. 166.

О.И. Чарина

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН*

**РУССКИЙ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СЕЛАХ ЯКУТИИ:
ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ**

O.I. Charina

*Yakutsk, Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North Siberian
Branch of the Russian Academy of sciences*

**RUSSIAN OLD INHABITANT'S FOLKLORE IN IN THE VILLAGES OF
YAKUTIA: THE FEATURES OF GENRES**

Аннотация. Фольклор русских старожилов нижней Индигирки в течение длительного времени существовал изолированно, не связанный с фольклором коренных народов, но в последнее время все изменилось. В фольклоре русскоустыинцев утеряны старые жанры - эпические, исторические песни. Но культура остается, она заметна в приверженности к старинным песням, частушкам, загадкам и гномическим жанрам. Это выражается и в том, что многие жители создают не только частушки как жанр наиболее удобный в применении, но и сочиняют песни о своем родном крае.

Ключевые слова. Русские старожилы, фольклор, низовья Индигирки, исчезновение и сохранение жанров.

Annotation. Folklore of Russian old-timers lower Indigirka River for a long time in isolation from human folklore, had no public relations with the folklore of indigenous peoples, but recently things have changed. Folklore russkoustyincev lose those old genres, which he previously had, this is epic, historical songs. But culture remains, it is not only the commitment to ancient songs, chastushka's, riddles and gnostic genres. This is reflected, in particular, that many residents and

now creates not only a clumsy as a genre, the most convenient to use, but also compose songs about his beloved province.

Keywords. Russian old-timers, folklore, lower Indigirka River, disappearance and preservation genres.

На современном этапе развития общества нельзя не отмечать возрастание роли фольклора в межэтническом культурном взаимодействии. Русский фольклор в Якутии бытовал на Колыме, Индигирке, в среднем течении Лены.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи былин и других произведений фольклора на Колыме и Индигирке, указываются имена собирателей. Например, в сборнике «Фольклор Русского Устья»¹. Подробно отражен русский эпический фольклор в серии «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», так, среди опубликованных в сборнике текстов имеются произведения устного народного творчества – былины и героические сказки районов реки Индигирки и Колымы – № 13–15, 17–19, 23–25, 29, 32, 37, 44–45, 50–59, 61–62, 66, 71–76, 84–88, 92, 95–97, 108–111, 115–116, 120, 128, 134, 137, 145–146, 149, 156, 168–172, 177–178, 184, 190–192, 194, 197, 201, 203, 216, 218, 222–223, 224, 229².

Учитывая различный характер взаимодействия фольклора в зависимости от времени проживания русского населения в Якутии, принято разделять русское население на старожильческое и его фольклор, а его (т.е. фольклор) в свою очередь – на две группы, где первая группа связана с бассейнами рек Индигирки и Колымы и определяется закрытым характером бытования с незначительными лексическими и образными заимствованиями из якутского фольклора, и вторая – со средним течением Лены, с явными следами влияния якутского языка, фольклора и мировоззрения. Приход данных русских связан с началом заселения и освоения Сибири, это примерно XVII–XIX вв. Они несли с собой не только материальную

культуру, но и духовную, в частности, былины, исторические песни, произведения обрядового фольклора. Как известно, в «чистом виде» фольклор может существовать в условиях отрыва от иного влияния (изоляция), что мы имели долгое время в Русском Устье и на Колыме. На Лене фольклор бытует в условиях открытого влияния: иного языка, фольклора, в условиях уже развитой литературы, фольклора вновь приходящих поселенцев³.

Что касается русского народа и его фольклора в Республике Саха, тот тут следует не забывать об опыте совместного проживания русских с одной стороны, и – якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и других народов, населяющих Якутию, – с другой.

Но видно, что фольклор в последнее время не может бытовать, не имея влияния со стороны. Так и экспедиция в Русское Устье в декабре 2001 г. говорит о влиянии иных фольклорных заимствований со стороны русского же фольклора: песни, частушки, темы меморатов.

В свою очередь, нельзя не отметить явное влияние русской культуры на якутский, эвенкийский, эвенский, юкагирский фольклор, которое также проявляется в языке, поэтике и даже – в жанрах.

Рассмотрим некоторые особенности взаимовлияния, которые мы встречаем в Якутии в Ленском улусе (экспедиция 2000 г.), Олекминском, Хангаласском улусах (экспедиции 1989, 1990, 1991, 1993, 2000, 2002 гг.), Аллаиховском улусе – 2001 г., Нижнеколымском улусе – 2005, 2013 г.

Так, в Ленском улусе, говоря об обрядовом фольклоре, респондентка-якутка нам рассказала, что на Благовещение (7 апреля) девица ножниц не берет, пол не метет», и добавила, что это «правило» они всегда соблюдают⁴.

В Аллаихе А.Г. Конукова убежденно говорила, что существует две Троицы – летняя и зимняя, возможно, она перенесла летнего и весеннего Николу по ассоциации на Троицу. Вообще, заметно, что на Севере Якутии несколько смазан календарно-обрядовый цикл, поскольку там не сеяли, не пахали, не доили коров, поэтому не упоминается ни Егорий (23 апреля), ни первый день выхода на поле (огород), а эти действия обязательно совершали

в Олекминском и Ленском улусах. Такое же явление наблюдается по отношению к последнему снопу, который оставляли на поле в Юнкюре Олемкинского улуса, в Ленском улусе, есть упоминания об этом в Амгинском улусе.

В Олекминском и Хангаласском улусах на Лене обязательно проводился совместный Ысыах – заимствование из якутского обрядового цикла. Заметно, что русские участвуют в Ысыахе, двигаются по кругу в осуохае (якутский круговой танец), но в этом заметна некоторая принужденность со стороны русских.

По поводу заимствования жанров, несомненно, это яркие примеры заимствования в якутском фольклоре из русского – частушек, а в колымском и индигирском русском фольклоре – андыльщин из юкагирского фольклора, их изучает Т.С. Шенталинская⁵.

При этом почти все прозаические жанры, конечно же, подвергаются некоторым изменениям в композиции, образах, языке, кроме потаенных жанров. Например, русские заговоры определенно не имеют влияния якутского языка, следы которого постоянно наблюдаются в меморатах, сказках, легендах, быличках, песнях, частушках.

Далее заметны языковые заимствования. Прежде всего в лексике – повсеместно по Якутии. Так, В Чокурдахе Конукова говорила: «А раньше жили вместе, называлось «дукаки», это, наверно, из юкагирского пришло», – уверяла она нас⁶.

Как видим, фольклор русских старожилов низовьев реки Индигирки долгое время бытовал в отрыве от материнского фольклора, не имел открытых связей с фольклором автохтонных народов, но в последнее время многое изменилось. Фольклор русскоустыинцев утрачивает те старинные жанры, которыми он ранее располагал, это – былины, исторические песни. Однако культура остается, она заметна не только в приверженности к старинным песням, частушкам, загадкам и гномическим жанрам. Это выражается, в частности, в том, что многие жители и сейчас создают не

только частушки как жанр наиболее удобный в применении, но и сочиняют песни о своей любимой реке Индигирке, о родном крае, о дорогих близких людях. Таковы стихи Кунаковой Анны Гавриловны, Омельченко Варвары Серафимовны (1936 г.р.); любовь к сочинительству, яркая образная речь свойственны и другим их землякам.

Произошла трансформация традиционного русского фольклора, языка старожил севера Якутии, не являющегося типичным для всей Сибири, тем не менее, представляющего собой часть общесибирской традиции.

Другие аспекты взаимодействия в фольклоре связаны с вопросами влияния внутри самих автохтонных групп и анклавов, населяющих Якутию. При этом надо учитывать тот аспект, что влияние не всегда есть форма разрушения материнского фольклора, как говорит В.В. Головин, это, по его словам, форма «расшатывания иммунитета традиций, а форма проявления нормального процесса культурного общения»⁷.

¹ Фольклор Русского Устья / Сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986.

² Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Памятники Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991.

³ Чарина О.И. Русские песни Приленья. Новосибирск, 2009. С. 3-69.

⁴ Чарина О.И. 2000, 2001, 2005. Записи экспедиционных материалов. Личный архив. Дневники. 2001.

⁵ Шенталинская Т. С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М., 1995. Вып.6, с.140-151; Шенталинская Т.С. Адыльщина (жанр-эндемик)// Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970 – 1990-х годов. Статьи и материалы. Спб., 1996. С.97-115. Серия «Фольклор и фольклористика».

⁶ Чарина О.И. 2000, 2001, 2005. Записи экспедиционных материалов. Личный архив. Дневники. 2001.

⁷ Головин В.В. Фольклор русских в иноэтническом окружении // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Русский фольклор в иноэтническом окружении. М., 1995. Вып.6. С. 23.

Г.В. Шипилина

*Томск, сельскохозяйственный институт Новосибирского государственного
аграрного университета*

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТОМСКОГО ОКРУГА В 1920-Е ГОДЫ***

G.V. Shipilina

Tomsk, Agricultural Institute of Novosibirsk State Agrarian University

**NATIONAL COMPOSITION OF TOMSK DISTRICT'S RURAL
POPULATION IN THE 1920S YEARS***

Аннотация. Томская земля заселялась крестьянами из разных регионов европейской части России. Здесь селились представители разных национальностей, которые приехали с запада. Обживая сельскохозяйственные районы страны, они занимались традиционными видами сельскохозяйственных работ.

Ключевые слова. Национальный состав, сельское население, Томский округ.

Annotation. Tomskland was an attractive territory for farmers from different regions of the European part of Russia. The representatives of different nationalities who had moved from the west settled there. Inhabiting agricultural areas of the country, they were engaged in traditional forms of agricultural work.

Keywords. National composition, rural population, the Tomsk District.

На протяжении длительного времени Томская земля принимала на своей территории как вольных, так и невольных переселенцев из европейской части России, в составе которых были не только русские, но

*Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-70008.

представители других народов. Основная масса переселенцев появилась еще в XIX в. Сибирь была привлекательным местом для многих переселенцев, здесь можно было заниматься сельским хозяйством. Даже в трагические годы Первой мировой войны, периода революционных событий и Гражданской войны не прекращался поток переселенцев. Многие нашли на томской земле свою новую родину. Селились в основном в районах, благоприятных для земледелия.

По переписи населения 1926 г., в Томском округе проживало более полумиллиона сельских жителей, состоявших из представителей более 20 национальностей. Самыми многочисленными являлись русские, составлявшие более 80% всего сельского населения. Представителями крупных и средних этнических групп были белорусы (27789 чел.), украинцы (22340 чел.), мордва (7952 чел.), поляки (6349 чел.), чувашаи (6006 чел.), эстонцы (4582 чел.), латыши (2922 чел.), латгальцы (1396 чел.), литовцы (1033 чел.), немцы (948 чел.). Среди сельских жителей встречались представители малочисленных этнических групп: мари́йцы, немцы, евреи, башкиры, цыгане и другие¹.

Переселенцы по возможности селились компактно. Это было связано с тем, чтобы не чувствовать себя изолированными в новом месте, вдали от родных мест; так было легче адаптироваться к изменившимся условиям жизни. Если рассматривать расселение этнических групп по районам, то больше всего проживало белорусов в Кривошеинском и Зачулымском, украинцев - в Ново-Кусковском и Зачулымском, эстонцев - в Зачулымском и Зырянском, поляков - в Томском, Кривошеинском и Зачулымском, латышей - в Кривошеинском и Ново-Кусковском, литовцев - в Ново-Кусковском, чувашей - в Воронинском и Ново-Кусковском, мордвы - в Зырянском районах.

Имелись населенные пункты, где проживали в основном представители одной национальности. Эстонцы жили в деревнях Вамбалы и Свободинка Зырянского района (840 чел.)²; а также в поселках Линда (247 чел.), Медодат (264 чел.), Лилиенговка (352 чел.) Зачулымского района. Белорусы

компактно жили в поселке Константиновский (376 чел.) и на хуторах Майские (175 чел.) в Зачулымском районе,³ а также в селе Ново-Рождественка (268 чел.) и поселке Вознесенка (314 чел.) Кривошеинского района. Латыши проживали в шести селениях Маличевского сельсовета (464 чел.), Кривошеинского района. Украинцы в поселках Украинском Кривошеинского района и Борокский Ново-Кусковского района. Чуваши в поселках Березовском и Гореловском Ново-Кусковского района⁴, Дубровка, Богородского района. Литовцы – в деревне Моисеевка и хуторе Андреевка Ново-Кусковского района. Поляки компактно жили в поселке Лашовицкий (176 чел.) в Зачулымском районе⁵, в деревнях Белосток (575 чел.) и Константиновка (78 чел.) Кривошеинского района⁶.

Национальная структура сел и деревень большей степени была смешанной. Это говорит о том, что происходило взаимодействие культур, чаще родственных и близких друг другу. В одном селе могли проживать представители разных народов. Например, в Кривошеинском районе поселок Жарковский состоял из русских, поляков и белорусов⁷. В Ново-Кусковском районе в поселке Ягодный проживали русские, украинцы, белорусы, татары. В селе Мало-Жирово и деревне Кайбинке – русские, поляки, латыши⁸. В Чаинском районе из переселенцев больше всего было чувашей и вотяков⁹ (прежнее название удмуртов). В Зачулымском районе в поселке Костин Луг жили вместе белорусы и поляки¹⁰.

Во многих селениях крестьяне жили зажиточно. По результатам обследования бытовых условий населения местные органы власти отмечали уровень культуры латышей, эстонцев, немцев как более высокий, по сравнению со средней сибирской деревней. Украинцы, белорусы, поляки находились на среднем уровне, и на несколько пониженном культурном уровне - мордва, чуваша, вотяки. В хозяйственном отношении различий между этими группами и русским населением практически не было. Единственное, что отличало их – это то, что некоторые народности, как и на исторической родине, вели хуторское хозяйство (эстонцы, латыши, отчасти

украинцы)¹¹. Следует отметить, что конфликтов на национальной почве среди жителей не происходило.

В 1920-1921 гг., когда на территории Сибири утверждались советская власть и политика «военного коммунизма», значительное число представителей этнических групп, которые поселились на территории Томского округа еще до Первой мировой войны и имели уже отлаженное хозяйство, были не согласны с политикой большевистского правительства и решили вернуться обратно на свою историческую родину. Разворачивающиеся события были не в интересах советской власти, поэтому Томгубисполком, пытаясь пресечь попытки крестьян уехать, распространил письмо среди населения о том, что ни о каком возвращении на родину подобных групп населения не может быть и речи. По мнению представителей власти, «их переезд будет сопровождаться ломкой правильных хозяйств, должен вредно отразиться на расшатанном советском хозяйстве». Возвращение на родину основной массы людей было невозможно в первую очередь из-за разрухи в стране: не хватало вагонов, топлива, некоторые участки железной дороги были разрушены. Сами власти всячески препятствовали отъезду¹².

В 1920-х гг. отток населения все-таки имел место, но он не был массовым. Несмотря ни на что, эти годы являлись более спокойными и в последующие годы советской власти. Непродуманная национальная политика государства привела к тому, что Сибирь, в том числе и Томский край, перестали рассматриваться как территории, благодатные для проживания и развития сельского хозяйства: они стали ассоциироваться с жестокостью, репрессиями и ссылкой.

¹ Государственный архив Томской области. ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.329.

² ГАТО. Ф. Р-195. Оп. Д.74. Л.129-131.

³ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.133-135.

⁴ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.44, 46, 48.

⁵ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.138, 135-136.

⁶ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.44.

⁷ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.44.

⁸ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.48.

⁹ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л.121-126.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-195. Оп. Д.74. Л.134-136.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-195. Оп.1. Д.32. Л. 332.

¹² ГАТО. Ф. Р-173. Оп.1. Д.1-а. Л.5.

Н.М. Щербин

*Новосибирск, негосударственное образовательное учреждение среднего
(полного) общего образования школа «Юнион»*

**РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1955-1959 ГОДАХ**

N.M. Shcherbin

*Novosibirsk, Nonstate educational institution of secondary (complete) General
education school «Union»*

**THE BIRTH RATE OF THE POPULATION IN RURAL AREAS OF THE
NOVOSIBIRSK REGION IN 1955-1959 YEARS**

Аннотация. Основным вектором изменений в уровне рождаемости городского и сельского населения Новосибирской области в 1954 - 1959 было их медленное сокращение. Темпы рождаемости колебались от 36,3% в сельской местности до 21% в городе.

Annotation. The main vector of changes in the fertility levels of rural and urban population of Novosibirsk region in 1954 - 1959 was their slow decline. Total rates of fertility rural and urban population of Novosibirsk region ranged from 36.3 % in rural areas, up to 21% in the city.

Главным вектором изменения уровня рождаемости сельского и городского населения Новосибирской области во второй половине 1950-х гг. было их медленное сокращение. Общие коэффициенты рождаемости сельского и городского населения Новосибирской области колебались от 36,3% в сельской местности до 21 % в городской (табл. 1).

Динамика рождаемости населения Новосибирской области. 1955-1959
гг. в сравнении с Сибирью, в ‰*

Годы	По Новосибирской области						По Сибири	
	Число родившихся в абсолютных цифрах			Число родившихся на 1000 человек			Число родившихся на 1000 человек	
	Всего в области	Городские поселения	Сельская местность	Всего в области	Городские поселения	Сельская местность	Городские поселения	Сельская местность
1940	72811	21761	51050	38,7	34,0	41,1	34,9	38,8
1955	65881	28040	37841	30,1	24,5	36,3	26,8	34,8
1956	61920	25539	36381	28,3	21,9	34,3	24,3	33,7
1957	61353	26655	34698	27,8	22,1	32,8	23,6	34,6
1958	61777	28086	33691	27,5	22,5	32,6	24,9	33,0
1959	59466	27343	32123	25,1	21,0	31,2	24,1	30,7

*Составлена: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 8349. Л. 20. там же. Д. 10577. Л. 25; Естественное и механическое движение населения. Новосибирск, май 1968. С. 1-2. С. 2-3; Исупов В.А. Городское население: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1991. С. 153, 160.

В 1959 году по сравнению с 1955 годом уровень рождаемости в деревне в области снизился в 1,2 раза, а в целом по сельской местности Сибири – в 1,1 раза (рассчитано по табл. 1), по сельской местности СССР – в 1,2 раза¹. Согласно шкале общих коэффициентов рождаемости, показатель её менее 16‰ (промилле) относится к низкому уровню; от 16 до 24,9 ‰ – к среднему; 25,0 – 29,9 ‰ – выше среднего; 30,0 – 39,9 ‰ – к высокому и более 40,0‰ – к очень высокому².

Анализ уровней рождаемости позволяет сделать вывод, что в течение 1955-1959 гг. рождаемость сельского населения была на высоком уровне, городского населения – на среднем, а рождаемость населения в целом по области эволюционировала от высокого уровня до выше среднего. Общий показатель рождаемости в деревне области по сравнению с аналогичным показателем по Сибири в 1955–1956 годах повысился, в 1957–1958 годах снизился и возрос в 1959 году. В 1955 году, по сравнению с рождаемостью в сельской местности Сибири, он был выше на 4,3%, в 1956 – на 1,7%, но в

1957 – уже ниже на 5,2%, в 1958 – ниже на 1,2%, а в 1959 году вновь повысился на 1,6 %.

Существенной была дифференциация рождаемости в городских поселениях и в сельской местности самой области. Уровень рождаемости в сельских поселениях был заметно выше, чем в городских: в 1955 г. – на 32,5%, в 1956 г. – на 36,2%, в 1957 г. – на 32,6 в 1958 – на 31,0%, в 1959 г. – на 32,7% (рассчитано по табл. 1).

Причины различий рождаемости в сельской местности области, Сибири, а также между городским и сельским населением области надо искать не только в структурных факторах, но и в темпах перестройки репродуктивного поведения населения. Ограничение деторождений в семьях сельские жители позаимствовали у горожан, и вслед за ними усваивали современные репродуктивные нормы. В связи с этим к концу 1950-х годов, уровень рождаемости снизился в деревне области по сравнению с довоенным годом на 24,2 % (рассчитано по табл. 1). Однако сибиряки были немного консервативнее жителей европейской части страны и сохранили к началу 1960-х гг. рождаемость на отметке выше среднего уровня, которая отличалась от аналогичного показателя рождаемости в СССР на 10,6%. Высокая рождаемость в деревне предопределялась доминированием во второй половине 1950-х годов традиционного типа воспроизводства населения. Его определяло поколение 1930-х гг., рождённое в больших крестьянских семьях, впитавшее в себя патриархальные ценности, в том числе и в отношении семьи и детей. Однако, несмотря на сохранение рождаемости на высоком уровне, в репродуктивном поведении деревенских жителей к концу 1950-х гг. уже обозначилась коренная перемена – они быстро переходили от традиционной пассивной психологии невмешательства в естественный ход демографических процессов к внутрисемейному планированию³.

Следствием перемен в репродуктивном поведении населения Новосибирской области стала чётко обозначившаяся в 1959 г. тенденция

концентрации рождений в более узком временном интервале. Она переместилась в возрастной интервал репродуктивных женщин от 20 до 35 лет, а максимум рождений – в группу женщин в возрасте 20-24 года, в которой родилось 21143 ребёнка, или 35,5 %, при этом у 22-летних женщин родилось 4755 детей, или 8%. От неё отстала группа женщин в возрасте 25-29 лет, у которых родилось 12280 детей, или 20,7%. В двух возрастных группах женщин от 30 до 34 и от 35 до 39 лет родилось столько же детей, как и в группе женщин в возрасте 20-24 года, или 35,5%, у женщин старшего возраста – от 40 лет и старше – 1602 младенца, или 2,7%. У женщин младшего возраста, то есть до 20 лет, родилось 3298 детей, или 5,5% от всего числа родившихся.

Таким образом, самое большое число родившихся детей было в группе женщин в возрасте 20-24 лет. Сельские женщины в возрасте старше 35 лет резко снизили свою репродуктивную деятельность, но роды в их возрасте в деревне не стали ещё редкостью. На уровне рождаемости этих поколений сказывались последствия войны: многие женщины не имели мужей и были выключены из репродуктивного процесса. К тому же тяжёлая работа в военные и послевоенные годы подорвала репродуктивное здоровье деревенских женщин, и не все они были способны к детопроизводству. Кроме того, в деревнях, как и в городах, в конце 1950-х гг. бытовало такое мнение, что женщины старше 35 лет – уже «пожилые» доля родов, и беременность в таком возрасте «неприлична».

В младшем возрасте (15-19 лет) интенсивность рождаемости была низкой, почти в полтора раза меньше, чем только у 22-летних женщин. Такое репродуктивное поведение молодёжи в конце 1950-х гг. можно объяснить, по-видимому, тем, что многие сельские девушки изменили свои жизненные планы о создании семьи, рождении детей на мечту – быстрее уехать из деревни.

Удельный вес детей, родившихся у многодетных матерей, составлял 33,5% от всех, родившихся в области. Доля женщин-рабочих, входивших в состав этой группы, составляла 55,4%, доля матерей-служащих – 22,0%, доля матерей-колхозниц и кооперированных кустарей – 17,2%.

В актах рождения у 9271 ребенка, или 15,6%, отсутствовали записи об отце. Из этой группы 4355 детей родилось у матерей-одиночек (рабочих), из которых до рождения ребёнка работали 4172 и 183 находились на иждивении семей рабочих. Не было мужей у 1922 матерей-служащих, из которых 1049 работали до рождения ребёнка и 873 находились на иждивении семей служащих, у 1150 матерей-колхозниц и кооперированных кустарей и у 1844 родильниц, у которых не указана категория⁴.

Снижение общего уровня рождаемости вызвало рост удельного веса первых и вторых детей в общей массе младенцев и уменьшились доли третьих и последующих. Из общего числа семей, члены которых проживали совместно, в 35550 семьях проживало по 2 человека, в 33038 – по 3, в 50312 – по 4, в 37978 – по 5, в 23521 – по 6, в 11572 – по 7, в 4989 – по 8, в 1733 – по 9, в 809 семьях проживало 10 и более человек, средний размер сельской семьи (совместно проживающие члены семьи) составлял 3,9 человека. Число членов семьи сельской местности Новосибирской области было большим, чем в городской семье на 0,2 человека, оно равнялось числу членов семьи в сельских поселениях Западно-Сибирского района, и было меньше, чем в Омской области на 0,1 человека, и в деревне проживало столько же членов семьи, сколько и Алтайском крае⁵.

В условиях слабого распространения контрацепции в сельской местности основным методом регулирования рождаемости по-прежнему и в 1950-х гг. оставались нелегальные аборты. Только за 1956-1959 годы число абортёв возросло на 70%, в городах и посёлках городского типа – на 45,7%, в целом по области – на 50,8%⁶.

Коренные изменения в репродуктивном поведении населения потребовали крутого поворота всей демографической политики. Поэтому в во второй половине 1950-х гг. одиноким матерям, заработок которых не превышал 600 рублей в месяц, была снижена на 50% плата за содержание в детских садах и яслях детей⁷, отпуск по беременности и родам был увеличен с 77 дней до 112 календарных дней (56 дней до родов и 56 после родов) с

выдачей за этот период денежного пособия. Женщинам в случае ненормальных родов или рождения двух детей и более продолжительность послеродового отпуска увеличивалась до 70 дней⁸, а также по их просьбе после окончания отпуска по беременности и родам давался дополнительный отпуск до трёх месяцев без сохранения зарплаты. Действующим в СССР законодательством предусматривалось: «запрещение отказа в приёме на работу; увольнение или снижение зарплаты по мотивам беременности; запрещение сверхурочных работ для беременных женщин и матерей, имеющих грудных детей; запрещение посылать женщин в командировки без их согласия, начиная с 5-го месяца беременности; перевод беременных на более лёгкую работу с сохранением заработной платы (за 6 месяцев до родов); установление оплачиваемых перерывов в работе для кормления грудного ребёнка каждые 3¹/₂ часа и ряд других льгот»⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период рождаемость в сельской местности снижалась, но не высокими темпами и соответствовала в течение всего рассматриваемого периода высокому и вышесреднему уровню рождаемости. Генеративная деятельность женщин концентрировалась во всё более молодых возрастах.

¹ Народонаселение стран мира: Справочник под ред. Урланиса. Б.Ц. М., 1978. С. 79.

² Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1984. С. 33.

³ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960-1980-е гг.): монография / Л.Н. Славина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. С. 41.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1026. Л. 21, 24-26.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. ЦСУ при СМ СССР. Москва, 1963. С. 17; ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 805. Л. 73.

⁶ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 8349. Л. 21; там же Оп. 3. Д. 2364. Л. 52.

⁷ Свод законов СССР. М. 1984. С. 717.

⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1967. М., 1968. Т.2. С. 195.

⁹ В.А. Исупов. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 186.

Л.А. Явнова

Бийск, Алтайская государственная академия образования

им. В.М. Шукишина

**ЛЮБОВЬ И БРАК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ И
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

L.A. Yavnova

Biysk, Shukshin Altai State Academy of Education

**LOVE AND MARRIAGE IN THE REPRESENTATION OF RURAL
POPULATION OF THE ALTAI REGION (ON THE MATERIALS OF
ORAL AND WRITTEN SOURCES)**

Аннотация. На основе изучения исторических и этнографических источников по гендерным различиям в отношениях между мужчинами и женщинами анализируется идея брака и любви у жителей Алтайского края в XX веке. Брак в представлении сельского населения Алтайского края традиционно сосредоточен на детях. В докладе анализируется взаимодействие официальной государственной политики в области брака и степени отражения поведенческих стратегий в «частной жизни», любовных переживаниях в советский период.

Ключевые слова. Брак, любовь, устные и письменные источники, русское население, представления, Алтай.

Annotation. Based on a study of historical and ethnographic sources through oral gender differences in attitudes between men and women, analyzes the main idea of marriage and love villagers Altai Krai in the XX century. Marriage in the representation of the rural population of the Altai Territory has traditionally focused on children. The report examines the interaction of official state policy in the field of marriage and the proper degree of reflection of behavioral strategies in the "private life", love experiences in the Soviet period.

Keywords. Marriage, love, oral and written sources, the Russian population, views, Altai.

Процессы изменения структурных характеристик семьи и появление новых форм брачно-семейной жизни сложны и недостаточно исследованы. В историческом исследовании тема любви может быть привлечена для характеристики уровня духовного развития общества. Важными дифференцирующим и факторами в формировании взглядов индивида на брак являются возраст, пол и состав семьи. В связи с этим представляется важным проанализировать отношение к любви и браку с точки зрения гендерных различий.

В традиционном обществе преобладающей формой заключения брака среди русского населения Алтая была церковная: невенчанные браки христианской моралью объявлялись незаконными. Что касается брака в советскую эпоху, то, судя по этнографическим источникам этого периода, происходила борьба между старыми патриархальными нормами и новыми социалистическими представлениями, новым укладом семейной жизни.

После 1917 г. традиционные системы моральных ценностей, брачно-семейных и сексуальных отношений были дезорганизованы. Это сопровождалось ростом внебрачных связей, нежелательных беременностей, аборт. Кодекс 1926 г. вступил в силу 1 января 1927 г., положив начало этапу стабильности советского брачного права. Брак с юридической точки зрения советского семейного права представляет собой свободный, добровольный, моногамный союз мужчины и женщины, соединенный взаимным уважением, дружбой и любовью. Миней Амосович Макарьев из с. Тальменка Солонешенского района Алтайского края вспоминал: «В 1959 г. женился по любви, люди жили бедно, но уверенно. Любовь – это большой круг обязанностей, если ты не готов к ним, ничего не получится»¹. Любовь рассматривалась, как отмечал А.Г. Харчев, как серьезное чувство, возникающее исключительно между людьми противоположного пола, которое приводит к созданию «здоровой советской семьи»².

В целом, советская идеология частной жизни в период ее формирования была столь же консервативной идеологией, как и в странах Запада в тот же период. С 1930-х годов государство начинает вести планомерную политику, направленную на стабилизацию брака и увеличение числа детей в семье, что было связано с резким падением рождаемости в стране. Как показали результаты полевых исследований, конкубинат (длительный юридически не оформленный союз мужчины и женщины или материнская семья с отцом, но без мужа), был довольно распространенным явлением, особенно в послевоенное время³. Этот факт отразился в повседневной жизни деревни и сознании деревенских жителей. При этом в общественном сознании, акцентировалось нравственное поведение супругов, и прежде всего женщины. «Про первую любовь молчали, в деревне сразу вся молодежь знает, а родители-то долго не знали, тогда же мода была записки писать. А дружили, ну, в кино могли сесть рядом. Можем до дому вместе пойти. Вот такая дружба-то наша была. Про чувства никому не говорила»⁴. Любое незначительное событие в деревне превращалось в событие общедеревенского масштаба. А чужая «личная» жизнь была сверхинтересна.

Вплоть до XIX столетия в России сексуальные практики регулировались помимо правил, детерминированных обычаями, двумя кодексами: христианским и законодательным. Важное обстоятельство: как обычаи, так и кодексы, осуждали нарушение супружеского долга и поиск удовольствий⁵. Главным критерием в оценке сексуального поведения девушки до вступления в брак, вплоть до начала 1990-х г. оставалась девственность. Это определяло и отношение родственников мужа к молодой невестке. Так у старообрядцев, живших в скитах, требования к чистоте девиц соблюдалась довольно долго, еще в 1970-е г. при вступлении в брак родители строго напутствовали: «Девка себя до венца блюдет, для мужа и деток бережет, а после венца баба себя бережет для мужа уже. А коли себя не беречь беда случится. А какова беда, а такова беда. Баба – сосуд скудельный, что туда положить, то там и вырастет. Долг мужа в тело жены войти

особливым образом, про то перед свадьбой маменька каждой дочери указывает, муж должен тамо оставить свое семя. Семя в дитятко прорастет, а в положенный срок дитятко народится. Только такое мужу дозволено. Как не муж такое сотворит, как Господь сразу такую девицу и накажет»⁶.

Восприятие чувственной стороны любви, желания близости в основном прослеживаются в фольклоре. Отдельный массив интимного фольклора деревенских жителей составляют частушки. В частушках отражены основные мотивы любви-пожара, любви-пламени, что свидетельствует о скрытой сексуальности и о признании самоценности чувственных радостей как таковых⁷. Приведем примеры только некоторых текстов из Чарышского района:

Я люблю, когда пылает,
Я люблю, когда горит,
Я люблю, когда мой миленький
С улыбкой говорит.

Довольно часто интимные переживания молодых женщин, их желания озвучивались в довольно агрессивной форме, особенно, это характеризует период 1945-1950-е гг.: «...Ты мужиков-то привезла, а девки рослые, толстые, груди торчком, глаза бешеные, только бы мужика. После войны мужиков не было. Нюра Фролиха за молодого вышла»⁸. Полевые материалы изобилуют подробными описаниями женского поведения, так А.Д. Карцева в с. Тальманка Солонешенского района рассказывала: «Нахальные женщины «выстилались» перед парнями». Девушки, молодые вдовы чаще на танцах провоцировали парней на действия сексуального характера:

Меня милый не целует,
Только обещается.
А любовь без поцелуев
Строго воспрещается⁹.

Советское законодательство ставило заключение брака исключительно в зависимость от взаимного согласия брачующихся. В 1960-е годы

регулирование брачно-семейных отношений становилось менее жестким. По мере либерализации советского образа жизни в 1960-1970-х годах изменилось и отношение к интимной жизни и сексуальное поведение. В условиях (1970-1980) г. роста системы потребления происходила постепенно индивидуализация личной жизни. В деревне наряду с новыми тенденциями прослеживается и устойчивость ориентации молодежи на семью. Более детальные представления о любви и браке деревенских жителей в контексте советской повседневности 1960-1980-х гг. были получены с помощью анкетирования, проведенного автором в 2011-2013 г. Респондентам предлагалось представить типичные брачные отношения советского времени и типичную любовь советской эпохи. Исследуемую выборку составили 50 женщин в возрасте от 40 до 60 лет и 30 мужчины в возрасте от 40 до 70 лет. В результате исследования были выявлены следующие различия в представлениях: наиболее распространенным критерием определения брака являются дети и любовь, брак характеризуется преимущественно с положительных сторон (долгий, на всю жизнь, жениться один раз), подчёркивается стабильность семьи (преимущественно официальный брак). Преимущественно под чувством любви понимаются прежде всего уважение, привязанность и физическая близость.

Отношение к браку и любви у каждого поколения несет отпечаток нравственно-эстетических принципов, сложившихся в данном обществе. В заключение необходимо отметить, что приведенные материалы из частной жизни русского сельского населения Алтайского края далеко не исчерпывают всей темы, несомненно, требуется более полное осмысление этой проблемы.

¹ Материалы лаборатории этнокультурных исследований Алтая и сопредельных территорий (МЛЭИА) АГАО имени В.М. Шукшина. 2011. с. Тальменка. Солонешенский район. Полевой дневник (ПД) 3.2011. Л.110.

² Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М. 1979. С. 185.

³ Полевые материалы автора, собранные в 2007-2012 гг.

⁴ Материалы лаборатории этнокультурных исследований Алтая и сопредельных территорий АГАО имени В.М. Шукшина. 2013. Записано от А.Г.П, 1950 г.р. Усть-Канский район, с. Коргон.

⁵ Голод С.И. Эмансипация сексуальности в России: рубеж XIX – XX веков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 69.

⁶ Материалы лаборатории этнокультурных исследований Алтая и сопредельных территорий АГАО им. В.М. Шукшина. Полевой дневник (ПД) О.В. Мальцевой 2012. «О быте, нравах и обычаях старообрядческого скита XIX – XX в.» Л. 59.

⁷ Пушкарева Н.Л. «Не мать велела – сама захотела...» Интимные переживания и интимная жизнь россиянок в XVIII в. // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная практика в доиндустриальной России (X – XIX в.). М. 1999. С. 615.

⁸ Полевые материалы автора (ПМА). 2011. с. Тальменка. Солонешенский район. Полевой дневник (ПД) 1.2011. Л. 138.

⁹ Карпов Н.Д. Частушки Чарышского района. Барнаул. 2006. С. 108.

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 377.5:63(571.56)«192/193»

Е.П. Антонов

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН*

ПОДГОТОВКА КАДРОВ АГРАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЯКУТИИ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

E. P. Antonov

*Yakutsk, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the
North (IHRISN)*

TRAINING OF THE AGRARIAN INTELLECTUALS OF YAKUTIA DURING THE MODERNIZATION PERIOD (THE 1920–1930-ies)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы численного роста и структуры аграрной интеллигенции Якутии, в том числе из числа якутов в период модернизации. Статья обращает внимание на рост сети образовательных учреждений и подготовки в центре. Исследован вопрос о финансовом положении сельских интеллектуалов. Рассматриваются репрессии и дискриминация кадровых специалистов, в том числе с помощью технических секций.

Ключевые слова: аграрная интеллигенция, кадры, модернизация, техническая секция.

Annotation. In the article questions of numerical growth and structure of the agrarian intellectuals of Yakutia are taken up (including from among yakuts during the modernization period). It pay attention to growth of a network of educational institutions and training in the center. The question of financial position of the

agricultural intellectuals is taken up. Are considered repression and discrimination of staff of experts (including by means of technical sections).

Keywords: agrarian intellectuals, staff, modernization, technical section.

В историографии Якутии остается до сих пор малоизученной проблема формирования аграрной интеллигенции в 1920–1930-е гг., в состав которой входили специалисты агрономы, ветеринарные врачи, зоотехники, землеустроители и другие. Повышенное внимание власти к формированию специалистов сельского хозяйства диктовалось задачами модернизации экономики¹.

Табл. 1²

Рост кадров специалистов сельского хозяйства
в Якутии в 1900–1937 гг.

	1900– 1910 гг.	1917 г.	1922 г.	1928 г.	1932 г.	1936 г.	1937 г.
Агрономы	4	4	4	5	18	60	72
Зоотехники	-	-	-	5	30	62	82
Ветеринары	6	6	11	39	54	73	81

Табл. 1 свидетельствует о масштабном росте численности аграрной интеллигенции с 1928 по 1937 гг., когда число агрономов возросло в 14 раз, зоотехников – в 16 раз и ветеринаров – в 2 раза. К этим данным можно добавить сведения о землеустроителях, численность которых к 1930 г. составила 22 чел., из которых высшее образование имели 6, среднее – 13, низшее – 3 специалиста³. Однако территориально специалисты были распределены по территории Якутской АССР неравномерно. К примеру, в 1925 г. двое ветеринарных врачей работали в Якутском и 4 – в Алданском округах. Между тем как Вилюйский, Олёкминский, Колымский и Ленский округа обслуживались лишь ветфельдшерами⁴.

В 1920–1930-е гг. ощущалась острая нехватка специалистов сельского хозяйства. Так, на 1 января 1935 г. в республике имелось 6 ветеринарных

врачей и 28 ветеринарных фельдшеров, а требовалось 21 ветеринарный врач и 28 ветеринарных фельдшеров. Между тем сибирская язва в этот период охватила 12 районов, т. е. приблизительно одну треть республики. По всей республике имелось 3 агронома с высшим образованием и 6 – со средним специальным. Многие должности агрономов занимали зоотехники, несведущие в вопросах полеводства⁵.

В 1930-е гг. началось обучение внутри республики местных уроженцев. В 1930–1931 гг. преподавателями Якутского сельскохозяйственного техникума стали специалисты с высшим образованием Т.С. Говязин, А.Г. Мальс, А.Я. Тарабукин, Н.Ф. Шишук, И.В. Окунцов и другие⁶. В 1931 г. за счет бюджета Якутии в центре было подготовлено 29 специалистов с высшим образованием, в том числе 2 женщины. В 1936 г. вышло постановление ВЦИК СССР об организации сельскохозяйственного вуза в Якутии, но этот вопрос так и остался нерешенным до войны.

Недостаток в кадрах аграрной интеллигенции покрывался за счет приглашения высококвалифицированных специалистов из республики. Им выплачивали пособие в двойном размере месячного оклада, двойной оклад в течение первых трех месяцев, суточные за время фактического нахождения в пути. Члены семьи специалиста получали дополнительное пособие в размере ½ оклада и возмещение на путевые расходы. В 1928 г. в республику прибыло 23, 1929 г. – 28, 1930 г. – 18, 1931 г. – 31 и 1932 г. – 14 специалистов сельского хозяйства с вузовскими дипломами⁷.

Табл. 28

Национальный и социальный состав в средних специальных заведениях в 1936 г.

Учебные заведения	Число учащихся		Удельный вес якутов в общем количестве всех учащихся в 1936 г. (в %).	% рабочих к общему числу учащихся. (в %)	% колхозников к общему числу учащихся. (в %)
	На 1/1 1936 г.	В т.ч. якутов			
Пушно-меховой	116	69	59,5	1,7	16,4

Потребкооперации	71	41	57,7	9,9	52,1
Сельскохозяйственный	143	100	69,8	11,2	57,3
Рыбный	49	29	59,4	4,1	10,2
Сельскохозяйственный рабфак	171	122	71,3	14	71,3
Итого	550	361			

Из табл. 2 виден существенный рост числа учащихся средних специальных учебных заведений из числа коренных жителей. Наблюдался также значительный рост слушателей из числа крестьян и рабочих.

К 1939 г. численность агрономов увеличилась до 143, ветеринарных врачей – 63, зоотехников – 129 и землеустроителей – 173 человек. Важным итогом стало увеличение прослойки специалистов из коренных жителей – якутов: агрономов – 30 чел. (21%), ветеринарных врачей – 2 чел. (3,2%), зоотехников – 59 чел. (45,7%), землеустроителей – 9 чел. (5,2%). В 1939 г. в Якутии работало 6 агрономов и 8 зоотехников из числа женщин⁹.

На территории республики сформировалась сеть стационарных исследовательских центров: ветеринарно-бактериологический институт, зональная промыслово-биологическая станция, опытные сельскохозяйственные станции в Якутске, Среднеколымске, Алдане, пункты по оленеводству в Булуне и Нижнеколымске, Верхоянский опорный пункт Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства, Якутская государственная селекционная и государственная животноводческие опытные станции¹⁰.

Материальное положение специалистов сельского хозяйства в 1920–1930-е гг. медленно улучшалось. В 1926 г. агроном и землеустроитель получали 200, ветеринарный врач – 200–250, директор опытной сельскохозяйственной станции – 350, нарком земледелия ЯАССР – 288 рублей в месяц. Для сравнения: в 1925 г. плуг стоил 60, сепаратор – от 100 до 125, конные грабли – 160, маслобойка – от 25 до 35, жатвенная машина – 55, сенокосилка – 300 рублей¹¹.

В конце 1920-х и в 1930-е гг. в Якутской АССР развернулись репрессии против специалистов сельского хозяйства. Так, наркома земледелия С.М. Аржакова осудили как одного из руководителей «бухаринско-троцкистской, буржуазно-националистической» организации, который систематически проводил «подрывную вредительскую» работу в сельском хозяйстве¹². В 1930 г. комиссия по чистке аппарата наркомата земледелия ЯАССР вынесла ряд дискриминационных мер наркому земледелия Н.В. Бубякину, зав. отделом землеустройства А.Д. Грудзинскому и другим. А.Д. Грудзинский был сыном царского чиновника, московского казначея. Н.В. Бубякина обвинили в том, что он в 1921–1922 гг. служил в штабе белогвардейцев¹³. Как видим, «вычищенные» лица, являлись представителями «бывшей» элиты.

ИТС (инженерно-техническая секция) возникла в Якутии в 1929 г. и боролась за улучшение условий труда и быта аграрной интеллигенции, содействовала целесообразному использованию специалистов в их выдвижении, перемещении и другое. Однако в одном из циркуляров власти от 13 декабря 1929 г. предписывалось, чтобы секции как классовые пролетарские органы проводили «решительную борьбу с кулаком» и перевоспитывали «нейтральных» специалистов, подозреваемых в неверии в построении социализма и «вредительстве»¹⁴.

Таким образом, в течение 1920–1930-х гг. по инициативе власти происходило формирование специалистов сельского хозяйства, острая нужда в которых возникла в ходе сталинской модернизации аграрного сектора экономики. Особенностью данного процесса являлось обращение особого внимания на рост интеллектуального потенциала из числа коренного населения республики, а также женщин, что соответствовало процессам смены их социального статуса в контексте раскрепощения. Подготовка кадров ускорила благодаря возникновению сети образовательных учреждений и исследовательских центров. Рост аграрной интеллигенции мог быть более интенсивным, если бы не дискриминации и репрессии.

-
- ¹Осташко Т.Н. Сельская интеллигенция Сибири. Конец 1919–1927 гг. Новосибирск, 1988. С. 144.
- ²Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928–1940 гг.). Документы и материалы. Якутск, 1978. С. 216.
- ³НА РС (Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 4435. Л. 2; Ф. 55, Оп. 9. Д. 97. Л. 68.
- ⁴Там же. Оп. 8. Д. 190. Л. 20; Оп. 15. Д. 39. Л. 64. Д. 24. Л. 11; Автономная Якутия 1924–1925 гг. Отчёты и обзоры к IV Всеякутскому съезду Советов. Якутск, 1926. С. 94.
- ⁵НА РС (Я). Ф. 55. Оп. 2. Д. 335. Л. 52–53, 129.
- ⁶Там же. Оп. 1. Д. 114. Л. 264–265.
- ⁷Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4438. Л. 8, 85.
- ⁸Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 193. Л. 12.
- ⁹Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 191; Антонов Е.П. Формирование аграрной интеллигенции в 20–30-е годы в Якутии // Материалы научно-практической конференции молодёжи «Интеллектуальный потенциал молодёжи – селу XXI века. Якутск, 1999. С. 241.
- ¹⁰Люди сельскохозяйственной науки Якутии. Краткий биографический альбом-справочник. Отв. Ред. И.А.Матвеев, сост. В.Л.Алексеев. Новосибирск, 1991. С. 4.
- ¹¹НА РС (Я). Ф. 55. Оп. 1. Д. 40. Л. 1; Оп. 31. Д. 1. Л. 21–23; Кооперативно-колхозное строительство в Якутии (1917–1927 гг.). Документы и материалы. Якутск, 1984. С. 125–126.
- ¹²Архив Управления федеральной службы безопасности РФ по РС (Я). Д. 2336. Т. 1. Л. 24; Т. 2. Л. 366.
- ¹³НА РС (Я). Ф. 55. Оп. 1. Д. 117а. Л. 110, 186–187, 198.
- ¹⁴Там же. Оп. 9. Д. 92. Л. 85–86.

Т. А. Артамонова

Барнаул, Алтайский государственный аграрный университет

**ВЫПУСКНИКИ АГРАРНОГО ВУЗА КАК ПОТЕНЦИАЛ В РАЗВИТИИ
АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

T. A. Artamonova

Barnaul, Altai state agrarian university

**GRADUATES OF AGRARIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS
POTENTIAL IN DEVELOPMENT OF AGRARIAN SECTOR OF
ECONOMY OF THE ALTAI TERRITORY**

Аннотация. Алтай, с момента развития его русскими, пережил несколько периодов культурного, исторического и экономического восстановления. Все они были так или иначе связаны с активизацией трудового потенциала. Теперь вопрос о путях дальнейшего развития региона и кадровых резервов, готовых сделать этот прорыв, снова стоит на повестке дня. Особое значение в этом плане имеет аграрный сектор экономики края.

Ключевые слова: аграрный сектор, кадровый потенциал, развитие региона, экономика.

Annotation. Altai, since the moment of development by his Russian, endured some periods of cultural, historical and economic recovery. All of them were anyway connected with activization of labor potential. Now the question of the ways of further development of the region, and of the staff reserves, which are ready to make this breakthrough is on the agenda again. Special concern in this plan is caused by agrarian sector of economy of the region.

Keywords: agricultural sector, human resources, development of the region, economy.

«Что ждет Алтайский край впереди? Какой путь развития предпочтительней? Каковы перспективы аграрного сектора экономики?» Эти

вопросы так или иначе волнуют специалистов многих областей, в том числе и философов¹. Философско-исторический ретроспективный анализ поможет составить правильный прогноз, ибо не зная прошлого, мы не сможем определиться с будущим. По мнению некоторых исследователей, Алтай, начиная с момента освоения его русскими, пережил четыре волны заселения, которые явились и определенными этапами в экономическом и культурном развитии региона¹. Первая волна связана с демидовскими рудознатцами, когда Алтай становится одним из ведущих центров горнозаводского дела царской России, а в последствии и «вторыми Афинами» – культурной столицей южно-сибирских земель. Вторую волну породили столыпинские реформы, и переселенцы тех лет осваивали аграрный потенциал края. Третья волна связана с Великой Отечественной войной, когда из центра страны эвакуировались заводы и фабрики, техникумы и вузы. Вместе с оборудованием, заводскими цехами, вузовскими лабораториями и библиотеками приехали специалисты, которые вписали в летопись Алтая славные страницы его индустриального развития. И четвертая волна связана с освоением залежных земель и трудовым подвигом целинников, когда Алтай превратился в одну из житниц послевоенной страны. Между волнами подъема край (включая в те времена и Горно-Алтайскую автономную область) переживал периоды спада, что характерно и для нашего времени. По мнению специалистов, перспективным направлением для следующего подъема является развитие рекреационного потенциала, укрепление аграрного сектора и продвижение на мировой рынок экологически чистой алтайской продукции; широкое и глубокое использование культурно-исторического наследия Алтая, и, конечно, развитие промышленного сектора, связанного с внедрением новых наукоемких и природосберегающих технологий, которые позволили бы сохранить еще оставшуюся красоту и чистоту природы Алтая.

Встает вопрос, а есть ли внутренний потенциал в крае для нового рывка? В особенности это касается человеческого резерва – наличия

специалистов, готовых работать в этих отраслях. Особую озабоченность вызывает аграрный сектор. Специфика сельской работы, а еще больше особенности сельского быта не являются привлекательными для молодежи. Алтайский государственный аграрный университет (АГАУ) готовит нужных специалистов, но выпускники не спешат возвращаться в село по известным всем причинам. Статистика свидетельствует, что в 2013 г. окончили вуз 694 человека, работают по специальности 173 человека, из них в сельской местности – 131 выпускник.

Отсутствие молодых кадров на селе приводит к тому, что, например, в одном из районов края, где открыт филиал Белгородской птицефабрики, рабочих приходится доставлять вахтовым методом из самого Белгорода. А вместе с этим появляются новые аграрные технологии и производства по переработке сельхозпродукции, новая техника, и поэтому нужны не просто рабочие, а специалисты, знающие свое дело. Есть и положительные примеры, когда выпускники АГАУ удачно работают в агрохозяйствах и даже возглавляют сельхозпредприятия. Конкурс студенческих исследовательских работ о выпускниках, работающих по специальности в аграрном секторе края, позволил собрать интересные материалы. Вот два примера из работы студентки 2-го курса экономического факультета АГАУ Алеси Елисейевой.

Одним из таких «смельчаков», вернувшихся в село, является житель Целинного района Евгений Николаевич Клименко. Евгений родился в 1987 г. в Целинном районе, в поселке Овсянниково. Его отец руководил небольшим хозяйством. С самого детства Женя интересовался деятельностью отца и активно ему помогал. После школы Евгений поступил в АГАУ на инженерный факультет, он знал, что обязательно вернется домой и продолжит дело отца. В 2009 г. Евгений окончил университет. Вот уже почти 5 лет он является руководителем крестьянского фермерского хозяйства, которое занимается преимущественно выращиванием зерновых. Брат Евгения, Александр тоже выпускник АГАУ 2005 г. Он закончил агрономический факультет и вместе с братом трудится в хозяйстве. Жена

Евгения Дарья учится в АГАУ на экономическом факультете. Семья Клименко – замечательный пример молодых специалистов, которые обязательно поднимут свое хозяйство! Евгений считает, что одной из причин большого желания жить в городе является страх труда. Люди боятся трудиться. Кроме того, это наличие больших вложений. Нужны деньги для развития своего хозяйства. Мало кто решится начать дело с нуля.

Не менее ярким примером работы молодежи в сельском хозяйстве является житель Павловского района Дмитрий Алексеевич Пелипенко. Дмитрий является руководителем крестьянского фермерского хозяйства с октября 2010 г. Дмитрию предлагали работу в главном управлении сельского хозяйства края, но подобные предложения он отклонил. Закончив АГАУ, Дмитрий вернулся домой и продолжил трудиться в сельском хозяйстве вместе со своим отцом. На вопрос о том, что мешает развиваться нашему сельскому хозяйству, Дмитрий ответил, что это два основных препятствия: неравномерное распределение государственной поддержки и невозможность прямого обращения со своими предложениями и проблемами к высшим властям. Дмитрий так сформулировал свою мысль: «Рынок первобытно дик. Отсутствие плана производства не даёт возможности прогнозировать итоги работы. Мы топим сами себя. Уже второе десятилетие хорошо живут только посредники в сельхозбизнесе. О государственной поддержке только громко заявляют с экрана телевизора и в газетах, а на деле её нет. Подход к сельскому хозяйству необходимо менять. Нужны план производства и стратегия развития. Молодежь не пойдёт работать в эту отрасль без четкого представления о материальных результатах».

Данные примеры, конечно, вселяют оптимизм, но в целом ситуация в сельском хозяйстве Алтайского края остается напряженной. Без привлечения молодых специалистов, без разработки соответствующих государственных программ федерального и краевого уровня кризис аграрного сектора экономики будет нарастать. А это значит, что пятая волна подъема, о которой мы говорили, может и не состояться. Парадокс ситуации заключается в том,

что продукция сельского хозяйства Алтай становится все более востребованной. Общая мировая продовольственная тенденция такова, что на фоне развития ГМО-технологий, химизации сельского хозяйства и производства продуктов питания такие регионы, как Алтай могут стать лидерами в производстве экологически чистой продукции. Поэтому у нашего аграрного региона есть будущее, хотя оно автоматически не гарантировано, необходимо приложить немалые усилия для его реализации. Ведь не зря Алтай считают одним из очагов будущей экологически-ориентированной цивилизации, о путях формирования которой пишут алтайские философы². Но без активной позиции самого населения, без глубокого интереса молодых специалистов - выпускников вузов к судьбе края пятая волна исторического подъема может отодвинуться на неопределенный срок.

¹Вакаев, В.А. Алтай, который нам нужен [Электронный ресурс] // Алтайский краевой эколого-культурный общественный фонд «Алтай – 21 век»: [сайт]. URL:<http://www.fondaltai21.ru/publish/another/9480> (дата обращения 13.12.2013).

²Иванов А.В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. Изд. 2-е, испр. Барнаул, 2010.

Э.Р. Ахунова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН
**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ТОМСКИХ ТАТАР
В ТОМСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ**

E.R. Akhunova

Omsk, Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography
**ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF SIBERIAN TATARS
IN TOMSK REGIONAL MUSEUM**

Аннотация. В статье рассматривается история формирования этнографических коллекций в Томском музее, рассматриваются состав и количество в них предметов. Приводятся имена ученых, принимавших активное участие в формировании коллекций.

Ключевые слова. Томск, краеведческий музей, этнографические коллекции, томские татары.

Annotation. The article examines the history of the formation of the ethnographic collections at the Tomsk museum. Revealed the composition and quantity of items in the collection. The article called scientists, which were collected through these collections.

Key words. Tomsk, museum, ethnographic collections, Tomsk Tatars.

Томскому областному краеведческому музею им. М.Б. Шатилова в 2012 г. исполнилось 90 лет. Он был основан в 1922 г. Для его создания в городе имелся значительный потенциал в виде большого числа образованных, заинтересованных людей и уже накопленных культурных богатств в частных коллекциях.

В декабре 1919 г. в Томске при подотделе искусств Губернского отдела народного образования была сформирована секция по делам музеев и охране

памятников искусства и старины, в которую вошли профессора Б.Л. Богаевский, Б.П. Денике, В.Ф. Смолин, архитектор А.Л. Шиловский, студент Томского университета И.М. Мягков. В мае 1920 г. секция была преобразована в подотдел: художник-архитектор А.Л. Шиловский стал его председателем, секцию по охране художественных памятников возглавил художник М.М. Берингов, археологическую - профессор В.Ф. Смолин, музейную - профессор Б.Л. Богаевский. С октября к ним добавляется еще одна секция - архитектурная. В июле 1921 г. подотдел реорганизован в Губернский комитет по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Губмузей), заведующим которым назначен художник А.Н. Тихомиров.

Эти люди положили начало формированию первых музейных коллекций и собраний, в том числе и за счет реквизированного имущества, спасая от уничтожения культурные ценности, которые сегодня являются достоянием Томска.

18 марта 1922 г. в бывшем особняке золотопромышленника И.Д. Асташева была развернута первая экспозиция. Этот день считается днём рождения музея.

Пути создания музейных фондов ТОКМ были разнообразны. Интеллигентные, высокообразованные художники, архитекторы, преподаватели университета по крупицам собирали разбросанные войной и революцией предметы, имевшие художественную и историческую ценность. Первая экспозиция музея открылась 18 марта 1922 г., а свое название «Томский краевой музей» он получил в октябре 1922 г. Последующие наименования музея: 1940-1946 гг. - Томский городской краеведческий музей; с 1946 г. Томский областной краеведческий музей.

Значительная роль в научной организации работы музея принадлежит одному из первых директоров (сентябрь 1922 г. – апрель 1933 г.) Шатилову Михаилу Бонифатьевичу. В этот период при нем работают Совет Томского краевого музея (1924 – 1933 гг.), Общество изучения Томского края (1925 –

1928 гг.), Общество по изучению художественного творчества Томского края (1925 – 1926 гг.).

Определяющими задачами музея были и есть исследование Томского края и просвещение широких кругов населения. Формирование музейных коллекций происходит за счет комплексного этнолингвистического и археологического изучения коренного населения Западной Сибири при взаимодействии сотрудников музея и ученых Томского государственного университета и Томского государственного педагогического университета. Коллекции музея соответствуют его краеведческому профилю.

В этой небольшой статье хочется уделить основное внимание формированию этнографических коллекций музея и в частности, формирования этнографической коллекции томских татар. В историческом очерке и обзоре Томского Краевого музея за 1922 г. – 1926 г. М.Б. Шатилов отметил, что «отдел этнографии содержит материалы, характеризующие ряд отдельных народностей, живущих как в Томском крае, так и за его пределами»¹. В эти годы в музее уже существуют коллекции по этнографии русского населения (сборы М.В. Бородкиной), остяков–самоедов, тунгусов, хантов (сборы М.Б. Шатилова), шорцев (Г.Д. Ярославцева и З.С. Гайсина), якутов, томских татар (П.Г. Иванов) и др. По мнению М.Б. Шатилова именно «отдел этнографии является одним из основных отделов всякого местного Краевого музея, в том числе и Томского»². Основным источником пополнения этнографических коллекций служили экспедиционные сборы и поступления от частных лиц. Как отметила историк и этнограф И.В. Октябрьская, летом 1927 г. «сотрудник музея П.Г. Иванов провел этнолингвистические обследования томских татар, в материалах переписи 1920 г. названных «карагасами». В 1928 г. он продолжил работу среди татар среднего течения Чулыма. Эти экспедиции рассматривались в музее как начальный этап широкого изучения тюркоязычного населения всего течения Чулыма»³.

С начала 1950-х гг. ученые подключились к этнолингвистическому и археологическому изучению проблем этногенеза коренного населения

Западной Сибири. В эти годы в музей поступили материалы экспедиций к селькупам Нарымского края (1952 г.), к чулымским татарам (1969 г.), а также материалы по этнографии кетов, эвенков, хантов Томской области.

В 1970 году в Томском музее открылась новая экспозиция, которая демонстрировала разнообразные материалы по традиционной культуре хантов, селькупов, эвенков, томских татар.

Томские татары - восточная этнографическая группа сибирских татар. Численность их в сельской местности вместе с расселившимися среди них пришлыми поволжскими татарами составляет около 4,3 тыс. человек⁴. В Томской области татары этой группы живут в Томском и частично в соседних районах, в долинах рек Томь и Обь. Значительная группа сибирских татар проживает и в г. Томске.

На протяжении XX века значительные изменения произошли в хозяйственном укладе томских татар. Претерпели изменения традиционные черты и в планировке, внешнем облике селений, жилищ, в интерьере домов. Покупные изделия почти полностью вытеснили самодельные изделия домашней утвари. Больше традиционных черт, чем в других областях материальной культуры, сохраняется в питании. Наиболее любимыми видами кушаний по-прежнему, остаются конина, баранина, рыба, молоко. Довольно четко сохраняются национальные особенности в одежде сибирских татар, - особенно у сельских жителей пожилого возраста.

В фондах Томского областного краеведческого музея имеется уникальная комплексная коллекция предметов татарского быта, отражающая культуру томских татар. Коллекция насчитывает 69 единиц хранения⁵. Основа этой коллекции заложена исследователем сибирских тюрков доктором исторических наук, профессором Н.А. Томиловым. Материалы, собранные Н.А. Томиловым в 1972 г. в ауле Тебис Чановского района Новосибирской области составили большую часть коллекции (42 единицы хранения).

Значительную часть коллекции составляют материалы, переданные в фонды музея кандидатом филологических наук доцентом

З.С. Камалетдиновой (12 единиц хранения). С 1972 года по 2001 год коллекция пополнялась и единичными поступлениями (материалы, переданные Н. Абсармовым, Т.А. Горбачевой, Сайбединовой Г.А., Салилигалиевой, Н.Ф. Фаутдиновой, К.Ю. Урюпиной, источники поступления отдельных предметов неизвестны.

Коллекция состоит из типичных для сибирских татар предметов культуры и быта, которые отражают самобытность народа и в то же время позволяют проследить взаимосвязи с культурами других народов, в том числе и тех, которые пришли в Сибирь в ходе ее освоения (русские, поволжские татары). В составе коллекции имеются уникальные предметы материальной культуры томских татар, в частности чатов. Наиболее интересными из них являются атласное свадебное платье; орнаментированные жемчугом, бисером, металлическими нитями бархатные женские головные уборы (калфак); расшитые растительным и геометрическим орнаментом (выполненным цветными нитями) мужские головные уборы (тюбетей); мужской пояс с бляхами в виде полумесяцев; серебряные браслеты, выполненные путем ручной выколотки, колыбель, комыс (музыкальный инструмент). По составу и количеству предметы распределяются следующим образом: утварь – 3 пр.; орудия труда – 15 пр.; одежда и обувь – 10 пр.; головные уборы – 10 пр.; украшения - 9 пр.; предметы детства – 4 пр.; предметы интерьера – 8 пр.; предметы религии - 3 пр.; музыкальный инструмент Комыс – 1 пр.; средства передвижения – 1 пр.; рукоделие – 3 пр.

По составу и количеству коллекция представлена неравномерно. Больше всего предметов находится в разделе орудий труда и национального костюма, а наименьшее количество предметов - в разделах религии, музыкальных инструментов, предметах рукоделия и транспортных средств.

Благодаря исследовательской работе томских ученых и музейных работников в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова

тщательно собраны «предметы материального и духовного быта быстро исчезающей старины»⁶.

¹ Шатилов М.Б. исторический очерк и обзор Томского Краевого музея (1922 г. – 18 марта 1926 г.) // Труды Томского Краевого музея. – Томск, 1927. – Т. I. – С. 27.

² Там же. – С. 29.

³ Октябрьская И.В., Асташкина Т.А. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – 1995, Томск. – Т. VIII. – С. 79.

⁴ Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. – Томск. – Изд-во Томск. ун-та. – 1980. – С. 3.

⁵ Электронный каталог татарской коллекции ТОКМ на CD.

⁶ Слободский М.А. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края // Труды Томского краевого музея. – Томск, 1929. – Т. II. – С. 23.

Е. Ю. Бадулина, Л. А. Корнажевская

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**ПРАКТИКА ВОСПИТАНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ
У СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ
АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

E. Yu. Badylina, L. A. Kornashevskaya

Omsk, P. A. Stolypin State Agrarian University

**PRACTICAL METHODS FOR DEVELOPMENT OF MORAL AND INNER
FEATURES OF UNDERGRADUATES IN PRESENT DAY SOCIAL
ENVIRONMENT (ON EXAMPLE OF THE STUDENTS OF AGRARIAN
EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития нравственных качеств у студентов. Обсуждаются различные формы духовно-нравственного развития студентов аграрных учебных заведений.

Ключевые слова: студенты, духовно-нравственные качества, воспитание, практика.

Annotation. The article considers the issues of moral properties development in students. Various forms of moral development in agrarian undergraduates are discussed.

Keywords: students, moral and inner features, education, practice.

В послании Президента России Федеральному Собранию РФ было подчеркнуто: «Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории».

Воспитание человека, формирование духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России. Мы хотим стать добрыми, порядочными, честными людьми, любящими Родину, свой родной уголок России – Омскую область. Очевидно, что на сегодняшний день существует ряд причин, способствующих формированию негативных тенденций в современном обществе. Однако все более очевидным становится существование факта, образующего основную причину всех негативных явлений – духовно-нравственный кризис самого человека, утрата им духовно-нравственных ориентиров и, как следствие, деградация и извращение его базовых свойств: мышления, воли, совести, веры. Становление и развитие личности в обществе и государстве в настоящее время основано на ложном представлении о человеке, игнорирующем духовные основы его бытия. Человек имеет двойственный состав – душу и тело. Для того чтобы поддерживать жизнь и работоспособность тела, мы должны жить в рамках законов физического мира; чтобы поддерживать чистоту, работоспособность, крепость души, человек должен жить по духовным законам. Игнорирование основ духовного бытия приводит к болезненному состоянию души человека, в котором он утрачивает смысл жизни, радость бытия, жертвенную любовь, созидательный труд. На смену этим понятиям приходят другие, прямо противоположные начала. Сегодня международный терроризм пытается использовать религию для оправдания своих злодеяний. Преступники сознательно стремятся разжечь вражду между людьми разных конфессий и расколоть общество. Христианство, ислам, иудаизм – это религии, в основе которых лежат высокие духовные ценности: веротерпимость, миролюбие, забота о ближнем. Они осуждают агрессивный национализм, пропаганду национальной исключительности, разжигание вражды и рассматривают убийство невинных людей как величайший грех.

Многое зависит от нас самих, от того, что принято называть самосознанием народа. Пока мы не обретем твердые позиции, не

объединимся вокруг цели – жить во имя будущего, мы не сможем победить в этой войне без видимого фронта. Омск является многонациональным и многоконфессиональным муниципальным образованием. В городе проживают представители более 100 различных национальностей, действуют до 50 национально-культурных объединений; более 80 религиозных организаций, представляющих двадцать три конфессиональных направления. За годы обучения в университете мы побывали в мусульманской мечети, посетили храм иудеев – синагогу, протестантский храм-кирху. Встречи, беседы, посещение храмов дают нам возможность посмотреть на свои личные проблемы с другой стороны и сделать правильный нравственный выбор. Эти экскурсии способствуют веротерпимости, дружбе, развивают широту кругозора.

Автобусные путешествия по родному краю, знакомство с историческими памятниками, духовными центрами родной земли – все это вызывает неподдельный интерес. Впечатления от посещения храмов Омской области, таких как: монастырь Животворящего Креста в Ачаире, Святоникольский и Святосерафимовский монастыри, останутся в нашей памяти надолго. Это все очень хорошо помогает понять, что путь к взаимопониманию приходит не только через знания, представления, но и через чувства, умение видеть в каждом человеке, будь то русский, чеченец или татарин, мусульманин или христианин, носителя общечеловеческих ценностей: добра, любви к ближнему, высокой духовности и морали. А это понимание есть результат общения: межнационального, межрелигиозного. Все это приобщает нас к религиозной грамотности, предполагающей формирование представлений о сути религиозных учений и о влиянии религии на бытовую культуру населения. Параллельно у студентов воспитываются такие важные духовно-нравственные качества, как уважительное отношение к религиозным чувствам представителей иной религиозной культуры, патриотизм, любовь к Родине. Мы созданы все разными по характеру, темпераменту и национальности. То, что мы разные,

не означает, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Необходимо воспринимать другого таким, какой он есть, с его традициями, обычаями, темпераментом, настроением, характером. В последние годы общество потребления сформировало новые моральные нормы поведенческих отношений, которые во главу угла ставят экономические выгоды, личный достаток, деньги. Воспитание доброты, чувства сопереживания, заботы о малоимущих становятся наиболее актуальными, особенно, когда речь идет о воспитании студенческой молодежи.

Как это ни больно констатировать, но, по данным ООН, из шести млрд. населения планеты – три находятся за чертой бедности. Ученые сделали вывод: никакой технический прогресс не способен предотвратить это явление, если бедным не будут помогать состоятельные люди, предприятия и все общество. И если их помощь выражается в действиях или поступках безвозмездного характера, если она направлена на общественную пользу или оказание материальной помощи малоимущим, то эта помощь носит название благотворительной.

Все мы также призваны проявлять благотворительность в нашей повседневной жизни. В связи с этим благотворительная католическая организация «Каритас» как организация, которая осуществляет в своем служении принципы милосердия и социальной справедливости, впервые обратила внимание на дату – Международный день протеста против нищеты, учрежденную в 1992 году по инициативе бывшего генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльера и французского благотворительного движения «АТД-Кар Монд».

В этой связи, те деловые отношения, которые установила кафедра философии с российско-германской благотворительной организацией «Каритас», имеют большое значение. В рамках сотрудничества с этой организацией студенты института ветеринарной медицины помогают в фасовке продуктовых наборов в «Каритасе», работают в патронажной службе с инвалидами, детьми в многодетных семьях. Вместе с этой организацией

студенты проводят четыре благотворительные акции. Первая – 17 октября Международный день протеста против нищеты – проходит с 6 по 20 октября. В эти дни студенты собирают детские игрушки, приобретают продуктовые наборы для неимущих граждан. Вторая посвящается Новому году и Рождеству. Студенты собирают деньги и продукты питания, которые направляют на продовольственную программу «Каритас». Для детей-сирот и малоимущих собираются елочные игрушки для украшения новогодних елок, сладости. Третья акция Добрых дел посвящена Пасхе «... лучше творить милостыню, нежели собирать золото...». Одежда, обувь, денежные средства, а также мягкие игрушки были собраны для ребят. Детские книжки были переданы в пользование детям, посещающим «Каритас», в центр «Мать и дитя» и детский клуб «Страна радости». Четвертая благотворительная акция посвящается международному дню защиты детей «Спешите делать добро». Эту акцию студенты проводят специально для маленьких детей. Покупают мягкие игрушки, белье, носочки. Вся эта помощь носит безвозмездный характер, она направлена на общественную пользу, формирует у студентов новые высокие моральные нормы поведенческих отношений, которые исключают экономическую выгоду. Для чего это нужно? Вот что говорят сами студенты о благотворительности, милосердии. Романенко М., студентка 109-й группы факультета ветеринарной медицины: «Мы ходим в “Каритас”, помогаем в работе с детьми, видим открытые глазки детей из неблагополучных семей, которые благодарны нам за внимание, участие. Сердце переполняется состраданием к этим детям, и мы счастливы хоть как-то сгладить их нелегкое детство, доставить им хоть маленькую радость». Паленков И., студент 202-й группы товароведческого факультета: «В нашем обществе сегодня не хватает добра, милосердия, и когда мы участвуем в такого рода акциях, мы делаем это не из-за какой-то корысти, а понимания, того, что это кому-то принесет радость, поможет почувствовать себя нужным, ощутить заботу окружающих. Конфетка, которую съест на Новый год ребенок, – это наш вклад в общее дело борьбы с нищетой».

О. В. Гефнер

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**СИБИРСКИЙ ГЕОДЕЗИСТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИФОР
ДЕМЬЯНОВИЧ ПАВЛОВ (1867–1929 гг.): НАУЧНАЯ И
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

O. V. Gefner

Omsk, P. A. Stolypin State Agrarian University

**SIBERIAN GEODESY MAJOR-GENERAL NIKIFOR DEMYANOVICH
PAVLOV (1867–1929): SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES**

Аннотация. Статья описывает научную и педагогическую деятельность сибирского выдающегося ученого и общественного деятеля Н.Д. Павлова.

Ключевые слова: Н.Д. Павлов, геодезия, наука, педагогика.

Annotation. Article describes the scientific and pedagogical activity siberian outstanding scientist and public figure N.D. Pavlov.

Keywords: N.D. Pavlov, geodesy, science and pedagogy.

У истоков развития геодезической науки и образования в Западной Сибири стояли военные. Учреждением, осуществляющим геодезические, топографические, картографические работы в регионе, был военно-топографический отдел штаба Западно-Сибирского (Омского) военного округа, основанный в Омске в 1867 г. Военные геодезисты и топографы входили в состав формирующейся технической интеллигенции региона, представляли собой интеллектуальную элиту – образованнейших и культурных людей своей эпохи. Их бескорыстное служение науке и обществу, преданность профессии могут являться образцом для настоящего поколения землеустроителей и геодезистов. Имя одного из видных военных

геодезистов, ученого и общественного деятеля Никифора Демьяновича Павлова неразрывно связано с историей становления геодезической науки и сельскохозяйственного образования в регионе.

Н. Д. Павлов родился 4 (17) февраля 1867 г. в селе Алисово Фатежского уезда Курской губернии в крестьянской семье. В возрасте десяти лет мальчик с отличием окончил сельскую школу. С двенадцати лет служил сельским писарем, работал на помещика. Благодаря природным способностям, трудолюбию и тяге к образованию он в 1884 г. поступил в Курское землемерное училище. Затем продолжил образование в Военно-топографическом училище в Санкт-Петербурге, где проходил курс с 1887 по 1889 г. По окончании училища, в 1889 г., был прикомандирован к 8-му Ижорскому резервному батальону, а в 1890-1894 гг. - назначен производителем топографических работ в Управление съёмки Санкт-Петербургской губернии и Финляндии. Уже имея практический опыт работы, Никифор Демьянович в 1896 г. продолжил свое дальнейшее образование на Геодезическом отделении Николаевской академии Генерального штаба, по окончании которой в 1899 г. прошел двухгодичную практику в Пулковской обсерватории¹. Он был воспитанником выдающихся геодезистов В.В. Витковского, Ф.Ф. Витрама, Н.Я. Цингера.

По окончании обучения, в 1901-1903 гг., Н.Д. Павлов служил производителем нивелирных работ в военно-топографическом отделе Главного штаба. Одной из первых значительных работ Никифора Демьяновича было проложение в 1901 г. высокоточного нивелирного хода между Псковом и станцией Бологое. На протяжении всей своей жизни Н.Д. Павлов стремился применять новаторские методы в работе, разрабатывать собственные методики. В ходе этой работы он ввел новый порядок отсчетов по рейке, что позволило повысить точность результатов работ.

В 1903 г. Н.Д. Павлов начал свою службу в военно-топографическом отделе штаба Сибирского военного округа сначала производителем

астрономических работ, а затем штаб-офицером для поручений и астрономических работ. В это время он вел астрономические работы на Алтае, Саянах, Северной Маньчжурии, Степном крае. В 1903 г. Н.Д. Павлов определил положение 29 пунктов в золотоносных районах Ачинско-Минусинского и Каннского горных округов, в 1904 г. - положение 15 пунктов в Семипалатинской области². В 1904-1905 гг. он принимал участие в Алтайской хронометрической экспедиции: в 1904 г. вместе с геодезистом Т.А. Харманским он определил по телеграфу разность долгот Барнаула, Бийска, Кузнецка, Томска относительно Барнаула, а в 1905 г. определил 34 астрономических пункта в Алтайском округе³. В 1906-1907 гг. - был командирован на 3-ю маньчжурскую съемку астрономом, в 1907 г. получил назначение на должность штаб-офицера для поручений и астрономических работ военно-топографического отдела штаба Кавказского военного округа.

В 1908 г. Н.Д. Павлов, уже в чине полковника, возвратился в Омск на должность начальника Омского военно-топографического отдела. Он много сделал для совершенствования работы отдела. В Омском военно-топографическом отделе в 1908 г. под его руководством был сооружен единственный в Сибири компаратор (метрологическая лаборатория) для эталонирования проволок базисного прибора Эдерина. Благодаря усовершенствованию этого прибора в Отделе, а также обновлению техники полевых работ, удалось достичь высокой точности в измерениях. Под руководством Н.Д. Павлова в 1909-1914 гг. велись работы по проложению сибирской первоклассной триангуляции по долине реки Иртыш от Омска через Павлодар и Семипалатинск до Усть-Каменогорска, которая дала опорные пункты для топографической съемки⁴. В 1914 г. по предложению Сейсмической комиссии Академии наук Никифор Демьянович организовал при Омском военно-топографическом отделе сейсмическую станцию 2-го класса, включенную в международную сеть, которая работала до 1917 г.

Значителен и вклад Н.Д. Павлова в разработку новых методов наблюдений, решение актуальных научных проблем геодезической науки. В

1901–1902 г. он изучал вопрос о влиянии земной рефракции на геометрическое нивелирование. В 1909 г. им был разработан метод наблюдения над качанием маятника для определения силы тяжести с заменой часов хронометрами. В 1910 г. предложен метод применения дальномерных засечек при определении разных особенностей рельефа⁵. В 1912 г. он разработал способ определения поправки часов, используемый при работе на севере. Этот «способ Павлова» вошел во все учебники по геодезической астрономии.

Служебную деятельность Н.Д. Павлов успешно сочетал с общественно-научной. В 1911 г. он вступил в члены Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, был избран его председателем. Он состоял членом лекционной комиссии отдела, выступал с докладами на заседаниях, знакомя научную общественность с новейшими достижениями в области астрономии. Так, в 1912 г. им были прочитаны доклады «О Всеобщем тяготении» и «Звезды северного неба по воззрениям древних, средних и новых веков». В 1913 г. в Общественном собрании Омска состоялась его лекция «О новейших взглядах на внутреннее строение земли». Также Н.Д. Павлов был членом Русского астрономического общества.

Деятельность и научные достижения геодезиста снискали признание общественности. В 1911 г. Н.Д. Павлов принимал участие в 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке, проходившей в Омске. Он демонстрировал полуденные солнечные часы, за которые был награжден большой серебряной медалью. А руководимый им военно-топографический отдел, представлявший собрание карт, планов, чертежей, получил почетный диплом⁶. Заслуги Н.Д. Павлова были отмечены и государством. В 1913 г. Никифор Демьянович получил чин генерал-майора.

После революции Н.Д. Павлов был вовлечен в водоворот Гражданской войны. После событий октября 1917 г. он оставался во главе отдела. В ноябре 1917 г. Военно-топографическое управление Генерального штаба из

Петрограда отправило в Омск уникальные приборы для точных геодезических и астрономических работ и национальное богатство страны – 3 тысячи медных досок с гравюрами топографических карт. Как гласил приказ войскам Сибирской армии от 9 октября 1918 г., Н.Д. Павлов «вступил в сношения с советской властью, но только лишь с целью сохранения топографического отдела целым, невредимым и работоспособным». Поэтому после освобождения Омска от большевиков он был оставлен на службе в Белой армии. В 1918 г. он был назначен профессором Академии Генерального штаба с оставлением в занимаемой должности, затем ему присвоили звание начальника военных топографов Сибири и назначили временно исполняющим должность начальника военно-топографического управления, а в 1919 г. он стал начальником военно-топографического отдела Главного штаба. В ноябре 1919 г. в связи с наступлением Красной Армии на Омск Никифор Демьянович получил приказ об эвакуации отдела в Иркутск. Но он принял активные меры для спасения геодезического богатства страны: издал приказ о запрещении офицерам покидать эшелон с эвакуируемыми приборами и картами, а затем сдал все оборудование частям 5-й Красной Армии. Благодаря его деятельности в Омске удалось сохранить ценное техническое оборудование и материалы, которые позволили в годы первых пятилеток сделать город центром геодезических работ в Западной Сибири.

В 1920 г. Н.Д. Павлов возглавил Омскую военно-топографическую часть, реорганизованную затем в Сибирское военно-топографическое управление Корпуса военных топографов, в 1923 г. служил астрономом военно-топографического управления, а в 1924 г. – триангулятором.

Свою служебную и научную деятельность Н.Д. Павлов активно совмещал с педагогической работой. Еще в 1918 г. он был приглашен в Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства на должность профессора астрономии и геодезии. В 1924 г. Н.Д. Павлов уволился с военной службы и перешел на педагогическую работу окончательно: он заведовал кафедрой высшей геодезии, был деканом землеустроительного

факультета (в 1924-1928 гг.)⁷. Никифор Демьянович возглавил факультет в сложное время, когда из-за нехватки специалистов он был на грани закрытия. Ему удалось привлечь необходимых преподавателей. Самому пришлось освоить преподавание нового курса – экономики землеустройства. Заслугами Павлова были также организация летней практики студентов, создание обсерватории и радиостанции.

Никифор Демьянович активно участвовал в деятельности комиссии Госплана СССР по вопросам геодезии и астрономии, выступал на различных конференциях, съездах. Им было опубликовано множество научных работ по геодезии и астрономии. Научные труды Павлова были известны во всем мире, например, цитировались в «Трудах Международной палаты мер и весов».

Н.Д. Павлов имел награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (1902), Св. Анны 3-й ст. (1906), Св. Станислава 2-й ст. (1907), Св. Анны 2-й ст. (1910), Св. Владимира 3-й ст. (1913). Признание научного авторитета и заслуг Никифора Демьяновича выразилось в избрании его в 1928 г. почетным членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Скончался Н.Д. Павлов 19 июня 1929 г. от воспаления легких и был похоронен на кладбище на территории сельскохозяйственного института. В 1974 г. Омское отделение Всесоюзного астрономо-геодезического общества при Академии наук СССР учредило Поощрительную премию имени Н.Д. Павлова, которой ежегодно награждались действительные члены этой организации за активную общественную работу⁸.

В личности Н.Д. Павлова воплотились черты, свойственные лучшим представителям военной интеллигенции, – образованность, бескорыстная преданность науке, всесторонняя общественная активность, патриотизм и служение Родине.

¹Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М., 2001. С. 241–242.

- ²Новокшанова-Соколовская З.Н. Картографические и геодезические работы в России в XIX – начале XX в. М., 1967. С. 183–184.
- ³Павлов Н.Д. Список астрономических пунктов в Алтайском округе // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1916. Т. 38. С. 105–141.
- ⁴Павлов Н.Д. Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических, картографических и сейсмических работ в Западной Сибири. Омск, 1916. С. 30.
- ⁵Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1450. Оп. 10. Д. 487. Л. 69.
- ⁶Государственный исторический архив Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.
- ⁷Червоненко В.Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1994). Омск, 1994. С. 82.
- ⁸Рычков В.В. Сибирский геодезист Н.Д. Павлов // Геодезия и картография. 1976. №12. С. 65–67.

Л.А. Зайцева, Л.Р. Зангеева

Улан-Удэ, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова

ОРГАНИЗАТОР НАУКИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В.Р. ФИЛИППОВА)

L. A. Zaitceva, L. R. Zangeeva

Ulan-Ude, Buryat V. R. Filippov state agriculture academy

THE ORGANIZER OF SCIENCE (ON THE 100-TH ANNIVERSARY OF

V. R. FILIPPOV)

Аннотация. Статья посвящена деятельности выдающегося ученого и государственного деятеля В.Р. Филиппова. Он был талантливым организатором, обладая колоссальной работоспособностью, самодисциплиной, он внес огромный вклад в науку Республики Бурятия. За период 1966–1976 гг. был достигнут прогресс в научно-исследовательской работе в области химии, физики, биологии, геологии и других наук.

Ключевые слова: В.Р. Филиппов, наука, государственный деятель, биография.

Annotation. The article is devoted to the activities of a prominent scientist, statesman – V.R. Filippov. He was a talented organizer, having enormous capacity for work by self-discipline, he made an enormous contribution to the science of the Republic of Buryatia. Over the period 1966–1976 the progress has been made in research work in the spheres of chemistry, physics, biology, geology and other sciences.

Keywords: V.R. Filippov, science, statesman, biography.

Василий Родионович Филиппов родился 26 апреля 1913 г. в семье крестьянина-середняка. Окончив рабфак, поступил в Бурят-Монгольский

зооветеринарный институт. Уже в студенческие годы у В.Р. Филиппова ярко проявились организаторские качества, прекрасные способности к учебе. В 1939 г. он получал стипендию им. М.И. Калинина. Вел активную общественную работу, избирался секретарем комсомольской организации, парторгом института.

В марте 1941 г. В.Р. Филиппов был командирован в Казанский институт для сдачи экзаменов в аспирантуру, но планы были нарушены начавшейся Великой Отечественной войной. Только в 1945 г. Василию Родионовичу удается поступить в аспирантуру Харьковского ветеринарного института. Научным руководителем у него был Михаил Васильевич Рево. Соискатель из далекой Бурятии установил своеобразный рекорд прохождения аспирантуры, окончив ее фактически за полтора года. В 1947 г. защитив диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук, возвращается в Улан-Удэ, в зооветинститут. Становится заведующим кафедрой патологической физиологии и по совместительству работает деканом ветеринарного и зоотехнического факультета, затем заведующим кафедрой, заместителем директора по научной и учебной работе в институте и с июня 1952 г. – директором института.

Будучи талантливым организатором, обладая колоссальной работоспособностью, самодисциплиной, он сумел многое сделать для развития сельскохозяйственного образования в регионе. Работу руководителя института он умело совмещает с успешной научной, учебной и общественной деятельностью.

В 1953 г. В.Р. Филиппов защитил диссертацию по теме «Изучение влияния антитуберальной невротоксической сыворотки на иммунобиологические свойства животного организма» на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук, а спустя год ему присваивается звание профессора. В докторской диссертации ученый изыскал специфический и очень дешевый биопрепарат – антитуберальную невротоксическую

сыворотку как средство патогенетической терапии при некоторых заболеваниях сельскохозяйственных животных¹.

Научные работы, проводимые под руководством В.Р. Филиппова и при непосредственном его участии, имели большое народнохозяйственное значение для республики и региона. Достаточно сказать, что выведенный в институте бурятский симментализированный крупный рогатый скот до сих пор составляет основу молочного скота Бурятии и Читинской области, а начало всему этому положило стадо учебного хозяйства института с удоем на одну фуражную корову 5200 кг молока с жирностью 3,9–4,0%².

В январе 1958 г. В.Р. Филиппова переводят в Совет Министров республики, и он становится председателем правительства.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС впервые поставил вопрос о материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства и увеличении его доходности. Будучи Председателем Совета Министров Бурятской АССР, первым секретарем Бурятского ОК КПСС Василий Родионович проводил большую работу по развитию сельского хозяйства, промышленности, культуры, здравоохранения, по подготовке кадров и укреплению материально-технической базы этих отраслей.

Начиная работу председателем Правительства республики в 1958 г., В.Р. Филиппов выступил с идеей создания в Бурятии комплексного научно-исследовательского института, который в 1966 г. был преобразован в Бурятский филиал СО АН СССР с двумя институтами и двумя самостоятельными отделами. В 1969 г. академик М.А. Лаврентьев, председатель Президиума Сибирского отделения АН СССР, рекомендовал на должность председателя Президиума БФ СО АН СССР В.Р. Филиппова, которого хорошо знал как видного организатора, ученого, хозяйственника с 1958 г., их связывали и дружеские отношения.

14 апреля 1969 г. Филиппов приступает к выполнению обязанностей, а затем избирается председателем Президиума Бурятского филиала СО АН

СССР и директором института естественных наук. Приказ президента АН СССР академика М.В. Келдыша об утверждении В.Р. Филиппова в этом качестве выходит 4 сентября 1969 г.³

В.Р. Филиппов работал в БФ СО АН СССР в годы его становления, с 1969 по 1975 г. Без преувеличения можно сказать, что тогда были заложены основы научного и научно-образовательного потенциала в Бурятии.

В деятельности нового председателя Президиума БФ СО АН СССР в эти годы можно выделить три главные задачи: фундаментальные исследования, прикладные работы, подготовка научных кадров, совершенствование организационной структуры филиала и укомплектование его кадрами высшей квалификации. С 1966 по 1972 г. почти в два раза увеличилось число кандидатов и докторов наук в Бурятии, был организован ряд новых структурных подразделений в области биологических наук. В 1970 г. организован отдел экономических исследований как самостоятельное структурное подразделение филиала, деятельность которого была направлена на комплексное изучение производительных сил Бурятии и перспектив их развития на долгосрочный период.

18 июня 1973 г. в г. Улан-Удэ состоялись выездные заседания Президиума Сибирского отделения АН СССР под председательством вице-президента акад. М.А. Лаврентьева. В своем выступлении В.Р. Филиппов обратил внимание на необходимость создания в республике лаборатории по экономике освоения рекреационных ресурсов бассейна оз. Байкал, а также на научный комплексный подход байкальской проблемы. Такие принципиальные вопросы развития науки и экономики Бурятии, их глубина и важность свидетельствуют о В.Р. Филиппове как о крупном ученом и государственном деятеле.

Научно-практические совещания российского и всесоюзного уровня, выполнение комплексных научных тем, объединяющих исследования из разных областей науки, фактически показали рост авторитета академической

науки Бурятии. 21 научная тема выполнялась по заданию Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике.

1966–1975 гг. для Бурятского филиала СО АН СССР были весьма плодотворны. Химики впервые получили новые полимеры, обладающие повышенной термостойкостью, физиками была разработана методика определения концентрации и подвижности носителей заряда в полупроводнике и полупроводниковой пленке. Биологи разработали агротехнику выращивания лесополос в степной и лесостепной зонах Бурятии. Геологами составлена прогнозная карта на редкие металлы в республике, даны рекомендации по защите берега Байкала от размыва и др. В 1973 г. в составе Бурятского филиала был создан геологический институт, определивший основные направления научной деятельности. В лаборатории биохимии животных Института естественных наук филиала велись исследования по изучению биохимии крови и молока у высокопродуктивных коров симментальской породы Бурятской АССР. Исследовательская работа проводилась под руководством профессора В.Р. Филиппова. Отличительной особенностью его исследований было успешное сочетание фундаментальных и прикладных задач.

В.Р. Филиппов подготовил 15 кандидатов биологических, ветеринарных и сельскохозяйственных наук, двух докторов наук, внося большой вклад в создание научно-образовательного потенциала Бурятии. 5 апреля 1973 г. ученый совет Института естественных наук представляет его к почетному званию – Заслуженный деятель науки РСФСР.

Несомненным подтверждением того, что Василий Родионович плодотворно руководил филиалом, является награждение его в 1971 г. орденом Октябрьской революции. 10 августа 1971 г. с высокой наградой В.Р. Филиппова поздравил президент АН СССР М.В. Келдыш⁴.

За трудовые успехи В.Р. Филиппов был награжден: орденом Ленина, орденами Октябрьской революции и «Знак Почета», медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–

1945 гг.», Золотой медалью ВДНХ. Избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, был делегатом XX и XXIII съездов КПСС, принимал участие в работе XXIV съезда КПСС.

Умер В.Р. Филиппов в 1993 г. Его уважали коллеги, студенты за глубокое знание жизни, за широкий научный кругозор, за способность взять на себя ответственность, умение отстаивать свою точку зрения. 4 марта 1998 г. имя В.Р. Филиппова было присвоено Бурятской государственной сельскохозяйственной академии.

¹Гордость академии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2006. С. 5–8; Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001.

²Зеленин И.Е. Советская аграрная политика в 1950 – начале 1980-х гг. // Россия в XXI веке. Реформы и революции. Т.1. М., 2002.

³Мохосоев М.В. Прогресс науки в Бурятии. Улан-Удэ, 1983; Развитие науки в Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982.

⁴Филиппов В.Р. История высшей школы и науки Бурятской АССР // В братской семье народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. С. 46–69.

А.Е. Карначев

Улан-Удэ, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В.Р. Филиппова

**ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ В
1923–1970-е ГОДЫ**

A. E. Karnachev

Ulan-Ude, Buryat V. R. Filippov state agriculture academy

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MINISTRY OF
AGRICULTURE AND SUPPLY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN
1923–1970-S YEARS**

Аннотация. В статье говорится об истории формирования и развития Министерства сельского хозяйства Республики Бурятия. О структуре и деятельности министерства. Рассмотрены основные периоды реформирования в структуре министерства сельского хозяйства.

Ключевые слова: министерство, сельское хозяйство, продовольствие, реформирование.

Annotation. The article is telling about the history of formation and development of the Ministry of agriculture of the Republic of Buryatia. Also there is information about the structure and activities of the Ministry. The main periods of reforming in the structure of the ministry of agriculture are considered.

Keywords: ministry, agriculture, supply, reforming.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия, отметившее в 2013 г. свой 90-летний юбилей, является исполнительным органом государственной власти Республики Бурятия,

осуществляющим реализацию государственной аграрной политики, направленной на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий, и нормативно-правовое регулирование в сфере агропромышленного комплекса.

Свою историю Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия ведет с 1923 г. Протоколом заседания № 13 Ревкома Бурят-Монгольской АССР от 20 ноября 1923 г. было утверждено положение о Народном комиссариате земледелия БМАССР, согласно которому образованное ведомство являлось органом, объединившим все мероприятия, направленные на развитие сельскохозяйственного производства.

В задачи Наркомзема входили руководство и контроль над деятельностью земельных органов республики, всестороннее изучение состояния сельского и лесного хозяйства, учет и эксплуатация государственных земельных имуществ, содействие наиболее полному использованию всех естественных ресурсов, организация ветеринарной помощи, охрана недр земли.

Наркомзем БМАССР непосредственно подчинялся ЦИК и СНК БМАССР и выше – Наркомзему РСФСР. Во главе Наркомзема стояли народный комиссар земледелия, заместитель, которые назначались и утверждались ЦИК БМАССР, члены коллегии, земельная плановая комиссия. Самым первым, вступившим в должность Народного комиссара земледелия, и с чьим именем связана история становления Министерства сельского хозяйства Республики Бурятия, был Матвей Иннокентьевич Амагаев (1897-1944 гг.).

Он был незаурядным организатором, бескомпромиссным человеком, буквально весь отдавался работе. Приказом революционного комитета БМАССР от 1 августа 1923 г. М.И. Амагаев был назначен народным комиссаром земледелия, Н.Н. Кузьмин – замнаркомзема, В.И. Михайлов – членом коллегии Наркомзема. При разделе имущества 1 сентября 1923 г. между Прибайкальской, Забайкальской и Иркутской губерниями и Бурят-

Монгольской АССР Наркомзему БМАССР передавались все лесничества и все ветеринарные учреждения, находившиеся на её территории: Баргузинский лесной заповедник, Березовская лесная школа.

Штат Наркомзема состоял из 52 человек, и на основании плана размещения учреждений Наркомзем находился в бывшем пассаже купца Второва на Большой улице (ныне ул. Ленина, г. Улан-Удэ).

В должности Наркомзема Амагаев находился до середины сентября 1923 г. и был освобождён ввиду его перехода на партийную работу. Это решение было принято 15 сентября 1923 г. на заседании Бурревкома. Там же было принято решение освободить заместителя Наркомвнутдел А.И. Оширова от занимаемой должности и назначить народным комиссаром земледелия республики.

В состав Наркомзема входили следующие управления с отделениями:

Административно-финансовое управление с финансово-счётным отделом и хозяйственной частью; Управление сельского хозяйства, в его составе были отделы животноводства, пчеловодства, общественной агрономии; Управление землеустройства и мелиорации; Ветеринарное управление; Отдел рыболовства; Управление лесами¹.

На первой сессии ЦИК БМАССР от 10 декабря 1923 г. при Наркомземе БМАССР были образованы комиссия по установлению земельных норм, секция помощи по установлению земельных норм, секция помощи по восстановлению сельского хозяйства и предупреждению голода, временное правление общества сельскохозяйственного кредита, центральная земельная комиссия². Осенью 1924 г. были образованы отдел семенной ссуды и центральная сельскохозяйственная опытная станция³.

Начиная с 1931 г. был взят курс на организацию сельхозартелей – основной формы колхозного движения. В этом же году организуются первые МТС (машинно-тракторные станции) и МСС (машинно-сенокосные). В 1933 г. было коллективизировано 64,8% хозяйств. 11 апреля 1933 г. прошёл первый съезд колхозников-ударников⁴. По итогам первой пятилетки

технически отсталое земледелие Бурятии постепенно переходит на базу передовой техники. В 1934 г. были образованы племконторы, управление лесами местного значения при Наркомземе БМАССР. В 1944 г. было организовано управление водного хозяйства при НКЗ БМАССР. В 1945 г. было создано управление коневодства.

В 1946 г. все наркоматы были переименованы в министерства, в том числе наркомат земледелия стал министерством земледелия, который на основании Указа Президиума Верховного Совета БМАССР от 8 апреля 1946 г. разделился на министерство земледелия и министерство животноводства⁵.

Постановлением Совета Министров БМАССР № 160 от 3 апреля 1947 г. эти министерства объединились в одно министерство сельского хозяйства, образовав в аймаках отделы сельского хозяйства в составе исполнительных комитетов. В связи с этим утверждалась следующая структура Министерства сельского хозяйства БМАССР: руководство: министр, заместитель министра; управление животноводства; управление зерновых и технических культур; сортовое управление; управление плодоовощеводства; управление МТС; управление землеустройства и севооборотов; управление водного хозяйства; планово-экономическое управление; материально-технического снабжения. В ведении Министерства сельского хозяйства состояли конторы: мелиоводстрой, стройконтора, плодопитомники, республиканская ветбаклаборатория, ветеринарно-опытная станция, научная станция по животноводству, Селенгинский государственный племенной рассадник, ипподром, Селенгинский мотороремонтный завод и автобаза.

24 сентября 1948 г. был организован Бурят-Монгольский опорный пункт по пчеловодству, с 26 сентября по 3 октября была проведена «Неделя сада», в течение которой была организована закладка садов и ягодников на территории Бурятии. В 1950 г. было организовано управление оросительных систем Министерства сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР⁶.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1953 г. Министерство сельского хозяйства БМАССР было преобразовано в Министерство сельского хозяйства и заготовок.

27 июня 1957 г. постановлением № 261 СМ БМАССР были объединены Министерство сельского хозяйства, управление совхозов, управление водного хозяйства в одно Министерство сельского хозяйства, с подчинением последнему 7 совхозов, конторы Мелиоводстрой и районных управлений оросительных систем.

На 1 января 1977 г. Министерство сельского хозяйства Бурятской АССР непосредственно подчинялось СМ Бурятской АССР, Министерству сельского хозяйства РСФСР и имело следующую структуру, состоящую из отделов: общий отдел; земледелия и кормопроизводства с группой семеноводства; животноводства; пользования земледелия и луговодства; ветеринарный отдел; отдел механизации; Госсельхознадзора; по производству молока и молочных продуктов; капитального строительства; управление капитального строительства колхозов; отдел капитального строительства совхозов; труда и зарплаты; финансирование, бухгалтерия и отчётность; подбор кадров; отдел совхозов; планово-экономический; КРУ; спецчасть; административно-хозяйственный отдел.

Министерство сельского хозяйства Бурятской АССР руководило развитием всех отраслей сельского хозяйства, организовывало землеустроительные работы и осуществляло контроль за правильным использованием колхозами переданных им земель. Занималось подготовкой колхозных кадров и специалистов сельского хозяйства, организацией труда в колхозах, распределяло денежные средства и материальные ресурсы, отпускаемые для сельского хозяйства, руководило ветеринарным обслуживанием, электрификацией сельского хозяйства, заповедниками, организовывало борьбу с вредителями сельского хозяйства.

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф.Р-691, Оп.1, Д. 31, Л.10.

² ГАРБ Ф.Р-475, Оп.1, Д.4, Л.1.

³ГАРБ Ф.Р-691, Оп.1, Д.11, Л.103; Ф.Р-475, Оп.1, Д.101, Л.242.

⁴ГАРБ Ф.Р-691, Оп.1, Д.764, Л.12.

⁵ГАРБ Ф.Р-248, Оп.13, Д.170, Л.18.

⁶ГАРБ Ф.Р-248, Оп.14, Д.118, Л.138.

Л. А. Корнажевская

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У СТУДЕНТОВ
АГРАРНЫХ ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

L. A. Kornazhevskaya

Omsk, P. A. Stolypin State Agrarian University

**DEVELOPMENT OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF
UNDERGRADUATES STUDIES AT WEST- SIBERIAN EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF AN AGRARIAN PROFILE**

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты формирования исторического сознания и мышления у студентов. Приведены педагогические методы развития исторического сознания.

Ключевые слова: историческое сознание, студенты, воспитание, мышление.

Annotation. The article focuses on different aspects of historical consciousness and thinking formation in undergraduates. Pedagogical methods for historical conscience development are given.

Keywords: historical consciousness, students, education, thinking.

Актуальность воспитания историей сегодня определяется переломным этапом в истории нашей страны. Обновление всех сторон жизни российского общества невозможно без активизации человеческого фактора, что в свою очередь, предполагает осознание человеком себя в качестве субъекта истории. Применительно к молодёжи это означает, что она перестаёт быть объектом тех или иных воздействий и становится активным субъектом жизни, осознаёт себя в качестве её важного социального и духовного компонента.

Однако сами по себе возможности, открываемые перед молодёжью, не реализуются. Для того чтобы молодёжь осознала себя субъектом исторических преобразований, необходимо воспитание у неё исторического сознания, неразрывно связанного с выработкой исторического мышления.

Историческое мышление – это способность к критике, это источник гражданской активности, исторического оптимизма, без него невозможна личность.

Историческое сознание, историческое мышление – неотъемлемый атрибут личности. Важно помнить, что исторические знания обладают особым свойством – они воспитывают не только разум, но и душу. Высокие нравственные убеждения рождаются из синтеза сознания и поведения личности, представляющей мир в его историческом развитии.

Познание прошлого не только обогащает ум, но и вдохновляет к творчеству, поэтому необходимо воспитывать у молодёжи такое историческое сознание, такую духовную культуру, которые позволили бы ей относиться к жизни творчески, уметь использовать приобретённые знания в процессе решения задач.

Особенно важно добиться перехода от ассоциативного мышления к концептуальному, которое, в частности, предполагает овладение новым политическим мышлением, как действенным инструментом решения теоретических и практических задач.

Несомненную пользу здесь может принести воспитание исторического сознания, основанного на понимании взаимосвязи исторических явлений, роли человека, как «самоцели» истории, «меры всех вещей». Только на этой основе может быть сформулирована личность исторически памятливая, нравственно полноценная, всесторонне культурная.

Необходимо также отметить, что историческое мышление – основа общественного мышления. Определяя будущее, мы исходим из исторических представлений. Оно играет первостепенную роль в формировании патриотизма.

Как отмечал Д.С. Лихачёв: «Любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своему университету, к своему городу, к своему селу, к родной природе, своим землякам, а созрев, становится сознательной и крепкой любовью к своей стране и её народу». Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цель, когда что-нибудь в ней выпало или больше того, отсутствовало с самого начала.

С чего начинается Родина? А правда, с чего? У каждого будут свои размышления на этот счёт. Неоспоримо только одно – она начинается с чего-то очень близкого и дорогого нам. В этом смысле с песней не поспоришь: «И картинка в букваре, и товарищи из соседнего двора, и тропинка от родного дома – всё это и есть твоя Родина».

В последнее время как-то не принято говорить на подобные темы. И любовь к месту, где ты родился, и к своей стране расцениваются или как ложный пафос, или как дешёвая конъюнктура. Поэтому в последние годы на кафедре внедряются новые формы воспитания патриотизма, как: проведение круглых столов и встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, которых с каждым годом становится всё меньше и меньше. Однако остаются живые свидетели военных и послевоенных событий. Студенты с удовольствием расспрашивают своих бабушек и дедушек об их историческом прошлом, о работе в тылу, восстановлении разрушенного войной хозяйства страны. Вот некоторые выдержки из студенческих сочинений:

«Помогали всем, чем только могли. Женщины ходили грузить двухметровые дрова в эшелоны, выполняли сложные мужские работы. Детей устраивали работать на заводы, если таковые были. Они, например, мыли запчасти для самолётов в бензине. И так целыми днями, по локоть в холодном бензине. Также помогали и домашние животные. Многие благодаря им и выжили. Почти весь выращенный хлеб отправляли на фронт, а сами колхозники перебивались на картошке и овощах. Хлеб ели далеко не

каждый день. Во время войны с питанием было всё очень сложно. Многих людей выручал лес. Собирали ягоды и травы, но всё равно было тяжело, поэтому все, чтобы выжить, старались хоть как-то, как сейчас говорят, «крутиться». В лесах собирали хвощ, заячью капусту. После того, как зацветала черёмуха, брали кисточки-цветочки, добавляли в молоко и жарили в печи. Варили щи. Их называли «вылоглазыми», потому что они были безо всего. Только крошево из капустных листьев и воды». (Из воспоминаний бабушки Павловой Клавдии Ивановны) – Студентка 131-й группы факультета ветеринарной медицины Горбань Ксения.

«Весной и картошки печёной не стало, так как она растаяла и загнила. Стали копать оставшуюся картошку на колхозных полях. И, пока она не сгнила с наступлением тепла, мы делали из неё draniki. С наступлением тепла пищу стали готовить на костре, хотя всё, что готовили, пищей назвать трудно. Когда стала проклёвываться зелень, отыскивали щавель, другую съедобную траву и молодую листву липы. Фактически от голодной смерти нас спасла свёкла. На наше счастье сохранились семена сахарной свёклы, которые мы посадили на месте сгоревшего дома. И обилие золы, да навоз сделали своё дело – свёкла выросла просто гигантской. Ели в варёном виде, вялили, сушили, получались отличные конфеты, а сладкую водичку выпивали». – Студентка 132-й группы факультета ветеринарной медицины Фризен Виктория.

«Люди стали готовиться к оккупации, закапывая в землю всё более менее ценное. Но мы почему-то закопали только новые валенки, а всё остальное осталось в доме. Да и сам дом был новый. В него мы переехали где-то в 1934 г. Всё поместилось под одной тёплой крышей: сам дом тёплый, в три окна, часть которого занимала кухня и русская печь, большие сени, часть которых занимал сельник. А под ним находился омшаник, в котором хранились кадки с огурцами и капустой. Всем пришлось перебраться в овощехранилище. Спали на соломе, а пищу готовили на костре. Но даже трудно сказать, что это была за пища. На пепелище раскапывали картошку

(нижние слои не превратились в уголь), и она нас спасла от голода. А как мучили вши... Их было столько, что с белья их просто стряхивали, когда прожаривали над костром. Ходили в длинных юбках, с головы не снимали платок. Коровушку нашу забрали немцы, на глазах у мамы зарезали, отдав нам лишь ноги и шкуру. Как только мама не молила их оставить корову – ничего не помогло. Но её шкура нас потом здорово выручила. Мама отрезала от неё куски, опаливала на костре и варила холодец. Односельчане иногда давали, когда молочка, когда сыворотки». – Студентка 121-й группы факультета ветеринарной медицины Ермакова Елизавета.

Информация, содержащаяся в воспоминаниях, позволяет выяснить конкретную картину событий, отношения людей к противнику, любовь к своей Родине. И главное, оказывает сильное эмоциональное воздействие на тех, кто собирал эту информацию, на наших студентов, которые выносят светлые впечатления о жизни крестьян во время войны, позволяют определить достоверность сведений, особенность быта, занятий, поведения сибиряков в трудное время. Именно через призму отношений сибиряков к войне рождается у студентов чувство гордости за свою семью, село, Родину.

Д.В. Кузнецов

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**П.А. СТОЛЫПИН И ОРГАНИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В Г. ОМСКЕ**

D.V. Kuznetsov

Omsk, P.A. Stolypin State Agrarian University

**P.A. STOLYPIN AND THE ORGANIZATION OF AGRICULTURAL
EDUCATION IN OMSK**

Аннотация. В статье рассказывается о ключевом положении П.А. Столыпина в организации первого сельскохозяйственного учебного заведения в Омске. Основание этого заведения имеет важное значение для эффективной организации сельскохозяйственного развития в Сибирском регионе в ходе новой аграрной переселенческой политики.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, сельское хозяйство, учебное заведение, переселение.

Annotation. The article tells about the key position of P.A. Stolypin in the organization of the first agricultural educational institution in Omsk. It's foundation was important for effective organization of agricultural development in the Siberian Region in the new course of agrarian migration policy.

Keywords: P. A. Stolypin, agriculture, educational institution, resettlement.

С именем П.А. Столыпина связано проведение реформы крестьянского наделного землевладения, вошедшей в историю под названием столыпинской аграрной реформы. Аграрный вопрос занимал важнейшее место в социально-экономической и общественно-политической жизни дореволюционной России. Составной частью аграрной реформы Столыпина являлась переселенческая политика. Масштабы переселений крестьян в

азиатскую часть России были огромны. В поисках лучшей жизни миллионы крестьян прибыли тогда в Сибирь. Благодаря этому был осуществлен колоссальный качественный сдвиг в плане ее экономического развития. Проводя свою реформу, Столыпин постоянно следил за тем, как идет процесс переселений, как устраиваются крестьяне, с какими проблемами им приходится сталкиваться.

В 1910 г., в сопровождении своего первого помощника и «правой руки», главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина Столыпин предпринял поездку в Сибирь, чтобы непосредственно, на месте ознакомиться с ситуацией, узнать о нуждах сибирского края и выработать соответствующие решения, которые должны быть положены в основу правительственной политики в этом регионе. Как отмечалось в газете «Утро России», непосредственно «целью поездки было ознакомление с отрубным хозяйством и выяснение на месте вопроса о возможности широкого переселения из Европейской России. Для этого предпринимались работы по отводу казенных земель в киргизской степи с туземным населением, а также выяснилась возможность дальнейшего расширения землеотводных работ в уездах с коренным русским и старожилым населением»¹.

В ходе своей поездки Столыпин посетил множество сибирских городов, сел и других населенных пунктов. В каждом из мест своего пребывания Столыпин детально и тщательно вникал в социальные и экономические вопросы местной жизни, изучал особенности каждой местности, смотрел, как и чем живут люди и что нужно сделать правительству, чтобы улучшить их положение.

В числе прочих Столыпин посетил и город Омск. Это произошло 25 августа 1910 г. По прибытии, на перроне вокзала Столыпина и Кривошеина по русскому обычаю с хлебом и солью встречали представители местной власти и общественности города. И тогда же члены Омской городской думы во главе с городским головой В.А. Морозовым «от лица жителей города

Омска» подали П.А. Столыпину докладную записку, в которой помимо прочих просьб и предложений содержался пункт об учреждении высшего сельскохозяйственного учебного заведения с ветеринарным отделением². С аналогичной просьбой уже в самом городе, в помещении военного собрания, к П.А. Столыпину обратилась и депутация от Омского Биржевого комитета во главе с председателем Ф.Ф. Штумпфом. В памятной записке, поданной Председателю Совета министров членом биржевого комитета Лаптевым, говорилось в частности: «В деле учреждения в городе Омске как естественном центре Западной Сибири и Степного края – политехнического института с сельскохозяйственным, гидротехническим и ветеринарным отделениями при нем. Могучее развитие в нашем крае скотоводства и сельского хозяйства вообще и маслоделия в частности, а равно быстрое заселение края, страдающего от недостатка осадков и живых текучих вод, делает особенно необходимым три названных отделения политехникума»³.

П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин «отнесли к ходатайству города с большим пониманием и обещали рассмотреть этот вопрос»⁴. Однако при детальном его изучении выяснилось, что открытие института сопряжено с крупными затратами казны и потому на осуществление этого начинания нельзя рассчитывать в ближайшее время. Вместе с тем, председателем Совета министров было позднее указано на возможность осуществления в ближайшем времени учреждения в Омске ветеринарного института «как более соответствующего хозяйственной структуре Степного края и требующего меньших финансовых затрат».

Такое намерение было подтверждено Столыпиным и во всеподданнейшем отчете по обзору губерний и областей Сибири приложенном к правительственному вестнику за 1910 г⁵. Объясняя открытие такого института необходимостью налаживания агропомощи населению, министры считали, что ее размах и интенсивность определялись наличием специалистов, обладавших сельскохозяйственными знаниями. Поэтому «задача Ведомства Земледелия теперь всячески искать и готовить таких

людей. Главный доступный для правительства путь к этому – насаждение технических знаний, – школа, и школа местная, вырабатывающая специалистов-практиков в тех именно хозяйственных условиях, в которых должна протекать их будущая деятельность. Поэтому необходимо, прежде всего, открыть на месте в Сибири специальные агрономические училища, сначала средние, а затем и высшие.

Местом для первой средней школы естественно намечается Омск как главный сельскохозяйственный центр Западной Сибири; высшее же сельскохозяйственное учебное заведение было бы целесообразнее всего открыть в Томске. На первое время в виде особого факультета или отделения при одной из существующих уже высших школ – университете или технологическом институте»⁶. Такое мнение Столыпин, очевидно, высказал, потому что согласился с томским профессором Курловым, сказавшим, что в Томске «уже имеется профессорский персонал»⁷, а значит – существует соответствующее кадровое обеспечение. Вместе с тем, Столыпин и Кривошеин не отрицали в принципе возможность открытия высшего сельскохозяйственного института и в Омске, но считали, что это должно произойти позднее, когда для этого будут созданы соответствующие условия.

Во время своего пребывания в Омске П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, помимо разных объектов, посетили также и ферму Омской школы молочного хозяйства⁸, на базе которой было образовано сельскохозяйственное училище, а также Омскую лесную школу. Позднее, уже в марте 1913 г., для прохождения летних практических занятий в помещении этой фермы, которую посетили П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, были размещены первые учащиеся⁹.

При обратном проезде П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин снова посетили Омск. Премьер-министр вновь «принимал представителей от различных организаций, в том числе городского голову и члена управы Ящерова. Они снова повторили свои просьбы, с которыми обращались к нему во время приезда в Омск, на что министр ответил готовностью пойти

навстречу городу в его нуждах»¹⁰. В частности, беседа с городским головой В.А. Морозовым, Столыпин «обещал полное со своей стороны содействие ходатайству об открытии в Омске высшего учебного заведения – ветеринарного института. Политехнический институт с ветеринарным и другими отделениями, о котором мечтал Омск, по мнению министра, должен быть открыт в Томске»¹¹.

Очевидно, именно это обещание председателя Совета министров имел в виду городской голова В.А. Морозов, выступая в Омской городской думе, когда 19 ноября 1910 г. там решался вопрос «О возбуждении ходатайства об открытии в Омске ветеринарного института». Морозов обратил особое внимание присутствующих членов Думы на то, «что председатель Совета министров П.А. Столыпин, когда к нему обращались представители г. Омска, высказался, что мысль об открытии в г. Омске ветеринарного института может быть признана осуществимой, что во всеподданнейшей записке председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием также указывается на неотложную необходимость открытия в г. Омске ветеринарного института»¹².

По возвращении министров в Петербург, в рамках деятельности, связанной с активизацией усилий по решению вопросов, касающихся аграрной реформы вообще и переселенческой политики в частности, наряду с другими мероприятиями правительства П.А. Столыпина, началась и работа по учреждению в г. Омске сельскохозяйственного учебного заведения. Уже в сентябре того же 1910 г. в петербургских газетах «появилось сообщение о том, что в Главном управлении землеустройства и земледелия в скором времени будет разрабатываться проект открытия нового высшего сельскохозяйственного института в г. Омске»¹³. Новое учебное заведение будет отличаться от других высших сельскохозяйственных институтов России тем, что наряду с обычными отделениями будет открыто ветеринарное. Институт будет функционировать с будущего года»¹⁴. Автор этого сообщения, поместивший его на страницах «Омского телеграфа»,

будучи, очевидно, хорошо осведомленным по данному вопросу, от себя, в продолжение добавил: «У нас есть комиссия или группа лиц, в которую входят представители различных местных учреждений и частные лица. Теперь для этой группы самый удобный и благоприятный момент проявить свою деятельность для подкрепления проникших в газету слухов и проведения в жизнь предпринятого столь симпатичного дела. Следовало бы созвать собрание и вообще возобновить работу в этом направлении»¹⁵.

Интенсивная работа по учреждению сельскохозяйственного училища, как со стороны правительства и ГУЗиЗ, так и со стороны местной власти и общественности города, велась на протяжении всего последующего времени. В сентябре следующего, 1911 г. Столыпин был убит, но, несмотря на это, его аграрная политика была продолжена. Дальнейшие преобразовательные мероприятия в аграрной сфере, необходимо связывать с именем А.В. Кривошеина, являвшегося ближайшим соратником и первым помощником Столыпина, активнейшим продолжателем его реформ.

В рамках намеченных и осуществляемых при Столыпине мер и в продолжение его аграрной политики, 12 октября 1911 г. А.В. Кривошеин направил в Омск на имя губернатора телеграмму, в которой предложил учредить комиссию для решения всех конкретных вопросов, связанных со строительством сельскохозяйственного училища¹⁶. Губернатор немедленно отозвался на это предложение и такая комиссия под его председательством была сформирована. В нее вошли практически все представители администрации, ответственные за проведение сельскохозяйственной политики в уезде и области. Позднее комиссия была преобразована в попечительный совет, в который помимо представителей местной власти вошли представители общественности¹⁷. Первые здания сельскохозяйственного училища были возведены на том же участке земли, который принадлежал молочной школе, а ее живой и мертвый инвентарь также был куплен училищем и перешел в его распоряжение. Открытие училища состоялось 28 октября 1912 г., о чем были посланы соответствующие уведомления Кривошеину¹⁸.

В ответной телеграмме, от 29.10.12 г., посланной на имя генерал-губернатора, Кривошеин писал следующее: «Сердечно благодарю Ваше Высокопревосходительство и представителей края за любезную телеграмму. Очень рад, что имел возможность оказать содействие удовлетворению одной из насущнейших нужд края. От души желаю новому рассаднику сельскохозяйственных знаний процветания и широкой деятельности на пользу местного сельского хозяйства»¹⁹.

Только после открытия сельскохозяйственного училища ГУЗиЗ приступило к практической деятельности по учреждению в Омске высшего сельскохозяйственного учебного заведения. 1 июля 1913 г. департамент земледелия направил губернатору уведомление о посылке в Омск старшего специалиста по сельскохозяйственному образованию Катаева для составления законопроекта об учреждении института с четырьмя отделениями (агрономическим, ветеринарным, лесным и гидротехническим) и для сбора всех необходимых данных²⁰.

Таким образом, учреждение сельскохозяйственного училища явилось шагом, определяющим скорейшее открытие высшего сельскохозяйственного учебного заведения. Иными словами, училище явилось прообразом современного Омского аграрного университета, и у истоков его создания стоял именно П.А. Столыпин, о чем в наше время вообще мало кто знает. Вполне очевидно, что без принципиального согласия Столыпина, и его живого и непосредственного участия в этом деле такое крупное и важное событие в то время едва ли было осуществимо. И наш гражданский долг состоит в том, чтобы по мере сил содействовать восстановлению исторической памяти и исторической справедливости по отношению к этому незаслуженно забытому, но, несомненно, выдающемуся государственному деятелю и человеку.

¹Омский телеграф. 1910. 19 сентября. С. 3.

²Омский телеграф. 1910. 26 августа. С. 2.

³Омский телеграф. 1910. 28 августа. С. 2.

⁴Омск – естественный центр для первого сельскохозяйственного института в Западной Сибири. Омск, 1914. С. 25; Сибирская жизнь. 1910. 10 сентября. С.3.

⁵Омск – естественный центр ... С. 25, 28; См. Также «О необходимости открытия в Омске ветеринарного и сельскохозяйственного института» // Сибирские вопросы. 1910. № 22. С.27–36.

⁶Поездка в Сибирь и Поволжье». (Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина). СПб., 1911. С. 53–54.

⁷Омский телеграф. 1910. 7 сентября. С. 3.

⁸ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 535. Л. 21; Омский телеграф. 1910. 26 августа. С. 4.

⁹ГИАОО Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

¹⁰Омский телеграф. 1910. 12 сентября. С. 3.

¹¹Омский телеграф. 1910. 8 сентября. С. 2.

¹²ГИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25. Л. 606–607.

¹³Омский телеграф. 1910. 25 сентября. С. 2.

¹⁴Омский телеграф. 1910. 23 сентября. С. 2

¹⁵Омский телеграф. 1910. 25 сентября. С. 2

¹⁶ГИАОО. Ф.65. Оп. 1. Д.1. Л.1.

¹⁷ГИАОО. Ф. 65.. Л.2, 3, 27 и др.

¹⁸ГИАОО. Ф. 65. Л. 219, 220. Закон об учреждении сельскохозяйственного училища в г. Омске. См. ГАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1.Л.167, 175.

¹⁹ГИАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 38

²⁰ГИАОО. Ф.65. Оп.1. Д.1. Л. 229.

Л.Е. Малякутова

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
филиал Института археологии и этнографии СО РАН*

**ИЗУЧЕНИЕ АНТРОПОЛОГИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР НА
ПРИМЕРЕ Г. ОМСКА***

L.E. Malyakutova

*Omsk, Siberian Branch of the Russian Institute for Cultural Research,
branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Science*

**THE STUDY OF ANTHROPOLOGY YOUTH SUBCULTURES, OMSK
SITY CASE***

Аннотация. В статье рассмотрены молодежные сообщества, существующие в Омске. Выявлены некоторые специфические черты, которые в совокупности формируют единую картину молодежной культуры Омска.

Ключевые слова: субкультура, антропология, Омск, молодежь.

Annotation. Youth societies of Omsk are considered in the article. Some specific features, which form the picture of the youth culture of Omsk, are defined.

Keywords: culture, anthropology, Omsk, youth.

Молодежная тема в социально-культурной антропологии достаточно молода. Ученые антропологи начали изучать сущность данного феномена всего несколько десятилетий назад. Разработкой этой темы в основном занимались и занимаются по большей части социологи и психологи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы), проект № 12-31-01043.

Антропологических и этнографических работ немного. С другой стороны, в современной этнографии и антропологии отмечается явный сдвиг в сторону городских исследований. Цель работы – изучение и выявление некоторых представителей молодежных субкультур на примере города Омска.

Из существующих в настоящее время классификаций молодежных субкультур наиболее удачной, на наш взгляд, является классификация в сборнике статей «Молодежные субкультуры Москвы», выпущенном в издательстве института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН¹. Составители данного сборника сгруппировали все направления молодежных субкультур в 6 основных сообществ. В частности: учебные и трудовые коллективы; политизированные объединения; уличные группировки; неформальные объединения молодежи; этнические и этнокультурные объединения; сообщества, существующие в виртуальном пространстве. Несмотря на то, что данный сборник описывает ситуацию характерную для Москвы, присутствующая на его страницах классификация может быть использована для изучения молодежной субкультуры в любом крупном городе России.

Данная классификация позволяет сделать некоторые выводы при рассмотрении молодежной культуры Омска. Учебные коллективы являются одними из наиболее распространенных не только в России, но и во всех развитых странах мира, так как для всех этих стран характерна очень развитая система образования. В результате с самого детства молодой человек оказывается вовлеченным в сообщества, оказывающие влияние на его поведение, взгляды на мир и т.д. Такими сообществами являются школьные классы, студенческие группы средних и высших профессиональных учебных заведений и др. Омск является образовательным центром Омской области, которая является весьма крупным регионом. Каждый год в Омск для того, чтобы получить образование приезжают молодые люди из различных частей Омской области, а порой и из других регионов или государств. В связи с этим в

«образовательную» среду города оказываются вовлеченными не только омичи, но и приезжие.

Первым образовательным институтом, оказывающим значительное влияние на формирование культурных предпочтений молодых омичей, является средняя школа. Некоторые авторы отмечают, что значительная часть социальной жизни молодых людей в возрасте 14-15 лет проходит внутри ситуаций, которые предзаданы социальным контекстом и не зависят от выбора самих молодых людей: в кругу друзей, в семье, школе². Отсюда можно сделать вывод о том, что школьный класс, играющий такую большую роль в социализации молодежи, может рассматриваться и как среда, в которой формируются мировоззрение, взгляды на моду, сверстников и др. установки, которые могут рассматриваться как характеристики определенной субкультуры.

Не меньшую роль на личность человека оказывают профессиональные образовательные учреждения. Студенческие сообщества очень динамичны. Однако в большинстве вузов и вузов есть определенный набор традиций, которые ложатся в основу самоидентификации студента со своим учебным заведением. В набор таких традиционных мероприятий входят посвящения, экваторы или медианы, маевки и т.д.³ Кроме того, в каждом студенческом коллективе может складываться своеобразный фольклор, также отличающий одни студенческие сообщества от других.

Другой уровень субкультурных отличий складывается в профессиональных сообществах. Несмотря на то, связь молодежной субкультуры и трудового коллектива проблематична из-за возможной неоднородности возраста входящих в него людей, профессиональные сообщества также играют важную роль в формировании особенностей, которые необходимо относить к субкультуре. В разновозрастных коллективах молодежь, как правило, обособляется, создавая собственный приятельский круг общения⁴. Есть и такие организации, которые сознательно делают ставку на молодежь. В Омске примером последних может служить

сеть быстрого питания «Курочка рядом». Кроме того, могут существовать и целые профессиональные направления, в которых заняты исключительно молодые люди. В качестве примера таких молодежных профессиональных занятий можно привести работу промоутерами, агентами продаж услуг интернет и кабельного телевидения и т.д. Однако исследований подобных профессиональных сообществ в Омске не проводилось.

Молодежь, включенная в деятельность молодежных общественно-политических организаций, составляет основу следующего субкультурного направления. Особенностью данного направления является важная роль политических идеологий в формировании этих молодежных сообществ. В городе Омске действует широкий спектр молодежных общественно-политических движений, большая часть которых является общероссийскими. Например, к ним можно отнести такие молодежные объединения, как: «Молодая гвардия «Единая Россия», молодежное «Яблоко», региональное отделение движения «Лебедь» и т.д. По данным социологических опросов, доля молодых россиян, интересующихся политикой, крайне не велика, всего 2 процента, и молодежь Омска здесь не исключение⁵.

Одним из наиболее характерных проявлений деятельности молодежных политических сообществ – это уличные акции. Подобные акции в Омске обычно малочисленны. Однако для молодых людей они играют роль своеобразных тусовок, которые объединяют всех, кто стремится продемонстрировать свою точку зрения по актуальным вопросам общественной жизни. Это является важной чертой, характеризующей данную субкультуру.

Уличные группировки также представлены в ряду субкультурных направлений, существующих в Омске. Такие группировки обычно формируются из молодых людей по территориальному принципу и характеризуются конструированием брутальной маскулинности, довольно высоким нормативным уровнем агрессивности, наличием определенного «морального кодекса» (включающего в себя правила взаимопомощи,

ограничения на насилие и др.); возможна (но далеко не обязательна) склонность к криминальной деятельности⁶. Молодых людей, относящихся к подобным «пацанским» объединениям, обычно называют «гопниками». Однако есть и другие группы, которые также можно отнести к рассматриваемому субкультурному направлению. В частности речь идет о спортивных фанатах (например, некоторые болельщики омского хоккейного клуба «Авангард»), зачастую ведущих себя достаточно агрессивно и некоторые другие группы.

Неформальные молодежные объединения также представлены в ряду молодежных субкультур города Омска. Под ними обычно понимают «определенный тип молодежного сообщества, возникшего и существующего ради удовлетворения потребностей и интересов его членов, чья деятельность не регламентирована правовыми документами и неподотчетна государственным и общественным организациям»⁷. Обладая «неформальной» структурой, данные группы имеют достаточно четкое подразделение в зависимости от самоназвания, имиджа и т.д. Объединяются такие группы на основе музыкальных направлений, общей деятельности, знаковых фигур и т.д.⁸ Несмотря на то, что численность представителей данного направления относительно невелика, они привлекают к себе пристальное внимание исследователей. В исследовательской литературе отношение к представителям неформальных молодежных объединений неоднозначно. Зачастую исследователи склонны оценивать такие группы как своеобразную болезнь общества, сбой социализации и т.д. В таком случае часто говорят о связи этих сообществ с криминалом. С другой стороны, существует другой перекокс, который проявляется в романтизированном взгляде на представителей данных объединений⁹. Неоднозначно отношение к представителям данных групп и в обществе. Однако социологические опросы показывают, что люди, которые не являются участниками этих неформальных объединений, чаще всего относятся к ним отрицательно¹⁰.

Омск является полиэтничным городом. Помимо традиционных для Омска этнических групп в нем встречаются и представители весьма экзотических для Сибири народов, большая часть из которых приехала в Омск для получения образования. Кроме того, в Омске, как и в большинстве других крупных городов России, достаточно много трудовых мигрантов. В результате в Омске существует достаточно большое количество молодежных этнических и этнокультурных групп. Такие группы могут формироваться в рамках этнокультурных общественных объединений или других крупных сообществ, например в вузах или ссузах. В студенческой среде молодые люди зачастую образуют своеобразные приятельские коллективы на основе принадлежности к одной этнической группе или общности увлечений, которые имеют этнокультурный характер. Примером последних могут служить сообщества, которые существуют во многих омских вузах и включают в себя любителей этнических барабанов, ирландских танцев и т.д.

Еще одна разновидность молодежных субкультур – это сообщества, сформированные в виртуальном пространстве. Не следует считать, что подобные сообщества полностью заменяют собой общение, протекающее в реальной жизни. Исследователь В. Метальникова по этому поводу отмечает, что «в целом интернет-среда, по крайней мере пока, не создала отчетливо специфических форм общения — это скорее новое техническое средство для выражения текущих культурных форм»¹¹. Однако влияние интернет-сообществ на жизнь молодого поколения достаточно велико. Появление «Живого журнала», «Твиттера», «ВКонтакте» и других сетей привнесло новые формы в жизнь молодежи. Интернет привел к появлению особого образа жизни и своеобразного языка, интернет-сообщества влияют на моду, предпочтения и т.д. Все это позволяет говорить о существовании своеобразной субкультуры, которая сформировалась именно под влиянием виртуального пространства.

Таким образом, в настоящее время актуальной является необходимость разработки теоретико-методологического аппарата для анализа явлений,

связанных с молодежной культурой. Хотя изучение данной сферы городской культуры не исчерпывается проблемой ее типологизации, разработка этого аналитического инструмента позволяет значительно продвинуться при рассмотрении молодежной культуры. Обзор молодежных сообществ позволяет проанализировать поле молодежных субкультур, существующих в Омске. Все эти сообщества имеют свои специфические черты, но взятые в совокупности формируют единую картину молодежной культуры Омска.

¹Громов Д.В. Субкультуры большого города: единство непохожих // Молодежные субкультуры Москвы. Сборник научных статей. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – 544 с.

²Савин И.С. «Мы» и «они» в повседневной жизни школьников (по результатам исследования в одной из московских школ) // Молодежные субкультуры Москвы. Сборник научных статей. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – С. 84.

³Кузнецова О.П. Основные аспекты организации внеучебной работы со студентами в ОмГТУ // Молодежь: на пороге XXI века: Тезисы докладов Всероссийской I научно-практической конференции 28-29 октября. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1998. – С. 207-208; Маликова Л.А., Ковалева З.Д. Духовные проблемы воспитания // Молодежь: на пороге XXI века: Тезисы докладов Всероссийской I научно-практической конференции 28-29 октября. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1998. – С. 2213-216 и др.

⁴Громов Д.В. Субкультуры большого города: единство непохожих... С. 12.

⁵Интерес к политике и идейно-политические предпочтения молодежи // Институт социологии РАН. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/4/punkt5_1_4.pdf (дата обращения: 20.10.2012 г.)

⁶Громов Д.В. Субкультуры большого города: единство непохожих... С. 14.

⁷Кобылин Н.В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // СОЦИС. – М., 1991. – С. 82.

⁸Громов Д.В. Субкультуры большого города: единство непохожих... С. 16.

⁹Аbrasова Д.В. Неформалы как представители молодежной субкультуры // Молодёжь — будущее России: материалы II заочной Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов(Омск, 25 декабря 2009 г.). — Омск: Изд-во Ом.гос. ун-та, 2010. – С. 88-94.

¹⁰Горкунова А.И., Родькина О.В. Отношение к представителям неформальных молодежных объединений // Молодёжь — будущее России: материалы II заочной Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов (Омск, 25 декабря 2009 г.). — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – С. 105-109.

¹¹Метальникова В.В. Жизнь в «Живом журнале» Интернета // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности. Сборник статей. - М., 2007. - С. 90.

И. А. Махнанова

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ (ОБ
ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЭТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ,
КРАЕВЕДОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

I. A. Makhnanova

Omsk, P.A. Stolypin State Agrarian University

**ON EXTENSION THE HISTORIOGRAPHICAL BASE (THE STUDY OF
THE CREATIVE HERITAGE OF POETS, WRITERS, ETHNOGRAPHERS
OMSK REGION)**

Аннотация. В данной работе особое внимание уделяется концепции «литературной и исторической региональной этнографии» и её места в современных исторических исследованиях. Названы имена писателей, историков, этнографов, чьи работы посвящены истории освоения Сибири. Проводится исследование нарративных источников (журналистских и литературных текстов) и биографии авторов, даст возможность лучше понять историю нашего региона.

Ключевые слова: историографическая база, литература, нарративный источник, история региона.

Annotation. In this paper special attention is paid to the concept of «literary and historical regional ethnography» and its place in contemporary historical research. The names of writers, historians, ethnographers, whose works are devoted to the history of the development of Siberia, are called. Study of narrative sources (journalistic and literary texts) and biographies of authors will provide an opportunity better understand the history of our region.

Keywords: historiographical base, literature, narrative source, the history of the region.

Вовлечение нарративных источников – публицистических и художественных текстов – расширяет границы для решения конкретных исторических задач. Роль исследователя – из многообразия источников отобрать конкретно-исторические факты для дальнейшего анализа, верификации, сопоставления, обобщения, заключения. Этот тезис находится в рамках нового определения источниковедения, как эмпирической гуманитарной науки, «объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом»¹.

Как отмечают исследователи, ситуация в науке характеризуется как смена парадигм от нарративизма к когнитивной истории, или истории как строгой науке. По мнению других, речь идет не о противоборстве, а «о параллельном существовании двух парадигм, а точнее, двух направлений историописания», социально ориентированной и научно ориентированной истории². Современная историческая наука обращается к логике научного познания, стремясь к появлению «методологического ядра – самостоятельного раздела или области знаний – наукоучения, в котором обобщаются представления и знания сообщества о методах исследования», «достижению доказательных и эмпирически верифицируемых результатов»³. По мнению И. В. Сабенниковой, «именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, а следовательно, и степень адекватности научных представлений»⁴.

Изучение творческого наследия исследователей-подвижников родного края, подготовка комплексного труда по истории отечественного краеведения, необходимость систематизации знаний в этой области и написание историографических работ – актуальные задачи, на которых акцентируют внимание ведущие историки, участники всероссийских научно-

практических конференций и краеведческих чтений⁵. О важности этой работы «не только для объективного представления об истории накопления и распространения исторических знаний и истории развития общественной мысли, но и для современного развития краеведения», – писал более 20 лет назад доктор исторических наук, профессор С.О. Шмидт⁶.

За каждым именем – отдельная тема освоения малой родины, уникальные страницы историографического материала, собранного за годы жизни в редких документах и архивных первоисточниках. Тем ценнее предстоящий поиск биографических фактов, неопубликованных и малоизученных краеведческих работ земляков, преданно служивших родному краю. По справедливому мнению В.Г. Рыженко, «мы получим возможность представить историю отечественного краеведения в лицах и судьбах этих “знаковых” фигур местных подвижников»⁷.

Представляется важным определение понятия культурологического родиноведения – совокупности методологических и методических приемов, состоящих из последовательных этапов погружения в «Дух Места»: 1) документального анализа; 2) традиционных методов (изучение литературы и письменных источников); 3) методов натурного изучения «культурного гнезда», где полноправным источником является «символическое знаковое пространство в виде литературных и живописных текстов»⁸.

О литературном наследии писателей, отражающих в своем творчестве определенные периоды отечественной истории, в том числе на основе тщательного изучения документальных источников, следует сказать, как о возможности расширения источниковедческой базы для изучения социальных процессов, происходящих в России, и в том числе в сибирской деревне.

Географические и временные рамки предстоящего исследования, в основе которого тот самый «Дух Места» («genius locus») – омские «корни» литературно-исторического наследия авторов второй половины XX в., особая связь с территорией, которой посвящалось творчество, где получена «путевка

в жизнь». В курсе краеведения изучается творчество многих сибирских писателей и поэтов, чьи судьбы связаны с Омском.

Поэт Л.Н. Мартынов здесь родился и жил до сорока лет, через его исторические поэмы открываются страницы древних летописей. Даже краткий список («Ермак», «Пленный швед», «Тобольский летописец», «Правдивая история об Увенькае», «Рассказ о русском инженере», «Рассказ про мастерство», «Баллада про великий путь», «Домотканная Венера», «Искатель рая», «Сказка про атамана Василия Тюменца», «Дневник Шевченко», «Крепость на Оми») указывает на значительный объем подготовительной работы. Выявлению круга литературно-исторических источников, изученных поэтом при написании произведений, посвящены исследования, подтверждающие его «скрупулезную точность в использовании исторических фактов»⁹. Воспоминания Л. Мартынова «Воздушные фрегаты», «Черты сходства», «Стоглав» – уникальная мемуарная проза, передающая дух старого Омска.

Наследие поэтов и писателей, работавших в эмиграции – Б.Г. Пантелеймонова, Г.Д. Гребенщикова, А.А. Ачаира, также связано с Омском, Сибирью. В Омске учился и опубликовал свои первые книги С.П. Залыгин, работали писатели Г.М. Марков, В.Г. Утков, А.М. Плетнев. Творчество омских писателей-литературоведов – Е.И. Беленького, Ю.А. Макарова, Э.Г. Шика – кладезь ценных сведений о современном литературном процессе и исторических фактах прошедших веков. Документальные очерки А.Д. Колесникова, М.М. Малиновского, И.И. Подковки, И.Ф. Петрова описывают факты сибирской истории.

Историко-краеведческие работы А.Ф. Палашенкова, В.И. Кочадамова, М.К. Юрасовой, М.П. Журавлева, посвященные Омску, Сибири, являются признанными трудами, они изучаются современными исследователями. Историки относят к литературному наследию А.Ф. Палашенкова неопубликованные документальные очерки, посвященные декабристам В.К. Кюхельбеккеру, А.И. Одоевскому и жене декабриста М.А. Фонвизина

Н.Д. Фонвизиной, и статьи, соответствующие «отраслям краеведения: археологическому, историческому и природоведческому»¹⁰. Это косвенным образом подтверждает заявленный тезис о возможности расширения историографической базы научных исследований.

Теме сибирской деревни близка провинциальная историография районов Омской области, связанная с именами земляков, преданно изучающих родной край. И.С. Коровкин, В.С. Аношин, Н.А. Зеленёв, И.Ф. Зинченко, М.И. Саньков, П.Т. Сигутов, Н.Д. Веселовский, Е.П. Малахова, А.И. Любашенко, М.И. Урапова (Ракитина), М.И. Лощилина, Б.И. Маслацов, В.Н. Меньшиков, М.А. Бизякина, Р.М. Широков, Е.П. Зензин, К.И. Кошуков, Н.А. Свиркин опубликовали сотни страниц о сибирской деревне. Изучая их заслуги, мы воздаем дань памяти, продолжаем дело предшественников, передавая из поколения в поколение «Дух Места».

Выделим основные сюжеты по истории Сибири в произведениях омских авторов: интервенция и Гражданская война, «белое движение», роль «третьей столицы», быт и обычаи жителей городов и сибирской деревни, советские пятилетки, трудовые будни, развитие городов, становление советской культуры, политической системы, российской многопартийности, воспитание молодежи. Из многообразия тем складывается тот объем краеведческой информации, составляющий родиноведение, краелюбие, отчеведение, воспитывающее гордость за свою родину, Отечество, Россию.

¹Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. –С. 352.

²Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Краеведение: дисциплина исторической науки vs форма общественного сознания // Краеведение как феномен провинциальной культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 октября 2011 г.). Омск, 2011. С. 36.

³Сабенникова И.В. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с. // Российская история. 2009. № 2. С. 177.

⁴Сабенникова И.В. Там же. С. 179.

⁵Смирнова А.Г. Материалы по истории краеведения на страницах журналов Центрального Бюро краеведения (ЦБК); Смирнов Я.Е. Об источниковедении библиографии: к вопросу составления краеведческих библиографий (на примере изучения научного наследия А.А. Титова) // Сельские всероссийские краеведческие чтения (Москва-Омск, 13–17 мая 2013 года). М, 2013; Рыженко В.Г. Краеведение российской провинции

как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 октября 2011 г.) Омск, 2011.

⁶Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 76–77.

⁷Рыженко В.Г. Указ. соч. С. 45.

⁸Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: Монография. Екатеринбург–Омск, 2003. С. 136.

⁹Петрова З.А. Исторические поэмы Леонида Мартынова (Взаимодействие литературно-исторического материала и художественного вымысла) [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека disserCat: [сайт]. URL: <http://www.dissercat.com/content/istoricheskie-poemy-leonida-martynova-vzaimodeistvie-literaturno-istoricheskogo-materiala-i-> (дата обращения: 20.12.2013).

¹⁰Бежан Е.М. Литературное наследие А.Ф. Палашенкова: опыт создания антологии краеведения // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Омск, 13–17 мая 2013 года). М, 2013. С. 671.

В. Е. Новаторов

Санкт-Петербург, государственный университет кино и телевидения

**РОЛЬ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ И
УКРЕПЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА АГРАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

V. E. Novatorov

St.-Petersburg, State University of Cinema and Television

**THE ROLE OF THE RURAL INTELLIGENTSIA IN DEVELOPING AND
STRENGTHENING HUMAN CAPITAL OF AGRARIAN ECONOMY**

Аннотация. Современная сибирская деревня являет собой сложный конгломерат политических, экономических и социальных проблем, возникающих и решаемых в процессе модернизации России. Главным ресурсом преобразования аграрного сектора экономики выступает человеческий капитал, развитие и укрепление которого имеет первостепенное значение в трансформации современного процесса хозяйствования и всего уклада общественной жизни. В развитии и укреплении человеческого капитала важную созидающую роль играет сельская интеллигенция.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, модернизация, человеческий капитал, аграрная экономика.

Annotation. Modern Siberian village is a complex mixture of political, economic and social problems that arise and are resolved in the process of modernizing Russia. Human capital – the main resource transformation of the agricultural sector. Its development and strengthening of paramount importance in the transformation of the modern economic processes and way of social life. Rural intelligentsia plays an important role in the development and strengthening human capital.

Keywords: rural intellectuals, modernization, human fund, agrarian economy.

Россия переживает сложный и противоречивый этап модернизации, затрагивающий все без исключения сферы общественной жизни и отрасли национальной экономики, в том числе ее аграрного сектора. Так случилось, что богатейший опыт колхозного движения и совхозного строительства советских лет в считанные годы, а кое-где и месяцы, был предан поспешному остракизму и незаслуженному забвению. Современные агропромышленные комплексы на селе возникли не сразу и не вдруг. Многим памятли неутешительные картины сельской жизни первых постсоветских лет: торчащие из-под снега валки необмолоченных хлебов, оставленная на полях сельскохозяйственная техника, зияющие пустыми глазницами окон коровники и свинарники, «дрейфующие» от одного двора к другому бесхозные животные, сельские жители с потухшими от безысходности взглядами, подвыпившие мужики и озорничающие подростки... Но в это же самое время иные предприимчивые земляки (а часто и городские «пришельцы») бесцеремонно «арендовали» земельные (лесные, озерные, охотничьи) угодья, создавали всевозможные АО, ООО, АОЗТ, ЧП и т.п. объявляли себя фермерами и предпринимателями, выкупали за символические цены технику, «прихватуизировали» движимое и недвижимое, строили фешенебельные коттеджи с бассейнами и гаражами, путем подкупа и коррупции обращали в свою «веру» бывших партийных и советских руководителей и работников местных правоохранительных органов. Школы и больницы хирели на глазах, клубы и библиотеки владели жалкое существование, достаточно успешно функционировавшая в советские годы система кинообслуживания сельского населения была фактически развалена. И в райцентрах, и в сельских поселениях ощущалось небывалое социальное напряжение, на глазах ухудшалась криминогенная обстановка.

С годами, благодаря решительным и конструктивным мерам, принятым руководством страны и регионов, обстановка на селе постепенно стала

меняться к лучшему, но это вовсе не означает, что накопившиеся за годы «капиталистического строительства» проблемы окончательно и бесповоротно решены; они спорадически возникают то в одной, то в другой сферах деревенской жизни - политической, экономической и социальной, в том числе культурной, в формате отдельных муниципальных образований, больших и малых сельских поселений. Будем помнить, что за время постсоветских преобразований выросло и вошло в самостоятельную взрослую жизни целое поколение молодых граждан. При их непосредственном участии, а то и личном влиянии формируется новый, адекватный времени, уклад сельской жизни, меняются политические оценки и экономические приоритеты, формируется «рыночное» сознание деревенских жителей, проявляются более многообразные культурные потребности, утверждаются новые моральные ценности и идеалы.

Обеспечение устойчивого экономического развития сельских территорий, решение проблем трудовой занятости населения, в первую очередь молодежи, развитие бизнес-процессов в сфере сельскохозяйственного производства, модернизация инфраструктуры агропромышленного комплекса, упорядочение миграционной практики, – все это может быть обеспечено и успешно решено только при наличии высокой профессиональной культуры, местного самоуправления, путем развития человеческого капитала формирующейся аграрной экономики. Руководители сельских администраций и сотрудники правоохранительных органов, предприниматели и бизнесмены, новоиспеченные менеджеры и инженеры, агрономы и ветврачи, специалисты здравоохранения, культуры и образования – вот тот отряд интеллигенции «рыночной формации», который призван сообща «вдохнуть» в сельский социум новые политические ориентиры, возбудить у молодежи деловой интерес и предпринимательскую жилку, утвердить новые моральные ценности, обеспечить эстетический всеобуч подрастающих поколений, а в конечном счете – сформировать, развить, укрепить и сохранить *человеческий капитал*.

Человеческий капитал в аграрном секторе экономики – это прежде всего *руководители* современных агропромышленных фирм и комплексов, вооруженные знанием макро- и микроэкономики, менеджмента и маркетинга. Это высококвалифицированные *специалисты*, владеющие современными технологиями производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Это и рядовые *исполнители* – *профессионалы* своего дела, не только обладающие требуемым запасом профессиональных знаний, умений и навыков, но высокой общечеловеческой культурой. Наконец, это достаточно тонкий, в условиях села, слой представителей традиционно понимаемой *интеллигенции*.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова содержится актуальное и в наши дни определение этого понятия: «Интеллигенция – это люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в области науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом»¹. Похожее определение находим в изданном недавно «Большом словаре иностранных слов»: «Интеллигенция – это общественный слой людей, профессионально занимающихся творческим умственным трудом, развитием и распространением образования и культуры»².

Одно определение никак не противоречит другому. Как иронично заметил Виктор Кротов, «не могут все сеять разумное, доброе вечное: кому-то надо и пахать». Мысль известного российского афориста перекликается с похожей армянской половицей: «Песней поле не вспашешь»...

В теории современного менеджмента достаточно активно рефлексировалась идея повсеместного распространения паблик рилейшнз (PR), иначе говоря, установления и поддержания *связей с общественностью*. Сама по себе эта идея не нова. Заимствованная из западного опыта управления, она без малого четверть века муссируется и российскими учеными, с той лишь разницей, что понятие «общественность» на западе и у нас трактуется по-разному. К примеру, в США под общественностью понимаются исключительно субъекты делового мира, от которых зависит успех или

провал бизнес-проекта. В России же общественность – это часть общества, выражающая его общественное мнение. Если же дифференцировать это понятие (политическая общественность, научная общественность, деловая общественность, правовая общественность, педагогическая общественность, культурная общественность и т.п.), станет понятно – с кем и по какому поводу руководству аграрных комплексов и/или отдельных фирм полезно было бы налаживать деловые контакты и укреплять общественные связи.

Сельская интеллигенция – понятие собирательное. Ни одна из его составляющих (учителя, врачи, инженеры, библиотекари, работники местного музея или дома культуры и т.д.) не может оказать решающего влияния на кадровую политику агропромышленного предприятия, фирмы или отдельно взятого фермерского хозяйства. Объединив же усилия на принципах социального партнерства, *сельская общественность* способна не только содействовать обучению, воспитанию и профессиональному развитию персонала отдельно взятого агропредприятия, но изменить к лучшему культурный облик села в целом.

Содержание деятельности сельской интеллигенции может варьироваться в самом широком диапазоне: политическое и научное просвещение, художественная пропаганда, нравственное и эстетическое воспитание, пропаганда здорового образа жизни, краеведение, экологическое и правовое воспитание, организация культурного отдыха и разумных развлечений, развитие творческих способностей подрастающих поколений, культурное общение в период подготовки и проведения специальных событий. Передовая культурно-образовательная практика убеждает: даже в небольшом по числу проживающих сельском поселении трудовая деятельность и содержательный досуг не только не противоречат друг другу, но дополняют друг друга, способствуя тем самым процессу развития и укрепления человеческого капитала.

¹Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 250.

²Большой словарь иностранных слов. М.: Центрполиграф, 2003. С. 240.

Г.М. Патрушева

Омск, государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ
ЭКСКУРСИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

G. M. Patrusheva

Omsk, State University named after FM. Dostoyevsky

**FEATURES OF PREPARATION AND CARRYING OUT EXCURSIONS
ON AN EXAMPLE OF ACTIVITY OF OMSK STATE MUSEUM OF
LOCAL HISTORY**

Аннотация. В настоящее время необходимо проводить более активно подготовку музеологов-экскурсоводов, а также наладить процесс переподготовки действующих музейных гидов на курсах повышения квалификации в Центре дополнительного образования Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Методическая разработка по подготовке и проведению экскурсий поможет молодым экскурсоводам, работающим в городских и сельских музеях, в проведении высококвалифицированных экскурсий.

Ключевые слова: туристско-экскурсионная деятельность, экскурсионные услуги, методические разработки, подготовка гидов, имидж региона.

Annotation. Now it is necessary to conduct more actively preparation museologists-guides, and also to adjust process of retraining of acting museum guides at advanced training courses in the Center of Additional Education of Omsk State University of named after F.M. Dostoyevsky. Methodical development of preparation and carrying out excursions will help young guides from the city and rural museums with carrying out highly skilled excursions.

Keywords: tourist-excursion activity, excursion services, methodological development, training of guides, the region's image.

В г. Омске рынок экскурсионных услуг развит слабо. Экскурсионное обслуживание осуществляется небольшим количеством сотрудников государственных музеев и ряда туристических агентств. В период обучения в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ) студенты-музеологи изучают экскурсоведение как учебную дисциплину, поэтому выявление особенностей подготовки музейных экскурсий и их роли в культурно-образовательной деятельности – важная задача современного периода.

Экскурсии различаются по широте тематики (обзорные, тематические, циклы экскурсий), объектам показа (по музейным экспозициям, внемузейным объектам), по составу экскурсионных групп. Обзорная экскурсия имеет целью дать посетителю общее знакомство с экспозицией¹. Такая экскурсия раскрывает основную тему музея, замысел и тематическую структуру экспозиции. В ходе экскурсии посетителей знакомят с богатством собраний данного музея, показывают экспонаты, представляющие наибольшую историческую и художественную ценность. В музее чаще всего проводятся именно обзорные экскурсии. Тематическая экскурсия – это экскурсия по одной конкретной теме. В отличие от обзорной эта экскурсия ставит задачей полное и глубокое раскрытие темы при максимальном использовании экспонатов². Возможность создания тематических экскурсий в музеях зависит от профиля музея, характера его тематики, экспозиционной площади, от количества разделов и тем экспозиции, её насыщенности необходимыми материалами. Учёт возрастного, образовательного и профессионального уровней посетителей имеет большое значение при разработке тем экскурсий. В ряде музеев проводятся цикловые и комплексные экскурсии. Цикл экскурсий – это несколько экскурсий, объединённых единой темой и проводимых для одной и той же группы

посетителей в определённой последовательности. Комплексная экскурсия предусматривает знакомство посетителей, как с музейной экспозицией, так и с соответствующим памятником или памятным местом, имеющим прямое отношение к теме экскурсии и расположенным недалеко от музея. Осмотр экспозиции и внемузейных объектов взаимно дополняют друг друга, обогащают экскурсию сопоставлениями и ассоциациями, создают возможность более эмоционального переживания посетителей музея. Музей стремится к повышению эффективности экскурсий, наиболее полному достижению поставленных целей, максимальному усвоению слушателями излагаемого материала. Для этого экскурсоводу необходимо знать основные требования, предъявляемые к экскурсии, овладеть методикой её подготовки³.

Специфика экскурсии определяется тем, что она строится на основе подлинных памятников истории, культуры, объектов природы. Это придает наглядность, конкретность, доступность, убедительность, оказывает большое эмоциональное воздействие на слушателей. Доходчивость и убедительность в экскурсии не могут быть достигнуты без знания и умелого применения требований педагогики и специфических методов и приёмов работы. Для музейной экскурсии обязательны последовательность изложения материала, логическая связь отдельных вопросов темы, обоснованность положений и выводов⁴. Эмоциональный настрой посетителя создает особая атмосфера музея, ощущение трепета перед подлинными экспонатами и сопричастности событиям, отражённым в экспозиции. Задача экскурсовода умело поддерживать и использовать эти факторы, активизируя процессы наблюдения и осмысления в ходе экскурсии. Экскурсовод должен следить за темпом своей речи, чтобы не утомлять посетителей слишком медленным рассказом⁵. Несмотря на различия в целях и содержании экскурсий в музеях разного профиля, а также между обзорными и тематическими экскурсиями, существуют общие правила по подготовке и проведению.

Начинающему экскурсоводу рекомендуется подготовить сначала обзорную экскурсию, а затем уже тематическую. Выбор конкретной темы

определяется её актуальностью, популярностью у посетителей. Учитываются также интересы и знания экскурсовода. Для выбора темы экскурсоводу необходимо познакомиться с тематикой экскурсий, послушать экскурсии в своем музее.

В первую очередь необходимо определить цель экскурсии, затем на основе чёткой целеустановки, тематической структуры экспозиции детального изучения темы экскурсии необходимо выделить подтемы, отдельные вопросы, определить их внутреннюю связь и последовательность. В соответствии с намеченным планом состоится маршрут экскурсии, то есть определённый путь следования экскурсионной группы, обусловленной темой экскурсии. При разработке маршрута экскурсии учитывается расположение экспонатов, возможность их обозрения, целесообразность и удобство передвижения группы по залам.

Экскурсия должна состоять из трёх частей: вступительная беседа, основная часть, заключительная беседа⁶. Вступительная беседа включает в себя знакомство с группой, краткие сведения о музее: когда открыт, чему посвящён, количество фондов, разделы экспозиции, посещаемость музея, название темы экскурсии, её хронологические рамки, цели и задачи.

Экскурсионный рассказ должен отличаться по манере изложения от лекций и докладов и иметь «разговорный» характер. Чётко определяются пункты остановок группы, место экскурсовода около каждой витрины и стенда. Необходимо избегать лишних перемещений вдоль витрин и всегда находиться лицом к слушателям. Подготовленная экскурсия прослушивается опытным экскурсоводом, а затем принимается комиссией.

Основная часть экскурсии разрабатывается в соответствии с её планом и маршрутом. При этом используются записи, выписки, которые были сделаны при изучении литературы, а также данные из картотеки экспонатов. Рассказ экскурсовода рекомендуется составлять непосредственно на экспозиции, так как он должен быть связан с показом и анализом экспонатов.

Последним этапом подготовки экскурсии является отработка приёмов подачи экскурсионного материала и работа с экспонатами, т.е. отработка методики проведения экскурсии. Методика ведения музейной экскурсии включает в себя следующие основные приёмы: показ, рассказ, моторные приёмы. В процессе ведения экскурсии эти приёмы тесно взаимодействуют.

Взаимосвязь и взаимодействие экскурсионных приёмов основываются, прежде всего, на сочетании показа с рассказом, беседой, моторными приёмами. Но в любом из сочетаний показа основным методом работы экскурсовода остаётся показ музейных объектов. Как правило, в процессе ведения экскурсии показ должен предшествовать рассказу, т.е. быть первичным. Приёмы экскурсионного показа имеют свои особенности. По-разному показываются подлинные экспонаты и научно-вспомогательный материал. Различными бывают способы и приёмы – это и разбор экспоната, и его глубокий анализ, и описание либо демонстрация с кратким пояснением, и приёмы сравнения, сопоставления, аналогии, контраст. Приведем пример развития экскурсионно-образовательной деятельности на рубеже XX и XXI веков.

В Омский государственный историко-краеведческий музей в 1999 году были внесены существенные изменения в организацию научно-просветительской работы музея: в марте разделили экскурсионный и организационный отделы, ранее составляющие единый научно-просветительский отдел. Позднее был создан отдел музейной педагогики, на который, в частности, возлагались обязанности по разработке музейных уроков в соответствии со школьной программой по регионоведению. 18 учебных абонементов, включающих в себя 3–5 занятий, появились в тематике музея в 2000 году. Интерес вызвали и шесть новых тем для дошкольников их цикла «Детство», который начали популяризовать сотрудники экскурсионного отдела⁷.

Тематика экскурсий 2000 года была достаточно обширна и включала 65 названий, в том числе это и 9 экскурсий по временным выставкам. Наиболее популярной у посетителей стала московская выставка «Агрессия». В целом

же 2000 год ознаменовался для музея шестью музейными выставками и одиннадцатью привозными. Наполнить музей посетителями помогли две выставки восковых фигур, экспозиция «Возвращение динозавров»-2 и «Кунсткамера».

С 1990-х по 2000-е годы в ОГИК музее постоянно увеличивалось количество экскурсионных тем, но расширение тематики не обеспечило роста посещения музея организованными группами. Заказы на большинство экскурсий, бесед и лекций исчисляются буквально единицами и поступают они в основном в рамках абонементов. Значительно снизилось к 2000 году и посещение основных для музея экскурсионных тем. Несмотря на то, что организационная деятельность в 1999 году была усилена введением должностей заместителя директора по просветительной работе и менеджменту, методистов-организаторов и распространителей билетов, музеем не удалось достичь уровня 1993-1995 годов по количеству посетителей. Свою негативную роль здесь сыграли и изменившиеся не в лучшую сторону социально-экономические условия в стране, и постоянное повышение на этом фоне цен на билеты и экскурсии, и качество экспозиции, и широкое распространение новых информационных технологий и досуговых форм.

Эффективность деятельности музеев зависит от многих факторов, в их числе один из наиболее важных и актуальных – привлечение посетителей и профессиональная работа с ними. От личных качеств экскурсовода, его эмоционального настроения и хорошего владения материалом зависит и желание посетителя вернуться в музей вновь. Важно и необходимо более активно вести подготовку профессиональных экскурсоводов в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, а также проводить переподготовку действующих экскурсоводов, тем самым, совершенствуя экскурсионное обслуживание в городских и сельских музеях.

¹ Вопросы экскурсионной работы музеев НИИМ.М., 1965. С. 23

² Шкурко А.И., Шуцкая Г.К. Экскурсионная работа в общественных музеях. С. 43.

- ³Омельченко Б.Ф. Экскурсионное общение. Познание. Воспитание. Отдых. М., Наука 1991. С. 42.
- ⁴Шкурко А.И., Шуцкая Г.К. Экскурсионная работа в общественных музеях. С. 34.
- ⁵Емельянов Б.В. Профессиональное мастерство экскурсовода. М., 1986. С. 43.
- ⁶Мальшев А.А. Методические рекомендации по использованию элементов психологии в экскурсиях. М., 1990. С. 42.
- ⁷Архив экскурсионного отдела ОГИК музея. П. №76. Л. 8.

М.И. Саврушева

Омск, Государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина

**ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРСКОМ
КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БИБЛИОТЕКИ
КОРПУСА**

M. I. Savrusheva

Omsk, A. S. Pushkin State Regional Scientific Library

**STUDY OF AGRICULTURE IN THE SIBERIAN CADET CORPS: IN
CASE THE MATERIALS FUND LIBRARIES**

Аннотация. Статья посвящена редким изданиям XVIII–XIX вв. из библиотеки Сибирского кадетского корпуса, в котором курсанты знакомились с основами сельского хозяйства. Книги были представлены на выставке в областной библиотеке имени А.С. Пушкина. Библиотека позволяет говорить о высоком уровне подготовки военных в царской России.

Ключевые слова: редкие издания, библиотека, кадетский корпус, сельское хозяйство.

Annotation. The article deals with the rare editions ages 18–19 from the library of the Siberian Cadet Corps, for which the cadets learned the basics of agriculture. Books were presented at the exhibition in Omsk regional library named after AS Pushkin. The library allows to speak about the high level of training of the military in the Tsarist Russia.

Keywords: rare books, library, Cadet Corps, agriculture.

История Сибирского кадетского корпуса насчитывает уже более двух веков. Необходимо отметить, что программа этого старейшего военно-образовательного учреждения отличалась своеобразием. Наряду с фундаментальными и военными науками воспитанники казачьего училища, а

затем и корпуса, изучали основы сельского хозяйства. Думается, что такое дополнение к военному образованию давало преимущества в обеспечении безопасности и границ Российского государства, и самих защитников этих границ¹.

На выставке, которая открылась в Омской государственной областной научной библиотеке имени А.С. Пушкина 25 апреля 2013 г. были представлены книги, по которым шло обучение воспитанников кадетского корпуса основам сельского хозяйства. Среди них хотелось бы отметить: «Начальные основания естественной истории» («Царство ископаемых») В.М. Севергина (2 т., СПб., 1791); «Руководство к приисканию и распознаванию мергеля и удобрению им полей и лугов» Ж.А.М. Домбаля (СПб.: издание И.А. Решетникова, 1841); «Санкт-Петербургская флора с раскрашенными рисунками составляемая Карлом Левиным. ч.2» (СПб., 1843); «Анатомия и физиология человека и животных» И. Жемчужина (СПб., 1846); «Естественная история: Зоология. С атласом из 52 листов» В.И. Даля, А.Ф. Постельса, Сапожникова (СПб., 1847); «Смышленность животных» С.О. Жолкевича (СПб.: Издание Кожанчикова, 1858. – 80 с.); «Карманная книга явнотрачных растений Санкт-Петербургской губернии» Э.Х. Шнейдера (СПб., 1858. – 512 с.); «Руководство к определению растений, легким и точным способом помощи собственного исследования» П.Ф. Кюри (М.: типография В. Готье, 1861. – 438 с.) «Обзор физиологических отправления органов в высших растениях» Н.Е. Цабеля (СПб.: В типографии министерства внутренних дел, 1863. – 133 с.); «Словарь растений дикорастущих и разводимых на огородах, в комнатах, садах, теплицах, парниках, грунтовых сараях и в оранжереях, с описанием способа ухода за ними и отличительных признаков» П.В. Алабина (СПб., Колесов и Михин, 1875. – 4, 642) и др.

Интерес к сельскому хозяйству в начале XIX в. был так велик, что журнал «Атеней», представленный на выставке наряду со статьями о науках, искусстве и изящной словесности, опубликовал сведения для сельских хозяев¹. Издатели

журнала рекомендуют сочинение г. Шварца «О болезнях плодовых деревьев»², рассказывают о полевой системе в Голландии³, о средствах истребления в поле однолетних и двулетних сортов сорных трав⁴, о выгонной системе хозяйства⁵, о паровом хозяйстве⁶, о приготовлении водки из картофеля Г. Гермштедта⁷, о разведении итальянского рай-граса как нового корма для скота⁸, нелицеприятно отзываются о книге «О пользе и необходимости водворения в России плодопеременного сельского хозяйства», изданной Императорским Вольным экономическим обществом (СПБ., 1829)⁹.

Особый интерес представляет издание «Природа и земледование. Журнал земледования, естественных наук, новейших открытий, изобретений и наблюдений. Издавался журнал М.О. Вольфом в Санкт-Петербурге в 1862—1868 гг. ежемесячно, под редакцией П.М. Ольхина. Издание это служило прибавлением к журналу «Вокруг света»¹⁰.

Статский советник тульский помещик член Вольно-экономического общества Василий Алексеевич Левшин (Лёвшин) (1746-1826) за свои многочисленные переводные и оригинальные труды был избран членом многих русских и иностранных обществ, как-то: Санкт-Петербургского вольно-экономического общества (1791 г.), Санкт-Петербургского филантропического общества (1804 г.), Общества испытателей природы, основанного при Московском университете (1808 г.), Санкт-Петербургского вольного общества любителей словесности, науки и художеств (1818 г.), Московского общества сельского хозяйства (1821 г.), Королевского Саксонского экономического общества (1795 г.) и Неаполитанской академии наук (1807 г.). Кроме того, за те же труды он был награжден орденом Анны 2-й ст. и Владимира 4-й ст., получил от государя 5 бриллиантовых перстней, а от экономического общества за решение задач 17 медалей золотых и 4 серебряных. Многие его труды посвящены врачебной науке в сельской местности, в том числе и «Ручная книга сельского хозяйства для всех состояний» (Перев. с немец., 8 частей, М., 1802–1804); «Садоводство полное, собранное с опытов из лучших писателей о сем предмете» (4 ч., М., 1805–

1808); «Управитель, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства» (Перев. с немец., 6 частей, Москва, 1809—1810); «Врач деревенский, или Благонадежное средство лечить самого себя, также свое семейство, своих подчиненных и домашний скот лекарствами самыми простыми и наскоро составленными». (Перев. с франц., М., 1811 г.); «Огородник, удовлетворяющий всем требованиям, до сего относящимся, с приложением: подробного описания всех огородных растений, с их отродиями, признаками, их врачебными силами, и наставления, как должно оных разводить и содержать» (М., 1817); «Карманная книжка для скотоводства, содержащая в себе: опытные наставления для содержания разных домашних животных, воспитывания оных и лечения их обыкновеннейших болезней простыми домашними средствами» (М., 1817 г.); «Опытный садовник, или Замечания для жителей южных стран России о садоводстве и прочем для них полезном, с присовокуплением выписки из Шапталева сочинения об искусстве выделывания, сберегания и усовершенствования виноградных вин» (СПб., 1817); «Новейший и полный конский врач, содержащий в себе: руководство коновалам Фоссово, вновь исправленного русского коновала Эвестова, выписки рецептов из сочинений других авторов и проч.» (Составил и издал В. Л., 5 ч., СПб., 1819—1820) и др.

Архитектор Павел Петрович Мижув (1832—1885) с 1878 г. до самой своей кончины издавал журнал «Хозяйственный Строитель» (Записки Императорского Русского технического общества. - 1886 г. - вып. 2.). В журнале очень подробно и ясно излагались основы строительства, сметы различных хозяйственных объектов. Например, в № 49 (январь 1882 г.) представлен проект и смета на постройку городского дома в две квартиры, хранилища для фруктов; в № 50 (февраль 1882 г.) приводится проект и смета на постройку птичника, рассказывается о видах железных решеток, о водопроводных баках в домах, о дешевых и прочных красках для деревянных кровель, стен, ворот, решеток, заборов и т.п.; в № 5 (март 1882 г.)

представлена смета на постройку маслобойни. Для журнала характерна доступность изложения, тщательная проработка проектов городских и сельских построек. Очень полезной в сфере сельскохозяйственного строительства является книга «Рисунки энциклопедии русского городского и сельского хозяина-архитектора» (Ч. IV. СПб.: издание книготорговца Василья Полякова, 1842). Часть четвертая этого издания состоит из 364 чертежей на 49 листах. Чертежи эти дают представление о планировке садов, о садовых строениях, о земледельческих и других хозяйственных машинах, о землемерии.

Перечисленные издания, представленные на экспозиции фонда Библиотеки Сибирского кадетского корпуса, позволяют высоко оценить подготовку выпускников кадетского корпуса. Воспитанники кадетского корпуса были готовы не только к армейской службе, но и к гражданской деятельности в области сельского хозяйства. Они могли переориентироваться в том случае, если бы жизнь заставила их сменить род деятельности. По этому поводу можно вспомнить имя полковника казачьей службы Карзина, чьи сливы в начале XX в. пользовались популярностью по всей Сибири. Л.В. Березин отмечает, что если первые переселенцы-казаки почти 20 лет находились на государственном хлебном довольствии, то уже вскоре после прихода службу выпускников Сибирского кадетского корпуса картина коренным образом изменилась. Благодаря им в короткий срок были освоены огромные земельные пространства Западной и Восточной Сибири¹¹.

¹Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса. 1826-1876. Омск: типография окружного штаба, 1884. С. 13–14.

²Атеней. Журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов, издаваемый Михаилом Павловым. М.: В типографии Семена Селивановского, 1829. Ч. 3.

³Атеней. Ч. 3. С. 85.

⁴Там же. С. 12–24.

⁵Там же. С. 25–28.

⁶Там же. С. 45–48.

⁷Там же. С. 81–84.

⁸Там же. С. 116–118.

⁹Там же. 118–119.

¹⁰Там же. С. 74–81.

¹¹Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, Ф. А. (Лейпциг), И. А. Ефрон (СПб.). СПб.: типо-литография И. А. Ефрона. 1898. Т. XXV Праяга-Просрочка отпуска. С. 245.

¹²Березин Л. В. Из истории Омского кадетского корпуса / Научно-методический сборник. Выпуск 50 часть 1. Омск: издательство ОТИИ, 2001. 181 с.: ил. С. 25–27.

Е. А. Смоленский

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОСУГА МОЛОДЁЖИ СЕЛА

E. A. Smolensky

Omsk, F. M. Dostoevsky State University

MODERN YOUTH TRANSFORMATION LEISURE VILLAGE

Аннотация. В статье рассматриваются причины трансформации досуговой сферы современной молодёжи в условиях села. Представлена характеристика социально-экономических и социально-культурных факторов. Анализируются статистические данные.

Ключевые слова: современность, трансформации, досуг, сельская молодёжь.

Annotation. The article discusses the reasons for the transformation of leisure spheres of modern youth in the village. Haraktiristika represented socio-economic and socio-cultural indicators. A statistical analysis.

Keywords: modernity, transformation, leisure, rural youth.

За последние годы в досуге современной сельской молодёжи произошли заметные трансформации, которые можно типологизировать по двум основным группам критериев: социально-экономические и социально-культурные.

Социально-экономические критерии.

Село как тип поселения в значительной степени отличается по своим характеристикам от города. Образ жизни сельских жителей связан с особенностями труда и быта. Труд более тяжелый, чем обычно в городе. Малые возможности для трудовой мобильности, высокая трудоемкость работ в домашнем и подсобном хозяйствах. И, как следствие, довольно ограниченный выбор вариантов в проведении досуга.

А.В. Мудрик приводит следующие типичные характеристики современного села «преимущественно абсолютное или относительно небольшое количество жителей, малая плотность населения и стабильность его состава; малая степень разнообразия видов трудовой деятельности; плохо развитое общественное обслуживание; почти полное отсутствие учреждений культуры и возможностей для проведения досуга»¹.

Характер и качество досуговой сферы сельских жителей напрямую зависят от их социально-экономического статуса и типа поселения. У большинства средних и особенно крупных населённых пунктов гораздо богаче, разнообразнее производственно-трудовая сфера и более развита социальная инфраструктура. По этой причине здесь больше возможностей для выбора различных видов деятельности, а также для удовлетворения потребностей в культурном досуге, т. к. это даёт положительные предпосылки для создания внутри сел домов культуры, школ искусств, сельских музеев и т. п. Но, к сожалению, в последние годы специалисты отмечают следующую тенденцию:

по данным Н.К. Долгушкина, В.Г. Новикова, В.В. Старовойта за последние 19 лет в России исчезли 30 тыс. сельских поселений. Из 117 тыс. сохранившихся деревень в 20 тыс. проживает по 8 и менее человек². Молодёжь активно уезжает из села. Одна из причин - низкая заработная плата. Согласно данным В.И. Кашина общая сельская безработица в России составляет 18%³. Социологи Г.С. Широкалова, О.Н. Дерябина утверждают, что за последние годы на селе в два раза уменьшилось число больниц, в шесть раз число домов культуры⁴. Значительно уменьшился приток молодых специалистов из города, из 2 млн. специалистов сельского хозяйства только 438 тыс. имеют высшее образование⁵. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики отмечено снижение уровня занятости сельского населения в трудоспособном возрасте. Значительное уменьшение молодёжи в структуре занятого сельского населения⁶. Эти экономические причины в значительной степени повлияли на трансформацию досуга сельской молодёжи.

Социально-культурные критерии напрямую связаны с процессами глобализации, активно происходящими в нашем обществе на протяжении последних лет, которые значительно видоизменили досуг не только городской, но и сельской молодёжи. С одной стороны, с приходом Интернета на село у молодёжи появилась возможность ознакомиться с новым видом досуга. Но при этом данный вид досуга оттеснил на задний план традиционные виды. Например, такие как народные ремесла или участие в коллективах художественной самодеятельности.

Анализ досуговой занятости современной сельской молодежи позволяет сделать вывод о том, что в структуре ее культурных потребностей произошли значительные изменения, при которых к центру переместились многие ценности, бывшие ранее на периферии. Так, наряду с обеднением культурных потребностей прослеживается тенденция к прагматизму, приоритет же нравственных ценностей, познания, творческой и физической активности утрачен.

Об этом свидетельствуют и проводимые на протяжении многих лет А.Л. Маршаком и другими учеными социологические исследования⁷. Как показывают результаты, в системе досуговой деятельности сельской молодежи преобладают формы, которые направлены не на творческое и духовное развитие, а на отдых, развлечения, рекреацию, причем не требующие больших материальных затрат (пассивный отдых, просмотр телепередач, компьютерные игры и т.п.).

Такие же данные приводят Е.А. Скриптунова и А.А. Морозов, подтверждающие, что основная масса современной молодежи (в том числе и на селе) предпочитает развлечения, чаще пассивные. Из них: 65,1% - встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях, 64,3% - смотрят телевизор, слушают радиопередачи, 45,9% - увлекаются компьютером, Интернетом, играют в компьютерные игры⁸.

Говоря о причинах такой динамики, исследователи отмечают ограничение деятельности или прекращение существования ряда учреждений

культуры на селе, а также ухудшение материальных возможностей большинства сельских жителей (как уже было сказано выше).

В настоящее время учёные отмечают все более усиливающееся влияние городской культуры на сельских жителей. «В нашей стране фактически не осталось ни одного поселения, куда бы не проникли различные элементы городской культуры и городских отношений»⁹. Особенно это влияние заметно на переориентировке жизненных ценностей сельской молодежи. В последние годы на селе возник феномен «деревенских ночных клубов». Например, такие клубы существуют в Пермском крае в селе Городище¹⁰, Ярославской области в посёлке Отрадный¹¹, Липецкой области в селе Копцевы хутора (клуб L 48)¹². Возникновение подобных нововведений на селе ориентирует досуг сельской молодёжи на подчинение определённом городскому стандарту досуга.

Подводя итог, следует сказать, что:

1. Характер и качество досуга молодёжи на селе напрямую зависят от уровня развития инфраструктуры и социально-экономического статуса сельского поселения.

2. Современные процессы глобализации в значительной степени трансформировали, а в некоторых случаях вытеснили традиционные виды досуга сельской молодёжи.

3. Приоритетными направлениями досуга молодёжи на селе в последние годы становятся пассивные формы досуга (компьютерные игры, просмотр телевизионных программ, Интернет и пр.).

4. В своём развитии досуг современной сельской молодёжи стал ровняться на своеобразный «стандарт» городского досуга.

¹Мудрик А. В. Социальная педагогика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 200 с.

²Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В. В. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социс. 2009. №2. С. 86–94.

³Кашин В.И. Спасение села – залог экономического и духовного возрождения России // Экономическая философская газета. 2010. № 42–43, октябрь. С. 2.

⁴Широкалова Г.С., Дерябина О.Н. Специалисты для села и село для специалистов.

// Социологические исследования. 2010. № 9 (317). С. 26–39.

⁵Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64–73.

⁶Многоукладная аграрная экономика и российская деревня: (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. 622 с.

⁷Маршак А. Л. Общая социология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 50 с.

⁸Скриптунова Е.А., Морозов А. А. О предпочтениях городской молодежи // Социологические исследования. 2002. № 1. 35 с.

⁹Комаров М.С. Введение в социологию. М.: Наука, 1994. 317 с.

¹⁰Пермский край, Соликамск: есть ночной клуб и церковь [Электронный ресурс] // Система оповещения: [сайт]. URL: <http://raznesi.info/blog/post/5578> (дата обращения: 14.12.2013).

¹¹Ночной клуб в деревне [Электронный ресурс] // Северный край: [сайт]. URL: <http://www.sevkray.ru/news/5/1454/> (дата обращения: 14.12.2013).

¹²L 48, ночной клуб [Электронный ресурс] // LRNews новости Липецка: [сайт]. URL: <http://lrnews.ru/lipetsk/catalog/r3-p15-id559.htm> (дата обращения: 14.12.2013).

Л. Сон

Омск, государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

**О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЕ**

L. Son

Omsk, P. A. Stolypin State Agrarian University

**PROFESSIONAL ETHICS AS A COMPONENT PROFESSIONAL
CULTURE IN THE VILLAGE**

Аннотация. В статье рассматривается понятие профессиональной культуры, профессиональной этики, корпоративной этики и их отношений. Показано, что под профессиональной культурой понимают совокупность специфических знаний и навыков, связанных с конкретным трудом. Актуальность развития лидерства выпускников.

Ключевые слова: профессиональная этика, профессиональная культура, село, специалисты.

Annotation. The article discusses the notion of professional culture, professional ethics, corporate ethics and their relationship. Shown that owning professional culture is social subordination of professional activity or axiological value priorities. The relevance of the leadership development of graduates.

Keywords: professional ethics, professional culture, village specialists.

Под профессиональной культурой, как правило, понимают совокупность специфических знаний и навыков, связанных с конкретным трудом. В современном мире насчитывают десятки тысяч профессий, которые делятся на специальности, а те, в свою очередь, включают различные специализации (к примеру, агроном, агроинженер).

Степень владения профессиональной культурой выражается в квалификации и квалификационном разряде. Профессионализм предполагает практическую адаптацию работника к производственной сфере деятельности, знание предмета, свободную ориентацию в информационном потоке, корректное решение проблем, возникающих в процессе работы.

Интеллектуальные основы профессионализма формируются образованием, ориентированным на формирование общекультурных и профессиональных компетенций. И чем более высокое место в служебной иерархии занимает специалист, тем существеннее влияние принимаемых им решений на социальную организацию и образ жизни общества. Это свидетельствует о том, что исходной предпосылкой профессиональной культуры специалиста, в том числе специалиста сельского хозяйства с необходимостью является его социальная компетентность. То есть владение профессиональной культурой есть приверженность профессиональной деятельности, нравственным, ценностно-нормативным приоритетам.

Важнейшее значение для формирования профессиональной этики руководителя любого звена имеет корпоративная этика. Корпоративная этика обусловлена особенностями деятельности и целями организации, а также исторически сложившимися стереотипами поведения работников организации. Она является частью культуры организации, которая охватывает не только этические, но и иные ценности, а также различного рода убеждения, принципы, правила поведения работника в организации, принятые нормы обеспечения безопасности, взаимопомощь работников в критических ситуациях, историю организации, легенды и другие¹.

Близкие по убеждениям люди, следуют одним и тем же стереотипам поведения. Что позволяет согласовывать позиции для решения задач, стоящих перед профессиональным сообществом.

Нормы нравственности, регулирующие отношение человека к своим профессиональным обязанностям, долгу, взаимоотношения людей в процессе трудовой деятельности, составляют суть этики профессионала. Сущность

профессиональной этики определяется особенностями жизнедеятельности специалиста, нормами поведения, предписывающими определенный тип нравственных отношений между людьми, необходимый для исполнения своих полномочий, достижения корпоративных целей, сложившейся культуры организации. Нормы профессиональной этики способствуют разрешению конфликтных ситуаций, возникающих в процессе профессиональной деятельности.

Для будущих специалистов села в контексте профессионально ориентированного обучения весьма актуальным становится развитие лидерских качеств будущих выпускников высших учебных заведений. Лидерские качества студентов можно развивать разными способами, средствами учебной дисциплины либо эффективной организацией внеучебной работы.

Одной из задач высшей школы является формирование целостной личности профессионала. Сегодня обществу крайне необходим нравственный лидер. Воспитание нравственно-ориентированного лидера связано со становлением и развитием личностных качеств современного студента. Стоит поддержать точку зрения С.В. Андреевой, которая «под нравственно ориентированными лидерскими качествами понимает интегративные качества целостной личности, включающие индивидуально-нравственные, социально-коммуникативные и инструментальные характеристики, формируемые на этапе вузовского образования, способствующие эффективной профессиональной деятельности специалиста в конкретных условиях современного общества»².

¹Костина Н., Сон Л. Курс лекций по дисциплине «Профессиональная этика и деловой этикет»: учеб. пособие. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2009. С. 11.

²Андреева С.В. Формирование нравственно-ориентированных лидерских качеств студентов средствами изучаемой дисциплины // Высшее образование сегодня. 2013. № 7. С. 54–57.

А.Н. Талапин

Омск, государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В АГРАРНОМ ВУЗЕ. ОПЫТ
ДЕГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

A.N. Talapin

Omsk, P. A. Stolypin State Agrarian University

**HISTORY TEACHING IN AGRICULTURAL UNIVERSITY.
DEHUMANIZATION EXPERIENCE OF EDUCATION**

Аннотация. На примере преподавания истории статья касается роли образования в процессе обезличивания и деградации. Рассматривается формализация негуманитарного образования и её последствия.

Ключевые слова: преподавание, история, аграрный вуз, дегуманизация.

Annotation. On example the teaching of history the article relates to the role of education in the process of the dehumanization and degradation. It considered the formalization of a non-humanitarian education and its consequences.

Keywords: teaching, history, agricultural university, dehumanization.

Мы в глупом положении человека,
рвущегося к цели, которую он боится,
которая ему не нужна. Человеку нужен
человек.

С. Лем

Более чем поверхностно мнение, что дегуманизация образования – это отказ учебных заведений от воспитания учащихся. Воспитание – не целенаправленная деятельность по выработке качеств. Преступность, наркомания и все пороки молодежи растут не оттого, что взрослые дяди и

тёти мало рассказывают, как они плохи или проводят мало отчётных мероприятий. ОмГАУ традиционно отличается любовью к мероприятиям и стремлением передать воспитание в руки специальных воспитателей. Дегуманизация всё же не в этом. Входя в аудиторию, своим поведением, речью педагог уже воспитывает. Но какие перед ним студенты и чему он может их научить?

В 2013–2014 учебном году средний балл входного контроля знаний по «Истории» и «Отечественной истории» в ОмГАУ – 2-2,5 из 10, средняя оценка промежуточного контроля знаний 2,8 из 5. «Подросли» не знания студентов, весь секрет в снижении требований, предъявляемых студенту уже на промежуточном контроле. Ещё до сдачи сессии известно, что качество знаний на итоговом контроле – экзамене будет не ниже 65%. То есть больше половины студентов получают хорошие и отличные оценки лишь потому, что преподаватель обязан поставить такое количество этих оценок. Таким фарсом достигается и вторая цель – создаётся иллюзия эффективности педагогов, обучающих студентов, многие из которых просто неспособны учиться. Этот обман во благо, иначе федеральные чиновники от просвещения вовсе уничтожат это самое просвещение в провинции.

Разрушительны не только критерии оценки знаний, но и навязываемая форма его контроля – тест. Она предполагает запоминание набора фактов, имён и дат, мало связанных между собой. Это один из приёмов дебилизации – отучить думать. Любое событие прошлого, любое историческое явление понятно, если рассмотрены его причины, следствия, итоги и значение. Главное, чему может научить история – рассуждать, давать ответ на вопрос «почему?». Забудутся факты, имена и события, но останется сложная многомерная модель прошлого, объясняющая, показывающая роль и место в истории нашей страны, общества, отдельного человека. Выпавшие кирпичики – забытые факты, легко восполнить, если есть система. Если её нет, если обучение сводится к тестированию, то имена и события, как лоскутки и пуговицы в бабушкиной коробке от разных платьев и костюмов,

никогда не соберутся в одно. Научить отличать причину от следствия тестами невозможно.

Сегодня форма подчиняет содержание, формирует его. Как в сказке Андерсена, пересказанной Шварцем, тень стала главной. И учащиеся перестали думать, а решение тестов упростили до угадывания. Несложный эксперимент на контроле знаний первокурсников наглядно показал их неумение выражать свои мысли, формулировать ответ. Входной контроль касался только истории России и состоял из 60 вопросов, 30 из них тесты, остальные – открытые вопросы. Промежуточный контроль проходил в два этапа, каждый из которых состоял из 12 вопросов: 6 – открытых, 6 – тестов. Содержание вопросов дублировалось: одному варианту они задавались в тестовой форме, другому – эти же вопросы – в открытой, и наоборот. Всего было 4 варианта. В контроле участвовало 10 академических групп (студенты-первокурсники ветеринарного, товароведческого и агрономического факультетов).

В открытых вопросах студенты часто не понимали, о чём речь, даже отвечая, когда возникла Древняя Русь или сколько было мировых войн и когда была вторая (в лучшем случае путали с Великой Отечественной). Зато в тестовой форме эти же вопросы решались более успешно: при ответе на тесты ошибок было сделано в разных группах на 40-60% меньше. Причина этого ещё и в том, что в некоторых группах до 20% студентов вовсе проигнорировали открытые вопросы, либо пытались ответить на 1-2. Вопросы по социально-экономическому развитию в открытой форме вообще вызывали недоумение: мануфактуру путали с индустриализацией и промышленным переворотом, не знали, что такое крепостное право, сословия и т.п. Лишь около 2% студентов продемонстрировали неумение решать именно тесты, справляясь, в среднем, удовлетворительно с открытыми вопросами. В этом специфика открытого вопроса, который можно раскрыть не до конца, тогда как с тестами возможны только верный либо неверный варианты ответа.

Сомнение вызывает не только тестовая форма проверки знаний и стремление родного вуза вовсе избавиться от устной формы контроля: либо письменная работа, либо тест, но и разумность федерального стандарта преподавания бакалаврам именно «Истории», а не «Отечественной истории». Планомерное введение с 1996 г. бакалавриата в России привело к подмене преподавания «Отечественной истории» непонятной дисциплиной «История», в которой темы по всеобщей истории перемешаны с историей России и историей культуры всех стран и периодов. Это невообразимое нечто уже не первый год преподаётся бакалаврам, причём почти без учебной литературы. Имеющейся явно недостаточно (по новому образовательному стандарту – 0,25 учебника на учащегося), учитывая новизну дисциплины.

Качество учебников не выдерживает критики. Так в рекомендованном учебнике «История для бакалавров» (П.С. Самыгин, С.И. Самыгин и др. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 2012.) история и культура всех стран и народов умещаются на 573 страницах, включая введение, вопросы по разделам и проч. Учебник сырой, материал в одних главах дублируется, другие пропускают целые эпохи. Авторы принимаются рассуждать на темы, ещё неизвестные учащимся, не понимая, что читать их будут, например, студенты-зоотехники или механизаторы. Зато на обложке гордо указано, что всё это соответствует ФГОС третьего поколения. Написание учебников давно стало выгодным бизнесом, причём не только в столице, упомянутый выше учебник Самыгина в неизменном виде уже неоднократно переиздан. Конечный продукт – эрзац, причём и сам учебник, и знания полученные, если студент всё же его осилит. Они второстепенны по отношению к суммам от его продажи.

В ОмГАУ лишь благодаря усилиям кафедры истории и СПД недостаток учебной литературы в 2013 г. был наконец компенсирован изданием сразу трёх учебных пособий по дисциплине «История»: первое в сжатом виде даёт ответы на все вопросы, выносимые на экзамен, второе содержит курс лекций, третье – темы семинарских занятий с литературой и

методическими указаниями к ним. Однако возможности издать эту литературу в родном вузе не нашлось. В библиотеке в итоге оказалось лишь ограниченное число экземпляров названных пособий, а студентам они передаются в электронном варианте, естественно, безвозмездно. Вопросами по всеобщей истории был дополнен и фонд тестовых заданий, существующий на кафедре. Интересно, что в отличие от бакалавров специалисты по-прежнему изучают «Отечественную историю» и подобных проблем не имеют.

Чиновники занимаются тем, что пытаются оправдать своё существование. Они вносят изменения, принимают новые стандарты образования, а затем называют неэффективными тех, кто их гениальным проектам не соответствует. Министерство образования летом 2013 г. разослало руководителям учреждений ВПО информационное письмо с предложением поучаствовать в начавшейся по поручению Президента РФ разработке нового историко-культурного стандарта. Он должен включать принципиальные оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории. Чиновники озаботились подготовкой для учёных и учителей единого учебника истории. Депутаты парламента решили не отставать от Президента: тем же летом 2013 г. думский комитет по образованию предложил подумать о создании единого учебника русского языка. Что ж, обсуждать его тоже нужно с участием родителей, учащихся и всех желающих, естественно под руководством чиновников. Следующими, видимо, будут учебники по биологии и физике.

Спекулятивный интерес к российскому образованию не утихает. Сегодня цель реформаторов почти достигнута: безликая, малограмотная масса доминирует. Все российские педагогические новшества позаимствованы в постколониальной Европе. Там бывших аборигенов подтягивали до определённого уровня упрощённой формой передачи знаний и контроля их усвоения, а в России успешно низводят население до управляемого состояния. Дети элиты не учатся и не живут в России. Система

аграрного образования не исключение. Учащие и учащиеся здесь давно стали объектом манипуляций непрофессионалов. На Западе дегуманизация явилась следствием глобального технического прогресса, а у нас – целенаправленной политики. В этом мы уже преуспели и продолжаем бить новые рекорды.

В. А. Шелковский

Омск, государственный педагогический университет

**ОСВЕЩЕНИЕ В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА В СИБИРИ (1907–1914 ГГ.)**

V. A. Shelkovskiy

Omsk, State Pedagogical University

**THE COVERAGE IN SIBERIAN PERIODICAL PRESS OF THE ISSUE OF
OPENING OF AN AGRICULTURAL INSTITUTE IN SIBERIA (1907 –
1914 YEARS)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос открытия института сельского хозяйства в Сибири. Первая проблема состояла в том, чтобы поднять этот вопрос в местной периодической печати. Следующий главный вопрос заключался в том, чтобы мобилизовать общественное мнение и основные заинтересованные группы. Местная пресса сыграла решающую роль в обсуждении различных проектов в сибирских городах. Наконец, роль периодической печати была очень важной в вопросах решения об открытии института в Омске.

Ключевые слова: периодическая печать, сельскохозяйственный институт, проект, история.

Annotation. The article explores the issue of opening of the institute of agriculture in Siberia. The first problem was to raise the issue in local press. Then the main question was to mobilize public opinion and the principal interest groups. Local press played a crucial role in debating of various projects proposed by Siberian cities. Finally, press was very important in the opinion-making on opening of the institute in Omsk.

Keywords: periodicals, Agricultural Institute, project, history.

Среди вопросов социально-экономического развития края, получивших широкое освещение на страницах печати и практическое разрешение в жизни, была проблема открытия в Сибири сельскохозяйственного вуза. Идея открытия учебного заведения появилась еще в XIX в., в 1903 г. вопрос был вновь поставлен на всероссийском съезде ветеринарных врачей, но события русско-японской войны и революции отодвинули решение вопроса¹.

После эпизоотии 1908 г. «Омское слово» затронула проблему и назвала Омск как место для открытия сельскохозяйственного вуза. Подчеркивалось, что город «самим географическим положением предназначен для такого типа учебного заведения». Семипалатинская, Акмолинская области, Томская и Тобольская губернии тяготеют именно к этому пункту. Судоходная река и железная дорога, скрещиваясь здесь, обеспечивают сообщение со всеми сельскохозяйственными окрестностями². В начале 1909 г. Омская Городская дума приняла решение ходатайствовать перед правительством об открытии в городе ветеринарного института³.

Вопрос об открытии в Томске ветеринарного института дебатировался на втором всероссийском съезде ветеринарных врачей и в это же время в Государственной думе было внесено заявление 33 депутатов об открытии при физико-математических факультетах университетов агрономических отделений, но о Сибири в нем не говорилось⁴. В этой связи «Сибирская жизнь» предложила открыть агрономическое отделение при томском технологическом институте. «Здесь имеются налицо многие научные силы, нужные для этого отделения, как химики, физики, метеорологи и прочие. Здесь имеются налицо и многие помещения и учебно-вспомогательные установления, которые могут быть использованы агрономическим отделением»⁵.

В омской печати развернулось активное обсуждение проблемы. Омский врач П. Емельянов считал, что предложение томичей ошибочно, так как население степной Сибири увеличилось и она превратилась в центр сельскохозяйственного производства. В Томске институт не сможет

эффективно выполнять исследовательские и обслуживающие функции. Он будет находиться в стороне от основных земледельческих районов. «Наиболее выгодным для этой цели является Омск – центр скотоводческого района, город со 130 000 населения»⁶. Несколько позже П. Емельянов обратился с открытым письмом к председателю омского биржевого комитета Ф.Ф. Штумпфу, где просил его поднять вопрос об институте в биржевом комитете, привлечь к делу открытия вуза городское самоуправление и частных лиц⁷.

В записке П.А.Столыпину омский биржевой комитет обосновывал необходимость института, но во время пребывания в Томске П.А.Столыпин объявил себя союзником томичей, на встрече в технологическом институте он сказал: «Вот Омск, например, важный экономический центр, тоже ходатайствует об открытии высшего сельскохозяйственного учебного заведения. И когда меня омичи провожали, то на обратном пути просили заехать к ним, опасаясь, что представители Томска, люди умные, ученые, интересы Омска отодвинут на задний план. Но, во всяком случае, смею вас заверить, что я и Кривошеин в этом вопросе ваши союзники»⁸.

Уже после поездки П.А. Столыпина Омская городская дума постановила ходатайствовать об открытии в Омске института, подкрепив это цифровыми экономическими данными⁹. В докладе министров о поездке в Сибирь указывалось, что необходимо сперва открыть сельскохозяйственное отделение при одном из томских вузов, а потом уже создавать отдельный институт¹⁰. Это решение подвергла критике новониколаевская «Обская жизнь». В одной из статей отмечалось, что в Омске институт лучше справится с задачей выработки рекомендаций рационального ведения хозяйства, так как город расположен в центре схождения различных климатических зон, а в Томске агрономия будет сведена к роли придатка к программе технологического института. Идея омичей вытекает из жизни, а авторы томского проекта пытаются решить вопрос по линии наименьшего сопротивления. «В Томске институт

сделается полунужным памятником того времени, когда полагали идти по томскому пути»¹¹.

В январе 1912 г. директор томского политехнического института Е. Зубашев признавал, что у томского проекта есть одно преимущество - «возможность значительно удешевить учреждение сельскохозяйственного института»¹². Очевидно, перемена во мнении связана с тем, что не стало самого высокопоставленного сторонника томского проекта.

В 1912 г. обсуждение проекта сельскохозяйственного вуза в Сибири возобновилось с новой силой, связано это было с конкретным воплощением идеи. В «Омском вестнике» появилась статья «К вопросу о том, где в Западной Сибири должен быть сельскохозяйственный институт». Среди многих аргументов автор отмечал, в частности, что Омск занимает ведущее место по торговому обороту и грузообороту. Из 20 миллионов пудов грузов 1 миллион приходится на сельскохозяйственные орудия, более 5 миллионов на зерно, 800 тысяч пудов на сливочное масло. Именно в Омске свои представительства открыли ведущие московские и зарубежные фирмы. Кроме того, в Омске уже решено открыть ветеринарный институт. «...Можно было бы открыть в Омске вместо ветеринарного института сельскохозяйственный, что стоило бы дешевле, тем более что отделения могли бы быть открыты постепенно, не в один год»¹³. Характерно, что такую позицию совершенно не разделял главноуправляющий земледелием и землеустройством. Когда делегация от Омска высказала такое предложение Н.В. Кривошеину, то он ответил: «Кто много хочет, тот мало получает. Вы должны в ногах валяться за ветеринарный институт»¹⁴. Автор «Омского вестника» в этой связи заметил, что с точки зрения министра, институт должен получить Сахалин, который и не помышляет ни о каком институте. Омск же много хочет, потому что жизнь города развивается быстрым темпом, и город выделяет средства на вуз.

По-видимому, к концу 1912 г. в правительственных кругах уже было решено открывать институт в Омске или Барнауле. Старший специалист по

сельскохозяйственному образованию при департаменте земледелия И.М. Катаев считал, что, как по академическим, так и по научным функциям, лучшим местом для открытия будет Омск, кроме того здесь уже есть среднее сельскохозяйственное училище, что позволяет использовать его базу и опыт¹⁵.

21–24 января 1913 г. в главном управлении земледелия и землеустройства проходило междуведомственное совещание, посвященное выбору места для института, в котором приняли участие 13 сибирских городов и 6 центральных ведомств. По словам тогда уже члена Государственного Совета, бывшего директора томского технологического института, Е. Зубашева «грандиозно была организована защита Омска». Были напечатаны две докладные записки, приехали представители с мест, а по поручению степного генерал-губернатора и атамана сибирского казачьего войска прислано заявление, что в случае открытия института в Омске казаки передадут ему одну тысячу десятин земли. При голосовании шесть представителей сибирских городов высказались за Омск, семь – за Барнаул¹⁶. Вопрос об открытии института не был окончательно решен.

В 1913–1914 г. состоялось несколько совещаний с участием сибирских городов и центральных ведомств, в результате которых в июне 1914 г. было решено открыть институт в Омске. По плану, в 1916 г. должны были начать работу агрономическое и ветеринарное отделения, а в 1918 гидротехническое и лесотехническое¹⁷. Вопрос об открытии сельскохозяйственного института в Сибири явился проблемой, в решении которой заметную роль сыграла общественность, мобилизованная печатью.

¹⁵О высшем сельскохозяйственном образовании в Сибири // Омский вестник. 1910. 16 января.

¹⁶К вопросу об открытии высшего учебного заведения в городе Омске // Омское слово. 1909. 29 января.

¹⁷Червоненко В. Очерки истории омского сельскохозяйственного института. Омск 1994. С. 5.

¹⁸О необходимости открытия в Омске ветеринарного и сельскохозяйственного институтов // Сибирские вопросы. 1910. №№ 22–23. С. 12.

- ⁵К вопросу о сельскохозяйственном образовании в Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 6 февраля.
- ⁶Емельянов П. Где должен быть сибирский ветеринарный институт // Омский вестник. 1910. 31 января.
- ⁷Письмо П. Емельянова к Ф.Ф. Штумпфу // Омский вестник. 1910. 2 мая.
- ⁸Министры о сельскохозяйственном институте. В технологическом институте // Сибирская жизнь. 1910. 2 сентября.
- ⁹К вопросу об открытии сельскохозяйственного института с ветеринарным отделением // Омский телеграф. 1910. 26 октября.
- ¹⁰Всепопданнейший доклад С. 63.
- ¹¹Статью перепечатал «Омский телеграф» в рубрике «Отклики сибирской печати» // Омский телеграф. 1910. 2 сентября.
- ¹²Высшая школа сельского хозяйства. Мнение Е. Зубашева // Сибирская жизнь. 1912. 22 января.
- ¹³К вопросу о том, где в Западной Сибири должен быть сельскохозяйственный институт // Омский вестник. 1912. 23 августа.
- ¹⁴Принципы // Омский вестник. 1912. 11 ноября.
- ¹⁵Н. Города-претенденты на сельскохозяйственный институт // Омский вестник. 1912. 5 декабря.
- ¹⁶Член Государственного Совета Е. Зубашев. Сельскохозяйственный институт. Совещание о выборе пункта для открытия в Сибири // Сибирская жизнь. 1913. 6 февраля.
- ¹⁷Проект первого сельскохозяйственного института в Сибири // Сибирская жизнь. 1914. 6 февраля.

Список сокращений

- АГАУ – Алтайский государственный аграрный университет
АМКМ – Архив Минусинского краеведческого музея
АМО – Автомобильное московское общество
АО – Автономный округ
АО – Акционерное общество
АОЗТ – Акционерное общество закрытого типа
АПК – агропромышленный комплекс
АРГО – Архив Русского географического общества
АРКМ - Архив Регионального Краеведческого музея им. Н.М. Мартянова в г. Минусинске
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
БГСХА – Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова
БГУ – Бурятский государственный университет
БМАССР – Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика.
Бурревком – Бурятский революционный комитет
БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ВСОСХПиТ – Восточно-Сибирское общество сельского хозяйства, промышленности и торговли
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАКО – Государственный архив Курганской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРА – Государственный архив Республики Алтай
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАТО – Государственный архив Тюменской области
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
ГИП – государственно-частное партнерство
ГМО – генетически модифицированный организм
ГУЗиЗ – Главное управление землеустройства и земледелия
Д. – дело
д. – деревня
ДТК – детская трудовая коммуна
ЕРКМ – Енисейский Региональный Краеведческий Музей
Закупсбыт – Союз сибирских маслодельных артелей
ИТС – инженерно-техническая секция
ИФГАТО – Ишимский филиал Государственного архива Тюменской области
КРС – крупный рогатый скот
КРУ – Контрольно-ревизионное управление
Л. – лист
МГТА – Минусинский Городской Государственный архив
МОСХ – Московское общество сельского хозяйства
МСС – машинно-сенокосная станция
МТС – машинно-тракторная станция
МЭЭ ОмГУ – Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
Наркомвнутдел – Народный комиссариат внутренних дел
Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
НКЗ – Народный комиссариат земледелия

НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)
ОАО – открытое акционерное общество
ОК КПСС – Областной комитет Коммунистической партии Советского Союза
ОКРОНО – Окружной отдел народного образования
ОмГАУ – Омский государственный университет им. П.А. Столыпина
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
Оп. – опись
ОТИИ – Омский танковый инженерный институт
ПГТ – поселок городского типа
ПМА – полевые материалы автора
П.о. – полевая опись
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии
Сибревком – Сибирский Революционный Комитет
СПК – Сельскохозяйственный производственный кооператив
СМ – Совет Министров
СНК – Совет народных комиссаров
ССМА – Союз сибирских маслодельных артелей
СПД – социально-педагогические дисциплины
у. – уезд
Ф. – фонд
ФГОС – Федеральные государственные образовательные стандарты
ФГОУ ВПО ОмГАУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Омский государственный университет им. П.А. Столыпина
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЧП – частный предприниматель

ШИКМ – Шемонаихинский историко-краеведческий музей

ЯАССР – Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

PR (англ. Public Relations) – связи с общественностью

List of Abbreviations

- АГАУ – Altay State Agrarian University
- АМКМ – Minusinsk Local Lore Museum Archive
- АМО – Automobile Moscow Society
- АО – Autonomous Area
- АО – Joint Stock Company
- АОЗТ – Closed Joint Stock Company
- АПК – Agroindustrial Complex
- АРГО – Russian Geographical Society Archive
- АРКМ – Archive of Regional Local Lore Museum n.a. N.M. Martyanov in Minusinsk
- АССР – Autonomous Soviet Socialistic
- БГСХА – The Buryat State Agricultural Academy n.a. V. R. Filippov
- БГУ – Buryat State University
- БМАССР – Buryat Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic.
- Бурревком – The Buryat Revolutionary Committee
- БФ СО АН СССР – Academy of Sciences of the USSR – Buryat Branch of the Siberian office of Academy of Sciences of the Union of the Soviet Socialist Republics
- ВДНХ – Exhibition of Achievements of National Economy
- ВСОСХПИТ – The East Siberian Society of Agriculture, Industry and Trade
- ВЦИК – All-Russian Central Executive Committee
- ГААК – State Archive Of The Altai Territory
- ГАИО – State Archive Of The Irkutsk Region
- ГАКК – State Archive Of Krasnoyarsk Krai
- ГАКО – State Archive Of The Kurgan Region
- ГАНО – State Archive Of The Novosibirsk Region
- ГАРА – State Archive Of Altai Republic
- ГАРФ – State Archive Of The Russian Federation

ГАСО – State Archive Of Sverdlovsk Region
ГАСПИТО – State archive of socio-political history of Tyumen oblast
ГАТО – State archive of Tomsk oblast
ГАТО – State archive of Tyumen oblast
ГИАОО – State historical archive of Omsk oblast
ГИП- State-Private Partnership
ГМО – Genetically Modified Organism
ГУЗиЗ – Head Department Of Land Management And Agriculture
Д. – case
д. – village
ДТК – Children's Labor Commune
ЕРКМ - Yenisei Regional Museum of Local Lore
Закуплбыт – The Union Of Siberian Butter Producing Artels
ИТС – Technical Section
ИФГАТО – Ishim Branch Of The State Archive Of Tyumen Oblast
КРС – cattle
КРУ – Control And Auditing Department
Л. – sheet
МГГА - Minusinsk City State Archive
МОСХ – Moscow Society Of Agriculture
МСС – Machine And Haying Station
МТС – Machine And Tractor Station
МЭЭ ОмГУ – Materials of ethnographic expedition of Omsk state university
Наркомвнутдел – The National Commissariat Of Internal Affairs
Наркомзем – National commissariat of agriculture
НКЗ – National commissariat of agriculture
НА РС (Я) – National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)
ОАО – Open Joint Stock Company
ОК КПСС – Regional Committee Of Communist Party Of The Soviet Union
ОКРОНО – District Department Of National Education

ОмГАУ – Omsk State University n.a. P. A. Stolypin
ООО – Limited Liability Company
Оп. - inventory
ОТИИ – Omsk Tank Engineering Institute
ПГТ – township
ПМА – field materials of the author
П.о. –field inventory
ПСЗРИ – Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire
РГАЭ – Russian State Archive Of Economics
РГИА – Russian State Historical Archive
Росреестр – Federal Registration Service
Сибревком – Siberian Revolutionary Committee
СПК – Agricultural production cooperative
СМ – Council Of Ministers
СНК – Council of People's Commissars
ССМА – Siberian Union of Butter Producing Artels
СПД – social and pedagogical disciplines
у. – district
Ф. – fund
ФГОС – Federal State Educational Standards
ФГОУ ВПО ОмГАУ – Federal Public Budgetary Educational Institution Of
Higher Education Omsk State Agrarian University n.a. P. A. Stolypin
ЦГАДА – Central State Archive Of Ancient Acts
ЦГАОР – Central State Archive Of The October Revolution
ЦГИА СПб - Central State Historical Archive Of St. Petersburg
ЦДОСО – Center Of Documentation Of Public Organizations Of Sverdlovsk
Oblast
ЦИК – Central Executive Committee
ЧП – sole proprietor
ШИКМ – Shemonaikhinsky Local History Museum

ЯАССР – Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic

PR (англ. Public Relations) – public relations

**ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

<i>Азарова Л.В.</i> Изменение качества жизни населения в субъектах Западной Сибири во второй половине XX века.....	5
<i>Аргудяева Ю.В.</i> Влияние миграций на изменение состава семей крестьян-переселенцев с Дальнего Востока в конце XIX в.	10
<i>Бабииков В.А.</i> Экотур «В гостях у семейских» как одно из условий позиционирования туристско-географического бренда Республики Бурятия.....	16
<i>Бережнова М.Л.</i> Динамика населения в современной Сибири: культурологические аспекты.....	21
<i>Бондаренко С.И.</i> Сельские советские праздники на целине (региональный аспект).....	26
<i>Винокурова Л.И.</i> Якутская деревня в 1970-е годы: повседневная жизнь и гендер	32
<i>Гайлит О.А.</i> Крестьянская интерпретация советской действительности: деревенские слухи 1920-1930-х гг.....	38
<i>Глушкова П.В.</i> Ревалоризация традиционной календарной обрядности русских: на примере деятельности экомuzeя «Гюльберский городок»	43
<i>Гутьра В.И.</i> Сакральная деревня Окунево Муромцевского района Омской области как фактор формирования религиозной идентичности городской молодежи	49
<i>Елизарова Н.В.</i> Отношение крестьянина к коллективизации деревни (на примере политических частушек)	53
<i>Ерохина Е.А.</i> Архаика и неотрадиция как два вектора глобализации	59
<i>Жигунова М.А.</i> Этнокультурные процессы в современной сибирской деревне.....	64
<i>Золотова Т.Н.</i> Народная художественная культура в Сибирском федеральном округе	70
<i>Ильина А.А.</i> К вопросу о состоянии изучения татарского языка в Томской области в 1990–2000-х гг.	80
<i>Кимеева Т.И.</i> Культурологический аспект исследования русского влияния на женские украшения коренных жителей поселков Горной Шории.....	86

<i>Козлова Н.К.</i>	
Центры русской традиционной культуры Омской области и их роль в сохранении и изучении народных традиций.....	92
<i>Коляскина Е.А.</i>	
Власть в сельской семье и обществе у русских Алтая в конце XIX – первой половине XX века	99
<i>Кулигина Я.А.</i>	
Антропонимическая характеристика южнозауральских слобод XVIII – XIX веков	104
<i>Кутузова М.В.</i>	
Демографический аспект уровня жизни населения сибирской деревни как фактор ее устойчивого развития.....	109
<i>Марганова Ф.Ф.</i>	
Лексема «кол» в названиях сибирско-татарских деревень.....	116
<i>Мардоса Й.</i>	
Еврейские села в Литве (1-4 десятилетия XX века).....	120
<i>Межсевичкин И.В.</i>	
Об отношении к умершим неестественной смертью в Среднем Прииртышье	127
<i>Менищиков И.С.</i>	
Девиантное поведение у русских в Западной Сибири в начале XX века: проявление кризиса традиционной культуры	133
<i>Мягков Д.А.</i>	
Забой скота как элемент животноводства барабинских татар	138
<i>Новикова Ю.С.</i>	
Культура жизнеобеспечения украинцев Омского Прииртышья (по полевым материалам)	144
<i>Овчарова М.А.</i>	
Ареалы расселения мордвы на юго-востоке Сибири (Томская область): динамика XIX – XX вв.....	149
<i>Первых Т.Н., Трусова В.П.</i>	
Областной «Праздник Севера» как средство сохранения здоровья и долголетия сельских жителей Омской области.....	155
<i>Пермиловская А.Б.</i>	
Крестьянский дом как знак традиционной культуры	161
<i>Секретова Л.В.</i>	
О создании этнографического гостиного дома в поселке Муромцево Омской области.....	168
<i>Селезнев А.Г.</i>	
Хронотоп как фактор формирования новых сакральных пространств... ..	174
<i>Селезнева И.А.</i>	
Сакральный центр в сибирской тайге: образ паломника (на примере д. Окунево).....	180

<i>Смурова О.В.</i>	
Костромские ремёсла и промыслы: историческая ретроспектива и современность	186
<i>Татауров Ф.С.</i>	
Статусные вещи как основание для сравнения сельского и городского общества Западной Сибири в XVII-XVIII вв.	192
<i>Татаурова Л.В.</i>	
Культура и система жизнеобеспечения сибирской деревни XVII-XVIII вв. по данным археологии	198
<i>Тихомиров К.Н.</i>	
Влияние изменения устройства печей на питание населения южнотаёжных районов Среднего Прииртышья в XX веке по археологическим материалам	204
<i>Тихомирова М.Н.</i>	
Молочные продукты в питании татар Барабы (XX в. – 2010 годы)	210
<i>Топп-Вуйтович И.</i>	
Изменение в религиозном мировоззрении и идентичности «польских деревень» в Сибири. Сравнительное исследование Вершины и Пихтинска	217
<i>Филинович О.А.</i>	
Специфика деревенской игровой культуры на примере игр XIX века ...	231
<i>Филиппова В.В.</i>	
Современная структура межнациональных браков Верхнеколымских юкагиров	236
<i>Хилько Н.Ф.</i>	
Медийные формы этнокультурной идентичности в поликультурном социуме	241
<i>Чарина О.И.</i>	
Русский старожильский фольклор в селах Якутии: особенности жанров	245
<i>Шитилина Г.В.</i>	
Национальный состав сельского населения Томского округа в 1920-е гг.	250
<i>Щербин Н.М.</i>	
Рождаемость населения в сельской местности Новосибирской области в 1955-1959 гг.	255
<i>Явнова Л.А.</i>	
Любовь и брак в представлениях сельского населения Алтайского края (по материалам устных и письменных источников)	261

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

<i>Антонов Е.П.</i> Подготовка кадров аграрной интеллигенции Якутии в модернизационный период (1920–1930-е гг.).....	267
<i>Артамонова Т.А.</i> Выпускники аграрного вуза как потенциал в развитии аграрного сектора экономики Алтайского края	273
<i>Ахунова Э.Р.</i> Этнографическая коллекция томских татар в Томском областном краеведческом музее.....	278
<i>Бадулина Е.Ю., Корнажевская Л.А.</i> Практика воспитания духовно-нравственных качеств у студентов в современном мире (на примере аграрного университета)	284
<i>Гегнер О.В.</i> Сибирский геодезист генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): научная и педагогическая деятельность.....	289
<i>Зайцева Л.А., Зангеева Л.Р.</i> Организатор науки (к 100-летию со дня рождения В.Р. Филиппова)	296
<i>Карначев А.Е.</i> Образование и развитие министерства сельского хозяйства и продовольствия республики Бурятии в 1923–1970-е годы	302
<i>Корнажевская Л.А.</i> Формирование исторического сознания у студентов аграрных вузов Западной Сибири	308
<i>Кузнецов Д.В.</i> П.А. Столыпин и организация начального сельскохозяйственного образования в г. Омске	313
<i>Малякутова Л.Е.</i> Изучение антропологии молодежных субкультур на примере г. Омска	321
<i>Махнанова И.А.</i> К вопросу о расширении историографической базы (об изучении творческого наследия поэтов, писателей, краеведов Омской области)..	328
<i>Новаторов В.Е.</i> Роль сельской интеллигенции в развитии и укреплении человеческого капитала аграрной экономики	334
<i>Патрушева Г.М.</i> Особенности подготовки и проведения музейной экскурсии на примере деятельности Омского государственного историко-краеведческого музея	339
<i>Саврушева М.И.</i> Изучение сельского хозяйства в Сибирском кадетском корпусе: по материалам фонда библиотеки корпуса	346

<i>Смоленский Е.А.</i>	
Современные трансформации досуга молодёжи села	352
<i>Сон Л. О</i>	
профессиональной этике как составляющей профессиональной культуры в селе	357
<i>Талапин А.Н.</i>	
Преподавание истории в аграрном вузе. Опыт дегуманизации образования	360
<i>Шелковский В.А.</i>	
Освещение в сибирской периодической печати проблемы открытия сельскохозяйственного института в Сибири (1907–1914 гг.)	366

**PROBLEMS OF NATIONAL CULTURE, ETHNOCULTURAL
AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE PAST
AND PRESENT TIME**

<i>Azarova L.V.</i> Change of quality of life of the population in subjects of Western Siberia in the second half of the 20 th century	5
<i>Argudyaeva Yu.V.</i> Influence of migrations on change of structure of families of peasants immigrants of the Far East in the late 19 th century.....	10
<i>Babikov V.A.</i> Ecotour "Visit the semeyskye" as one of conditions of positioning of a tourist and geographical brand of the Republic of Buryatia.....	16
<i>Berezhnova M.L.</i> Dynamics of the population in modern Siberia: culturological aspects	21
<i>Bondarenko S. I.</i> Rural Soviet holidays in virgin land areas (regional aspect).....	26
<i>Vinokurova L.I.</i> Yakutia village in 1970s: everyday life and gender	32
<i>Faïlum O. A.</i> Peasant interpretation of the Soviet reality: rural hearings of the 1920-1930s.....	38
<i>Glushkova P. V.</i> Revalorization of traditional calendar ceremonialism of Russians: on the example of ecomuseum "Tyulbersky Town" activity.....	43
<i>Gutyra V. I.</i> Okunevo's sacral village of the Muromtsevsky region of the Omsk Oblast as a factor of formation of religious identity of the city youth.....	49
<i>Yelizarova N. V.</i> Attitude of peasants to village collectivization (on the example of political chastushkas)	53
<i>Yerokhina E.A.</i> Antiquity and neotradition as two vectors of globalization.....	59
<i>Zhigunova M. A.</i> Ethnocultural processes in the modern Siberian village.....	64
<i>Zolotova T.N.</i> National art culture in Siberian Federal District.....	70
<i>Ilyina A.A.</i> To a question of a condition of studying of the Tatar language in the Tomsk region in 1990s –2000s.....	80
<i>Kimeeva T.I.</i> Culturological aspect of research of the Russian influence on female jewelry of aboriginals of the settlements of Gornaya Shoriya	86
<i>Kozlova N. K.</i> The centers of the Russian traditional culture of Omsk Oblast and their role in preservation and studying of national traditions.....	92

<i>Kolyaskina E.A.</i>	
Authority in a rural family and society among Russians of Altai at the end of 19 th – the first half of the 20 th century	99
<i>Kuligina Ya.A.</i>	
Anthroponomical characteristic of the South Trans-Urals settlements of the 18-19 th centuries.....	104
<i>Kutuzova M. V.</i>	
Demographical aspect of standard of living of the population of the Siberian village as factor of its sustainable development.....	109
<i>Marganova F.F.</i> Lexical unit "kol" in names of the Siberian Tatar villages .	116
<i>Mardosa Y.</i>	
Jewish villages in Lithuania (1-4 decades of the 20 th century).....	120
<i>Mezhevikin I.V.</i>	
About the attitude towards the unnatural death in the Middle Irtysh Region	127
<i>Menshchikov I.S.</i>	
Deviant behavior among Russians in Western Siberia at the beginning of the 20 th century: manifestation of crisis of traditional culture.....	133
<i>Myagkov D. A.</i>	
Slaughter of cattle as element of animal husbandry of Barabinsk Tatars	138
<i>Novikova Yu.S.</i>	
Culture of life support of Ukrainians of Omsk-Irtysh Region (on field materials).....	144
<i>Ovcharova M. A.</i>	
Moving areas of Mordovians in the southeast of Siberia (Tomsk region): 19-20 th centuries.....	149
<i>Pervykh T.N., Trusova V.P.</i>	
Oblast "North Holiday" as means of preservation of health and longevity of villagers of Omsk region.....	155
<i>Permilovskaya A.B.</i>	
Peasant house as a sign of traditional culture	161
<i>Sekretova L.V.</i>	
About creation of the ethnographic guest house in Muromtsevo settlement of Omsk region.....	168
<i>Seleznev A.G.</i>	
Chronotope as a factor of formation of new sacral spaces	174
<i>Selezneva I.A.</i>	
The sacral center in the Siberian taiga: image of the pilgrim (on the example of Okunevo).....	180
<i>Smurova O. V.</i>	
Kostroma crafts: historical retrospective and present time.....	186
<i>Tataurov F.S.</i>	
Status things as the basis for comparison of rural and city society of Western Siberia in the 17-18 th centuries.....	192

<i>Tataurova L. V.</i>	
Culture and a life support system of the Siberian village of the 17-18 th centuries according to archeology	198
<i>Tikhomirov K. N.</i>	
Influence of change of the device of furnaces on food of the population of South taiga regions of Central Irtysh Region in the 20 th century on archaeological materials.....	204
<i>Tikhomirova M. N.</i>	
Dairy products in food of Tatars of Baraby (20 th century – 2010).....	210
<i>Topp-Vuytovich I.</i>	
Changes in religious outlook and identity of "the Polish villages" in Siberia. Comparative research of Top and Pikhtinsk.....	217
<i>Filinovich O. A.</i>	
Specificity of rural game culture on the example of games of the 19 th century.....	231
<i>Filippova V. V.</i>	
Modern structure of international marriages of Verkhnekolymsky Yukaghirs.....	236
<i>Hilko N. F.</i>	
Media forms of ethnocultural identity in polycultural society	241
<i>Charin O. I.</i>	
Russky old-timer folklore in the villages of Yakutia: features of genres	245
<i>Shipilina G. V.</i>	
National structure of country people of the Tomsk district in the 1920s.	250
<i>Shcherbin N. M.</i>	
Birth rate of the population in rural areas of the Novosibirsk oblast in 1955-1959.	255
<i>Yavnova L. A.</i>	
Love and marriage in representations of country people of the Altai territory (on materials of oral and written sources)	261

EDUCATION, SCIENCE, CULTURE IN THE CONTEXT OF AGRARIAN DEVELOPMENT OF SIBERIA

<i>Antonov E. P.</i>	
Training of the agrarian intellectuals of Yakutia during the modernization period (1920–1930-ies).....	267
<i>Artamonova T. A.</i>	
Graduates of agrarian higher education institution as potential in development of agrarian sector of economy of Altai territory	273
<i>E. R. Akhunova</i>	
Ethnographic Collection of Siberian Tatars in Tomsk Regional Museum.....	278

<i>Badylina E. Yu. , Kornashevskaya L. A.</i>	
Practical methods for development of moral and inner features of undergraduates in present day social environment (on the example of students of agrarian educational establishments)	284
<i>Gefner O. V.</i>	
Siberian geodesist major-general Nikifor Demyanovich Pavlov (1867–1929): scientific and educational activities	289
<i>Zaitceva L. A. , Zangeeva L. R.</i>	
The organizer of science (on the 100-th anniversary of V. R. Filippov).....	296
<i>Karnachev A. E., Filippov V. R.</i>	
Formation and development of the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Buryatia in 1923–1970-ies	302
<i>Kornazhevskaya L. A.</i>	
Development of historical consciousness of undergraduates at West-Siberian agrarian educational establishments	308
<i>Kuznetsov D. V.</i>	
P.A. Stolypin and the organization of agricultural education in Omsk.	313
<i>Malyakutova L.E.</i>	
Studying anthropology youth subcultures on the example of Omsk.....	321
<i>Makhnanova I. A.</i>	
On extension the historiographical base (the study of the creative heritage of poets, writers, ethnographers of Omsk oblast).....	328
<i>Novatorov V. E.</i>	
The role of the rural intelligentsia in developing and strengthening of human capital of agrarian economy	334
<i>Patrusheva G. M.</i>	
Features of excursion preparation and carrying out on an example of activity of Omsk State Museum of Local History.	339
<i>Savrusheva M. I.</i>	
Study of agriculture in the siberian cadet corps: on the data of corps library	346
<i>Smolensky E. A.</i>	
Modern transformation of youth leisure in villages	352
<i>Son L.</i>	
Professional ethics as a component of professional culture in rural areas.	357
<i>Talapin A. N.</i>	
History teaching in agricultural university. An experience of education dehumanization	360
<i>Shelkovskiy V. A.</i>	
The coverage in Siberian periodical press of the issue of founding of an agricultural institute in Siberia (1907–1914).....	366

Подписано в печать 24.04.2014 г. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 23. Заказ № 233161. Тираж 140 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Омскбланкиздат».
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34. Тел. 8-(3812)-212-111.